

An aerial photograph of a town, likely in a rural or semi-rural area. The town is built on a hillside overlooking a wide river. In the foreground, there are several small, simple houses with dark roofs, some with vegetable gardens. A large, white, multi-story building with a flat roof is prominent in the middle ground, surrounded by trees and a low wall. The background shows a dense residential area with many smaller houses and buildings. The overall scene is lush with greenery.

Юрий Батасов
Партизанские засады

Юрий Батасов
Партизанские засады

Тверь
Марина
2007

ББК 84
Б 28

Б 28 Батасов Ю. Партизанские засады: Документальная повесть. – Тверь: Марина, 2007. – 176 с.

Документальная повесть о партизанах Селижаровского района Тверской области. Автор – член Союза журналистов России, член Российского Союза профессиональных литераторов – встречался с очевидцами событий, многие из которых, к сожалению, не дожили до публикации, работал в Центре новейшей истории, Государственном архиве Тверской области, в архиве ФСБ. В повести впервые собран и обобщен такой объем материала, это самое полное исследование истории партизанского движения Селижаровского района, и возможно, последнее, где были использованы воспоминания очевидцев.

Тверской союз литераторов благодарит
Комитет по делам культуры Тверской области,
лично Сергея Григорьевича Изоитко за поддержку.
Благодарим также Вячеслава Михайловича Смирнова –
редактора газеты “Верхневолжская правда”.

Тверской союз литераторов: www.tverlit.narod.ru
Страница Тверского союза литераторов также размещена
на портале www.tvernet.ru
E-mail: tverlit@yandex.ru
batasic@tvcom.ru

© Ю. А. Батасов, текст, 2007

© “Марина”, 2007

С детства я, как и, наверное, многие жители района, был наслышан о партизанах. Запомнились и рассказы отца, который, едва оправившись от финской, в 1941 году был зачислен в Ржевский запасной 419-й стрелковый полк. Потом полк перебросили на Украину, там он попал в окружение, и отец, как и многие другие сослуживцы, оказался у Ковпака. В 1943 году отец был тяжело ранен и отправлен самолетом на Большую землю. Вернулся в конце войны инвалидом.

Работая в газетах, я неоднократно публиковал материалы о партизанах. Наверное, все это и подтолкнуло написать о партизанах нашего района. Я встречался с очевидцами событий, теперь, к сожалению, умершими, читал подлинные материалы в Центре новейшей истории, Государственном архиве Калининской области, в архиве ФСБ. В подготовленных материалах подлинные фамилии, факты. Но наверняка не все. Если остались очевидцы – а среди партизан были и юные селижаровцы, как семнадцатилетний учащийся Селищенской средней школы М. Капустин, воевавший вместе с отцом, или девушки-разведчицы С. Шаврина, С. Кирсанова, Н. Воробьева, К. Удалова, К. Широкова – прошу присылать свои воспоминания в издательство или в газету “Верхневолжская правда”. Кому сделать это затруднительно, прошу просто назвать свой адрес. И я встречу с автором письма. Сегодня дорог каждый факт, каждое слово очевидца.

Несколько слов о партизанском отряде. Он был сравнительно небольшой – 120-140 человек, в зависимости от времени. Действовал недолго, пока не выгнали оккупантов из района. Сражались партизаны в особых условиях, в прифронтовой зоне, насыщенной полевыми войсками. Отряды постоянно поддерживали связь с частями Красной Армии.

Патриоты и предатели, пособники фашистов, были рядом, действовали в одной среде обитания. К сожалению

нию, прихвостней было немало. Впрочем, как и сейчас, рядом с честными людьми скрывают свое лицо воры, другие отщепенцы. А от воровства до предательства путь короткий. Мир многолик. И отличить настоящее от фальшивого не всегда просто. А делать это надо, не дожидаясь экстремальных обстоятельств.

Глава первая

Фронт приближался стремительно. Через месяц войны немцы были у Смоленска. Вскоре прифронтовыми городами стали Торопец, Андреаполь... Враг приближался к Селижарову. Неужели он омоет свои сапоги в Волге?

Поселок заполнили беженцы. В кабинете председателя райисполкома Петра Мартыновича Бугаева постоянно толпились люди, пропыленные и небритые. Оттуда нередко доносились возбужденные голоса. Бугаев, которому едва исполнилось тридцать пять, перед войной был направлен на советскую работу из Велижа, который давно оккупировали немцы. Неужели не минует сия чаша и Селижарово?

С этими мыслями ложился и вставал. Дома почти не бывал. Спал урывками. Ежечасно приходилось решать вопросы с устройством беженцев, приемом скота из оккупированных районов и подготовкой гуртов к отправке дальше, размещением и пополнением воинских частей, снабжением их продовольствием, уборкой урожая, мобилизацией людей на строительство укрепрубежа между Осташковом и Ржевом. Необходимо было вручную выкопать противотанковый ров длиной 240 километров, построить более 30 дотов, сотни дзотов, оборудовать пулеметные гнезда, траншеи.

Тысячи селижаровцев, женщин и подростков из других районов области создавали этот рубеж. Задание было четыре кубометра грунта в день. Перебрасывать его приходилось с уступа на уступ три раза, что увеличивало норму до 12 кубометров. Проблемы были и с отсутствием теплых вещей, никто не думал, что едут до осени; шанцевым инструментом, сбитыми в кровь ладонями. Самолеты врага на бреющем полете расстреливали беззащитных людей из пулеметов, сбрасывали листовки, которые утверждали: “Зря копаете вы ямки – не пойдут здесь наши танки”.

Танки действительно не пошли дальше Селижаровского района, хотя немцы и стремились прорваться к желез-

нодорожному узлу Бологое, чтобы перерезать дорогу между Москвой и Ленинградом. Остановили их наши войска, мужественно сражаясь за каждую пядь родной земли. Отсюда началось изгнание врага. Линия мужества выглядела так: Осташков – Селижарово – река Большая Коша – река Тьма – Торжок – Тверь – Подмоскowie. На военных картах она обозначена пунктиром. К 60-летию Победы отметить бы ее музеями-экспозициями-публикациями, выступлениями ветеранов, которых скоро будем пересчитывать по пальцам. И больше никто и никогда не услышит в живую личные впечатления солдат, партизан, тружеников тыла, обладающих этим бесценным богатством. Возможно, восстановить хотя бы один дот и превратить его в музей, дышащий пламенем войны, который не обойдут жители района, многочисленные туристы. Это можно сделать и в складчину. И дорог каждый день, каждый военный экспонат, дорога каждая фотокарточка солдата...

...Постоянно многолюдно было и в районном комитете ВКП(б), который возглавлял Н. С. Кубышкин, человек в партийных и житейских делах опытный, авторитетный. Среди множества вопросов приоритетным было создание партизанских отрядов. В первый же день войны Указом Президиума Верховного Совета СССР в нашей области, как и в десятках других, было объявлено военное положение. На второй день войны была объявлена мобилизация военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 год включительно. А в Директиве ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР от 29 июня партийным и советским организациям прифронтовых областей предписывалось создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для подрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов... В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...

В соответствии с этой директивой Калининский обком ВКП(б) 3 июля дал секретарям райкомов и горкомов указание о создании подпольных партийных организаций. Одновременно был дан старт созданию в области партизанских отрядов. Почти во всех оккупированных районах секретари райкомов возглавили партизанские отряды, партийные партизанские центры, координировавшие деятельность партизан района, либо были назначены комиссарами отрядов.

С 26 июня в каждом районе области началось создание истребительных батальонов. Был создан такой батальон и в Кировском (Селижаровском) районе. Личный состав его был подобран в основном из коммунистов и комсомольцев, советских активистов без отрыва от их постоянной работы. Батальон был сформирован по военному образцу и состоял из рот, взводов, отделений. Комплектование происходило при участии райкома партии и под руководством райотдела НКВД. Командиром батальона был назначен чекист, а комиссаром – заведующий райфо¹ Василий Васильевич Стрелков.

В задачу бойцов батальона входили выезд на операции по задержанию парашютистов, вражеской агентуры, бандитов, дезертиров, охрана важных объектов и сооружений, патрулирование, проверка лесных массивов, сбор трофейного и отечественного оружия, организация круглосуточного наблюдения за воздухом...

Кубышкин понимал, что многие бойцы истребительного батальона при оккупации района могут составить ядро партизанских отрядов, и с первых дней нацеливал их заниматься оперативно-практической деятельностью. В поселке и некоторых деревнях проводили облавы, проверяли документы, собирали вражеские листовки... Группы содействия батальону были созданы при сельсоветах. К бойцам тщательно присматривались, оценивали их боевые

¹ Список сокращений дается в конце книги.

возможности, чтобы определить, в каком качестве они могут принести наибольшую пользу в партизанских отрядах.

Большая часть мужчин уже была мобилизована в Красную Армию. Теперь настало время тех, кто в свое время получил “бронь”. С каждым в райкоме партии проводилась индивидуальная беседа. В партизаны “записывали” добровольно. Исключение составили только работники милиции. По указанию секретаря Калининского обкома партии Бойцова и начальника областного управления НКВД Токарева в партизанские отряды зачислили всех милиционеров: Бондарева, Кузьмина, Куприянова, Фомина, Каравашкина, Шалаева, Гусева, Кондратьева, Сахарникова, еще одного Куприянова и других.

Начальник райотдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Пликин, старший лейтенант Сорокин вместе с секретарями райкома партии вошли в так называемый партийный партизанский центр, который должен быть действовать на заранее подготовленном месте.

Кроме милиционеров, в партизанские отряды вошли директор конторы “Заготживсырье” П. А. Лямин, преподаватель Кировской средней школы В. Д. Поляков, председатель Шуваевского сельсовета И. П. Лосев, сотрудник райфо М. С. Куренков, председатель Елецкого сельсовета М. М. Тихомиров, учитель Кировской средней школы М. Ф. Островский, председатель Ларионовского сельсовета И. Г. Плясунов, механизатор МТС из деревни Глилки Выжлятниковского сельсовета И. М. Куров, председатель Рытовского сельсовета П. С. Олисов, инспектор райфо П. А. Пылев, председатель Пустошкинского сельсовета Н. И. Алферов, счетовод колхоза “Красная звезда” А. И. Лодкин, председатель артели “Смычка” А. Ф. Филиппов, заведующий районной избой-читальней А. С. Бережков, учащийся ФЗО Д. П. Науменков, рабочий И. П. Преображенский и многие другие. Подбирали людей тщательно и тайно. Семьи зачисленных в партизанские отряды решили эвакуировать за пределы района.

Командиров и комиссаров отрядов утвердили на бюро райкома. Сделали это заранее, чтобы не произошло так, как с некоторыми западными районами области: Себежским, Идрицким, Опочецким, где до оккупации не было создано ни одного партизанского отряда. Пришлось спешно создавать отряды и перебрасывать партизан в тыл противника через линию фронта. Поэтому обком требовал, чтобы партизанские отряды в районах, где возможна оккупация, создавались своевременно, были вооружены, обеспечены продовольствием и другим имуществом. Предлагалось создать общий отряд, который делился на боевые дружины. В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) необходимо было создать и подпольные партийные организации, руководство которыми должны осуществлять секретари райкомов. Состав подпольных организаций предписывалось формировать до прихода немцев из незаметных людей – лесников, учителей, колхозников, переброшенных из других районов.

В общий отряд района вошли четыре отряда, боевые дружины, как их называли тогда. Командиром первого отряда стал Иван Николаевич Ветковский, председатель Ананкинского сельсовета, 1902 года рождения, член партии с 1938 года, комиссаром – Н. И. Юров, 1912 года рождения, член партии с 1940 года, младший командир, недавно прошедший кадровую службу. В отряд зачислили 30 бойцов: служащих, милиционеров, рабочих, крестьян.

Второй отряд возглавил Иван Михайлович Ромашов, 1910 года рождения, председатель Большекошинского сельпо, младший командир, член партии. Впрочем, все командиры и комиссары были коммунистами. Немало членов партии было и среди бойцов. Комиссаром утвердили Федора Арсеньевича Белова, 1913 года рождения. Состав тот же – 30 человек.

– Ну, что, Ваня, какое меню предложим фашистам? – полусмущенно спросил Ромашова комиссар, намекая на его предвоенную работу в сельпо.

– Только пули да гранаты, Федя, другого не будет, – серьезно ответил командир.

Во главе третьего партизанского отряда стал Павел Андреевич Шапарев, заместитель председателя райисполкома, 1904 года рождения, член партии с 1926 года, воинское звание – ответственный секретарь батальона. Комиссаром назначили Гавриила Прохоровича Цветкова, 1897 года рождения, члена партии с 1926 года, рядового. В отряде также было 30 бойцов. 3

Четвертым отрядом командовал Павел Егорович Егоров, младший командир, а комиссаром стал народный судья Алексей Никанорович Смирнов, воинское звание – военюрист, уроженец Сычевского района, отец двух детей (проживал на улице К. Маркса, дом 12). В отряд зачислили 25 человек. 4

Люди в районе известные, авторитетные. Все четыре отряда активно готовились к действиям на оккупированной территории. Но, как показало время, формировались самостоятельно и другие небольшие группы партизан – из окруженцев, местного населения. Например, в Шуваевском и Выжлятниковском сельсоветах действовал отряд под руководством А. И. Волкова. Было создано и несколько разведочно-диверсионных групп.

В отрядах организовали военную подготовку. Учились метко стрелять, бросать гранаты, маскироваться, ползать по-пластунски, оказывать первую медицинскую помощь, незаметно снимать часовых. Изучали и топографию, ориентирование... Военкомат обещал прислать специалиста по подрывному делу. Особое внимание уделялось искусству ведения разведки.

Глава вторая

Район жил по фронтовым законам. Все сельское население занималось уборкой урожая. Женщины серпами жали хлеба, старики и дети отвозили снопы на гумно, сушили в овинах и затемно, при свете керосиновых фонарей, вручную обмолачивали ячмень, овес, пшеницу. Часть зерна, картофеля раздавали по трудодням колхозникам. Другую часть прятали в ямах, в лесу, на скотных дворах, в гумнах. Свое каждый прятал сам. Верили – пригодится. Немало зерна было доставлено на товарную станцию, оттуда – в восточные районы области. И даже дальше.

Во второй половине сентября райком и райисполком собрали руководителей хозяйства, сельсоветов, другой актив. Это было последнее большое совещание перед оккупацией. Получил телефонограмму и председатель колхоза “Новый путь” Выжлятниковского сельсовета Егор Беляев. Привез ее верхом на лошади нарочный.

Добирался до Селижарова Беляев на тарантасе, в который запряг лучшую лошадь колхоза. Дорога не близкая, более 30 километров. Много дум передумал. Что скажут на совещании? В глубине души надеялся на чудо: вдруг остановили фашиста. Но чуда не произошло. Кругом озабоченные знакомые люди. В райисполкоме суета, напряженное ожидание читалось на каждом лице. Председатель райисполкома Бугаев в полувоенной форме был строг и немногословен. Рядом в президиуме сидели такие же суровые секретари райкома, начальник райотдела НКВД.

Первый секретарь райкома Кубышкин доложил о том, что получена телефонограмма обкома и облисполкома, принято решение об эвакуации скота из Кировского, Молодотудского, Осташковского, Ржевского и некоторых других районов. Эвакуации подлежал весь здоровый скот: коровы, быки, лошади и козы. Свиной разрешалось забивать на мясо и передавать воинским частям на питание. Предлагалось на 100 голов крупного рогатого скота выде-

лить 4-5 человек, включая зоотехников и ветеринаров. Колхозы обязывались обеспечить семьи, отъезжающие со скотом, продовольствием сроком на полтора-два месяца, лошадьми, повозками и деньгами, по 200-300 рублей на каждого. Гурты следовало перегнать в Ивановскую, Горьковскую, Вологодскую и даже в Кировскую области.

После совещания руководители хозяйств собирались в группы, курили, кумекали, как лучше выполнить задание. К группе, где был Беляев, подошел старый знакомый Павел Шапарев. Отозвал Беляева в сторонку, без предисловий спросил:

– Ну, что делать думаешь?

– Пока выполнять задание, а там видно будет... В партизаны пойду, – сказал тот о давно решенном деле.

– Мысль правильная, но староват ты по лесу бегать. А о партизанских отрядах уже подумали без тебя. Но делается это, сам понимаешь, конспиративно. А у тебя два пути: со скотом в Ярославскую область или затаиться и ждать прихода наших.

В том, что наши вернутся, никто не сомневался.

– Ну, не унывай, Бог даст, свидимся, – как-то загадочно простился Шапарев.

Пока не стемнело, надо было возвращаться. Но Беляев решил все-таки заглянуть в роно. По весне, еще до войны, заведующий А. Ф. Тарараев обещал школе новые учебники. “Какие учебники, – подумал, уже переступая порог, – немцы вот-вот нагрянут”.

Примерно такими словами и встретил его заведующий.

– На чемоданах сидим, а ты – учебники...

В забитую бумагами комнату бочком протиснулся какой-то человек в очках, со сбитым галстуком, с бегающими глазками. Представился учителем немецкого языка из сельской школы. Извиняясь, попросил немецкий словарь.

– Где я тебе его возьму? – развел руками заведующий, оглядев бедлам в кабинете.

Выходя на улицу, Беляев встретил озабоченного чем-то прокурора района Бакалягина.

– Ну, наказал виновного? – не подавая руки, спросил он Беляева.

– Какого виновного? – не понял тот.

– Того, забыл фамилию, что надорвал лошадь на лесозаготовках?

– А, до этого ли, да и в армии он давно, – махнул рукой Беляев.

За Селижаровым отпустил поводья. Лошадь торопилась домой сама, не впервой. Через Городище – Тверское – Холм.

Приехал затемно. По дороге разные мысли лезли в голову. Давно ли жизнь была полна мирных хлопот? Вспомнилось о том довоенном времени с болью. Когда вновь наступят те благословенные дни, когда крестьяне делали изначально им предназначенное – растили хлеб, пахали землю, строили коровники и дома... Учились жить и работать артелью.

Колхозы в Выжлятниковском сельсовете, как и во всем районе, начали создавать в 1929 году. Первым организовали колхоз “Вперед”, председателем его стал коммунист Иван Людвигович Митутков. Первый – он всегда первый, председатель ли в первом колхозе, мужчина ли у женщины. Запоминается на всю жизнь. Целый год не смолкали разговоры в округе. Шутка ли, впервые жить и работать артелью, где все общее – скотина, земля, упряжь... Приглядевшись, через год создали еще два колхоза – “Красный маяк” и “Красный май”, возглавили которые авторитетные мужики Т. Н. Серяков и М. Г. Егоров. Ну, а потом пошло-поехало. В 1931 году организовались выжлятниковские мужики в колхоз “Красный трудовик”, непременно чтоб был красный, соседи в Холму – в “Светлый луч”. Не удержались, да и подталкивали к этому уполномоченные, каждую неделю драли горло за колхоз в Фалькове и Захарятах. Колхоз назвали “Новый путь”. Вошли в него 36 хозяйств, создали 4 бригады. А вот в Глинках и Ключках тянули аж до самого тридцать четвертого года. Но сплошную коллективизацию на совете отметили только в 1935 году, когда организовали последние колхозы “Кустарь”

и “Красная Песочня”. Так писали в районной газете. Но Беляев-то знал: артельной жизнью охвачено 66 процентов хозяйств. В каждой деревне оставались единоличники. Держались до последнего, хотя налогом их душили безбожно. Процент охвата колхозами, как тогда говорили, был самый низкий в районе. А в недрах райзо, которое возглавлял Репнинский, уже зрел проект – объединить в один колхоз-гигант “Новый путь”, “Красные Глинки”, “Светлый путь”, “Красный трудовик”. Удержала горячие головы статья Сталина “Головокружение от успехов”.

Хозяйствовали по-разному. Колхоз “Новый путь” был одним из крепких. За шесть довоенных лет построили две фермы на сто с лишним коров, конюшню, гумно на две деревни, птицеферму, завели стадо овец. И была у мужиков мечта: построить водяную мельницу на Дубенке, чтобы можно было и порыбачить, и зерно молотить, и завести гусят, да и на чем глаз притулить. Сбудется ли?

На гумне, между Захарятами и Фальковым, построенным прямо в лесу, шла молотьба во вторую смену. Старики веяли ворох. Ребяшня затаривала в мешки. Завтра зерно отвезут в лесные ямы, где недавно жгли древесный уголь для кузни. Все шло своим чередом. Люди все понимали и делали все, чтобы сберечь зерно. А дорожке зерна у крестьян ничего нет. Верили, пригодится.

Домой пришел без радости. Да и что делать дома? Усталые глаза жены после первой смены. Кусок хлеба не лез в глотку. Сына Александра призвали в армию перед войной. Счастьем было единственное письмо, свернутый вдвое розовый листок бумаги с типографским оттиском “Смерть немецким оккупантам!”. Сын писал, что скоро на передовую, возможно, писем не будет долго.

Мысль, что делать дальше, не давала покоя. Плуги, бороны, пахотные хомуты, часть зерна и картофеля спрятали в надежном месте. На днях отправим скот, надо только подобрать надежных людей. Сам он с гуртом не пойдет, это решил по дороге домой. Здесь он нужней, да и не пой-

мут люди. А что дальше? Все предать огню, чтобы врага встретила выжженная земля? Но вправе ли он уничтожать то, что создано всем миром? И одобряют ли мужики, когда вернуться с фронта, если всем колхозом, как цыгане, снимемся и отправимся в тыл? Тут надо хорошо подумать, да и посоветоваться не мешает.

Да, война необычная. И, как говорил Сталин в недавней речи, что опубликована в районке, надо все подчинить интересам фронта, отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови, обеспечивать Красную Армию всем необходимым, разворачивать партизанскую борьбу в тылу врага, не оставлять ему ни килограмма зерна, ни одной головы скота...

Возможность посоветоваться с мужиками представилась на другой день. 21 сентября – праздник Богородицы. Конечно, это не повод для гульбы сегодня, но по рюмке с горя, да и поговорить надо.

Днем формировали стадо, подбирали людей. Беляев просил отъезжавших не спешить возвращаться, пригласить на месте за скотом. Бог даст, погонят наши немца, тогда и коровушек можно вернуть на родное подворье. А к вечеру мужики собрались у Беляева в саду.

Неяркое осеннее солнце быстро-быстро скатывалось к кромке леса. С болота тянуло свежей прохладой. На столе, сбитом из струганных досок, стояли бутылки с самогоном, пироги с печенкой и капустой, домашнее пиво еще бродило под шапкой хмеля.

Первым пришел деревенский балагур дед Шуриков, прозванный так за приязнь к живописным картинкам и за шепелявый язык, не выговаривающий букву “с”.

– Ну что, председатель, ношом чую, не зря ты наш шобрал, а нош у меня, шам знаешь, как у твоего кобеля, за вершту чует...

Подтянулись и другие, даже престарелый дед Иван, “приятный ты мой”, еще в первую империалистическую воевавший с германцем.

Не пришел только “Хитрец”, в недавнем подкулачник, еще несколько лет назад живший на хуторе. Когда началось раскулачивание, он отделил двух сыновей, выделил им упряжь, инвентарь, по лошади и корове. Пришли раскулачивать из комитета бедноты, а скотины-то и нет. Стал как все. С той поры и зовут его “Хитрецом”. С досады комбедовцы – Иван Смирнов из Холма, Гриша Белов из Крутца, Вася Крылов из Лыткина, Миша Виноградов с хутора Березка, ребята молодые, да горячие во главе с председателем комбеда Афанасием Никаноровым из Зеленина – сдернули баграми крышу и приказали переехать в деревню.

А вот Тимофей Бабошин с недалекого хутора Мясовец то ли не догадался до этого, то ли не захотел рвать нажитое за 35 лет, хотя с ним жили два сына и две дочери. В результате все имущество отобрали новые хозяева жизни. Самого Тимофея без срока наказания препроводили в исправительно-трудовое поселение, где он и пропал, а детей отправили аж за Урал, как спецпоселенцев, жизнь разбросала и детей. Один из них, Алексей, сложил голову в 1941 году, защищая власть, которая разорила его семью, нарушила навсегда отлаженный образ жизни.

– Ну, что, мужики, – после первой рюмки поднялся Беляев, помня, что после второй “приятный ты мой” ударится в воспоминания, как он колотил германца. – У многих из вас, наверное, есть обида на Советскую власть. Но, думаю, не время сводить счеты. Пришла беда, и надо встречать ее вместе, – и, подумав, добавил, – в единогласии. Это правда, что еще недавно за нас все решали в Москве да в Селижарове.

– И в шильшовете, – встрял дед Шуриков.

– Сегодня мы должны сами решить, как будем жить дальше. Наступил, может быть, самый главный момент в нашей жизни. Сыновья наши на фронте. А что будем делать мы? Уходим вместе со скотиной или остаемся здесь?

– А как жили, так и будем жить обществом, – подал кто-то голос. – Главное – не опаскудиться перед Советской

властью, жить по совести. А подпалить нажитое разве у кого поднимется рука. Да и нехитрое это дело.

– Да, мужики, – согласился Беляев, – это наша земля. Нам ее и держать. Здесь жили наши деды. Бог даст, и нам жить. Ну, а доведется смерть принять, здесь и умрем.

Не предвидел тогда Беляев, что вскоре, 17 ноября 1941 года, появится приказ Ставки № 0428, составленный лично И. В. Сталиным, в котором предписывалось: “При вынужденном отходе наших частей на том или ином участке увести с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать”.

Тогда и появился лозунг “Немца на мороз!”. Конечно, подобные акции создавали немцам много неудобств, но больно били и по местным жителям. В результате в отдельных случаях крестьяне вместо помощи “поджигателям” охраняли от них свои дома и даже передавали их немцам. Есть версия, что так была передана фашистам и Зоя Космодемьянская.

Не миловала власть и тех, кто нарушил приказ Ставки. Так в Ельцах после изгнания оккупантов более 20 человек сельского актива были арестованы и осуждены по статье 58-й сроком до 10 лет за то, что перед приходом врага не эвакуировали население и не сожгли все постройки. Среди них и секретарь партячейки А. А. Коптева. Вернулись после наказания только трое. Суровые были времена.

Так была сожжена еще до приказа Ставки и правобережная часть Селижарова. Левую сторону надеялись удержать. Сделала это команда под руководством председателя поссовета Цветкова. “Когда запылало все вокруг, – рассказывал позднее Цветков, – самым стало страшно”. Но приказ был выполнен.

– Умирать можно по-разному. Шделать это надо доштойно, – подытожил дед Шуриков.

На том и порешили: остаться всей деревней, жить и дальше по совести.

Глава третья

Стояла золотая осень, бабье лето. В это время до войны охотники по чернотропу гоняли зайцев, грибники собирали последние грибы-зеленухи, ягольники на соседнем болоте собирали клюкву. Все в прошлом. Скоро ли наступит эта желанная мирная пора?

...В конце сентября, когда ночи ранние и темные, поздним вечером к воротам продуктовой базы Селижаровского райпотребсоюза почти неслышно подкатили две полторки. В них, укрывшись брезентом, сидели бойцы из партизанского отряда Ветковского. Сторож и кладовщик о приезде были предупреждены заранее. Молодые, сильные парни споро грузили в кузова мешки и ящики с продуктами. По ведомости отряду полагалось 44 мешка муки, 4 мешка гречки и перловки, 18 мешков сухарей, 240 килограммов мясных консервов, полторы тонны картофеля, 300 килограммов соли, 200 кусков мыла, 3 мешка сахара, 400 килограммов сыра в головках, 70 килограммов топленого масла, 80 пачек чаю, 20 килограммов конфет, два ящика спичек... Когда заканчивали погрузку, кто-то вспомнил:

– Махорку забыли!

– У немца попросишь сигарет, – подал голос из темноты водитель.

– Не, я лучше сам им дам прикурить, – отозвался первый.

Негромкий смех раздался среди бойцов. Махорки несколько ящичков погрузили.

Секретную продовольственную базу решили разместить в сосновом бору, в стороне от основной базы партизан. Место выбирал сам Ветковский. Он объехал на лошади под седлом всю округу. Особенно искал место недалеко от лесничества, где деревень мало, а лесу много. Выбрал взгорок среди сосняка. Суходол, хоть в тапочках ходи. Сосновый бор на загляденье, собирать бы здесь грибы да бруснику. Не зря эти места еще до революции выбрал ле-

созаготовитель-подрядчик А. И. Мамонтов, обосновавшийся в Холопове. И в годы НЭПа торговал лесом, годовой оборот превышал двести тысяч рублей. Вспомнилось, как из Октябрьского райкома ВКП(б) Ленинграда пришел запрос на сына Мамонтова – Константина. Он заканчивал институт, ЛИИКС¹, готовил дипломную работу. В запросе требовали подтвердить или опровергнуть справку бывшего председателя сельсовета Козырева, в которой он представил Мамонтова как сына бедняка. На запрос дали исчерпывающую информацию, на этот раз правдивую, добавив, что мать и жена лесоподрядчика также занимались торговлей. Где теперь сынок подрядчика?

Возвращался Ветковский домой через Зеленоваху – Зеленовку – Холопово. Лошадь устала, прошла не один десяток километров. Под седлом показалась мыльная пена. Ехал уже не спеша, место для базы найдено. Теперь надо тайно доставить продукты, снаряжение, другое имущество. Придется все это перегрузить с машин на подводы и доставить ночью.

Деревенский народ трудился на колхозном поле, добирал картошку. Рядом с одним из домов, на лавочке, смолил самокрутку местный житель Александр Быстров. Знал председатель, не шибко охоч до артельной работы мужик. Все норовит по дому. Рядом, прислоненная к подремонтированному забору, стояла свежая березовая метла. Дорожка к дому подметена. “Странное дело, – подумалось, – никогда опрятностью мужик не отличался, а тут дорожки метет, как бывало в армии перед комиссией”.

– И почему ж ты не в поле, не со всеми? – остановил лошадь Ветковский.

– Да у меня, Николаич, грыжа, – болезненно поморщился хозяин дома.

– Так ступай в медпункт.

– Не, я как-нибудь сам...

¹ ЛИИКС – Ленинградский институт искусства, культуры и спорта

На рассвете почти весь отряд был в лесу. Яму, длинную и глубокую, вырыли в песке за день. Дно и боковины обложили сухими ветками и прихваченными досками. Продукты и снаряжение аккуратно были уложены на повозки. Распряженные лошади щипали траву. Основную часть разместили здесь, другую, поменьше, отвезли к месту стоянки отряда. По распоряжению командира, ответственным за базу, начхозом, как окрестили его партизаны, назначен был Иванов Иван Иванович, директор Пустошкинского сырзавода.

– Хлебная у тебя должность, Иваныч, – шутили партизаны, – надоест, не стесняйся, подменим.

Акт начхоз принял под роспись.

Через несколько дней Иванов докладывал Ветковскому:

– Как будто что-то почувствовали Миша Панов да Митрий Котов из Зеленовахи, подозрительно интересуются.

Командир поблагодарил бдительного начхоза, приказал глаз не спускать с зеленовахинских мужиков.

Как оказалось позднее, беспокойство командира оказалось не напрасным. По первому снегу кто-то пытался найти, а возможно, и нашел базу, но воспользоваться продуктами не сумел. То ли побоялся, то ли что-то помешало этому. База несколько месяцев надежно служила партизанам, снабжая их продовольствием.

На основной стоянке соорудили полукольцом землянки, на несколько человек каждая. Стены обшили досками, сделали нары в два этажа. Запасли сухие дрова. Рядом журчал ручей, откуда можно брать воду. Планировали зимой квартировать в деревнях, землянки – на всякий случай.

Продовольственную базу в Дягилевском сельсовете, недалеко от погоста, заложил другой отряд. На хранении те же продукты. Было и снаряжение, одежда, обувь, несколько велосипедов, седел, шесть винтовок. Хоть и старого образца, винтовок хватило всем. Кроме этого, в каждом отряде было по два-три ручных пулемета.

Подобные базы были у всех отрядов. Бюро райкома

настоятельно рекомендовало каждому отряду иметь несколько таких баз. Этим партизаны занимались до самого прихода немцев. Делали это скрытно.

Одновременно партизаны эвакуировали в тыл свои семьи, помогали колхозникам прятать зерно, сопровождали в пределах района гурты скота.

Из некоторых сельсоветов, колхозов в райком и райисполком поступали донесения: в лесах, на дорогах, а иногда и в деревнях, стали появляться вооруженные люди в военной форме. От прямых контактов с местными жителями, как правило, устранились, а когда это не удавалось, говорили, что выполняют задание командования.

Второй секретарь райкома Снегирев вызвал командира роты истребительного батальона, председателя райплана Репинского. Разговор начался без предисловий, с главного:

– Андрей Львович, – оглядев крепкую фигуру Репинского, сказал секретарь, – фронт рядом, и не исключено, что немцы засылают к нам в тыл диверсантов, разведчиков и другую агентуру. С мест поступают сигналы о появлении незнакомых людей. Но, насколько мне известно, ваша рота не задержала ни одного нарушителя. Бездействуют и группы содействия в вашей зоне. А они должны быть в каждом сельсовете. И не числиться, а действовать, как того требует постановление Совнаркома: охранять важные объекты, проводить патрулирование на вокзале, рынке, выставлять секреты¹ и засады в местах появления вражеской агентуры, круглосуточно наблюдать за воздухом, выезжать на операции... Нужно еще перечислить ваши обязанности?

– Помилуйте, – взмолился Репинский, вытирая вспотевшую голову. – У страха глаза велики, кое-кому за каждым кустом видится диверсант. Но это же не так.

– Не скажи, – посмотрел на телефон Снегирев, – только что разговаривал с Осташковским горкомом партии.

¹ Секрет – дозор, который выставляется вне регулярного расположения воинского подразделения

Вчера у деревни Зехново задержали двух диверсантов в нашей форме. Осматривали поле для аэродрома. Хорошо, пастух сообщил в местную группу самообороны. И в нашем районе уже был случай, когда милиционеры Бондарев и Новиков с помощью колхозников задержали немецкого летчика со сбитого самолета. К медалям “За отвагу” представили ребят. А ведь ты – один из командиров партизанского отряда.

– Да какие мы партизаны, – в очередной раз вытерев лоб мокрым платком, выдавил из себя Репинский. – Неужели ты и впрямь думаешь, что партизаны остановят немцев. Они же всю Европу прошли, сколько стран покорили. Армия не может справиться. Вон целые дивизии и корпуса в окружении. Где же наши доблестные летчики, танкисты, о которых столько песен сложено? Слабы мы еще, особенно командный состав. С крохотной Финляндией, что меньше нашей области, сколько провозились. Да и то числом, а не умением взяли. Учиться нам еще и учиться воевать. А сейчас – отступать, до тех пор, пока не научимся бить фрица. Так что, думаю, больше пользы я принесу в армии.

Еще несколько месяцев назад вряд ли мог состояться такой разговор. Но война, поражения Красной Армии в первые месяцы развязали многим языки, сделали людей откровеннее, критичнее. Может быть, впервые люди усомнились в возможностях армии, о которой так хвалебно писали газеты до войны.

– Что ж ты не выложил все это на бюро райкома? – отодвинув на столе бумаги, пристально посмотрел на Репинского Снегирев.

– Ну, ты не хуже меня знаешь, что было бы. Вон из партии, долой с работы и под суд.

– А теперь осмелел?

– Теперь все мы стали смелыми.

Тягостное молчание повисло в кабинете.

– Значит, ты считаешь, что все мы, те, кто создает пар-

тизанские отряды, кто уже борется с врагом на оккупированной территории, ошибаемся? Слово “партизан” не мы придумали. Это французское слово. Знаешь ли, что еще Денис Давыдов в первую Отечественную 1812 года создал первые отряды? А в гражданскую войну? А в Испании?

Но сколько ни спорили, каждый остался при своем мнении. Нет, ни один из них не утратил веры в победу. Великодержавный максимализм всегда был присущ русскому народу. Последняя русская собака на деревенской улице держится с вызовом, с достоинством. “Но и Репинский в чем-то прав, – думал секретарь, – предвоенная пропаганда Красной Армии намного опережала ее возможности, вводила людей от реальности, убаюкивала и усыпляла. Если так думает руководитель, коммунист, то, наверняка, простой люд в своих рассуждениях идет еще дальше”.

Как показало время, Репинский своего мнения не изменил. Когда немцы вошли в Селижарово, он не ушел вместе с отрядом на подготовленную базу. А спешно, вместе с семьей, уехал в тыл. Бежал он в один день с некоторыми другими руководителями района, коммунистами. Возможно, был сговор. За дезертирство его после освобождения района исключили из партии. В тылу Репинский вступил в Красную Армию. Дальнейшая судьба его неизвестна. Но его неверие в партизанскую войну, видимо, сказалось и на настроении других бойцов истребительного батальона. Некоторые из них тоже покинули район перед приходом немцев.

Глава четвертая

Утвердив на бюро командиров и комиссаров партизанских отрядов, райком отрапортовал в обком ВКП(б), видимо, посчитав, что половина дела сделана. Но этого было мало, крайне мало, чтобы отряды действовали активно. Но и вины райкома в этом не было. Причины будущей пассивности некоторых отрядов были во вчерашнем дне, в центральной власти.

Тот же командир отряда Ветковский был преданный Советской власти человек, умелый хозяйственник, политический деятель районного масштаба. Ананкинский сельский совет, которым он руководил, с первых лет коллективизации занимал первое место в районе по созданию колхозов. Уже в 1933 году сельсовет был зоной сплошной коллективизации. В то время, как, скажем, в Выжлятниковском сельсовете было охвачено колхозами, как тогда говорили, всего 68 процентов населения. Он был хорош как агитатор. А в партизанском отряде предстояло воевать, а не агитировать. Но руководителями партизанских отрядов назначали по старым, довоенным меркам, по принципу партийности, с прежним подходом, хотя командир партизанского отряда — это особый человек.

Он обязан быть в первую очередь не политическим бойцом, а командиром военизированного подразделения: хорошо знать тактику партизанских действий, конспирацию, минно-подрывное дело, разведку, владеть языком противника, то есть быть диверсантом. Должен уметь выбирать самые слабые места врага, при необходимости сконцентрировать удар на главном (а главное далеко не всегда состоит в уничтожении живой силы и техники), уметь оторваться от врага, который сильнее, рассредоточившись, вновь собраться и снова нанести неожиданный удар. А на контроле у командира много и других архиважных дел — снабжение боеприпасами, продовольствием, медицинское обслуживание, постоянная, днем и ночью, раз-

ведка, дисциплина... Партизанское дело – это без преувеличения искусство, постоянная фантазия, выдумка, сноровка, отчаянная смелость и трезвый расчет.

Откуда всем этим мог владеть Ветковский? Хотя, как показало время, командиром он был смелым и неплохим. Или Ромашов – в довоенное время руководитель Большекошинского сельпо, пусть и передового. Это смелые и умные люди, но приспособлены были для сугубо гражданских дел. И, конечно, не их вина, что вначале они совершенно не знали партизанского дела, учились на ошибках. Не потому ли временами их действия не были активными, а подчас даже пассивными. А именно в постоянной активности, инициативе, в нестандартном мышлении – партизанский успех.

Беда с формированием будущих партизанских отрядов случилась задолго до войны, когда началось выбивание командирских кадров в армии, в том числе и руководителей партизанских школ, курсов, учебных подразделений. В начале тридцатых годов в Ленинградском военном округе, в Белоруссии, на Украине были десятки учебных заведений, готовивших руководителей партизанских групп, отрядов, отдельных диверсантов, где они в теории и на практике отрабатывали партизанскую науку – тактику, технику диверсий, минно-подрывное дело, разведку, топографию и многое другое, вплоть до производства самодельных мин, взрывателей, принимали участие в военно-тактических учениях.

Все это делалось потому, что план отражения военной агрессии, разработанный в начале тридцатых годов Генштабом РККА, предусматривал широкое развертывание в тылу врага партизанской борьбы или, как тогда говорили, “малой войны”. Были обучены и готовы к активным действиям тысячи человек, заложены базы с продовольствием и боеприпасами, где ничего не было забыто. Даже новые железные дороги строились со специальными трубами, куда можно в несколько минут спрятать мину и пустить под от-

кос состав. Причем сделать это без потерь. Два-три диверсанта могли сделать намного больше, чем крупный партизанский отряд. Главным в действиях партизан считалось лишить врага снабжения боеприпасами и продовольствием, живой силой. Как показало время, это была правильная линия. Борьба на коммуникациях была намного успешней обычных партизанских действий, с несравнимо меньшими потерями. И вот все это в одночасье рухнуло, так называемая работа "Д" прекратилась. Способствовали этому, прежде всего, репрессии. Ликвидировали даже литературу по партизанским делам, потому как авторы книг и учебных пособий были арестованы. Нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов убеждал руководителей партии и правительства, что мы будем воевать малой кровью и на чужой территории. А раз так, зачем нам партизаны. Как важно, кто нами руководит, какими мудрыми должны быть руководители, чтобы все предвидеть, учитывать все составляющие будущей войны! Миллионами человеческих жизней поплатилась страна, почти каждая семья из-за таких ошибок. В результате на этой войне, вопреки рассудку, высшей ценностью стали не люди, а сохранение правящего режима, удержание территории.

Рассказывают, что приложил руку к расформированию партизанских сил и непосредственно Сталин, который, будучи в свое время боевиком-террористом, боялся людей, владеющих подрывным делом, искусством террора.

Спohватились только с началом войны. Но многих опытных специалистов уже не было. Остались лишь те, кто добровольцем уехал в Испанию и там совершенствовал партизанскую выучку. Но таких было крайне мало.

Тут и вспомнили о партизанах. И Сталин, и другие деятели – военные и гражданские. И посыпались директивы на места. Не потому ли и создается впечатление, что партизанское движение возглавили партийные органы. Было много призывов, деклараций. Партийные штабы по руководству партизанским движением создавали от центра

до районных парторганизаций. Были созданы и отделы при фронтах и армиях, руководили партизанами политотделы, военные советы, а практической помощи было крайне мало. Каждое ведомство спускало свои директивы, нередко противоречащие друг другу. В тыл врага были засланы тысячи групп, неподготовленных и часто обреченных.

Вот тут о значении партизанской борьбы в тылу врага вспомнил и бывший нарком К. Е. Ворошилов. Выступая перед командирами партизанских отрядов, он сказал:

– Противник дерзок, нахален, рассчитывает на нашу неорганизованность, продвигаясь вперед небольшими группами без разведки, полагая, что Советская власть никому не нужна и бояться некого. Мер предосторожности принимает мало, нужно этим воспользоваться. У нас мало сил, требуется некоторое время, пока окрепнем. Противника надо задержать ударами по тылам, по коммуникациям, главным образом в ночное время. Зарвавшегося врага надо крепко бить с тыла. У вас в отрядах будут потери, но враг потеряет в десять раз больше. Вас поддержит население в этом патриотическом движении.

Вот так заговорил старый маршал уже в первые месяцы войны, опрокинувшей его довоенные расчеты. Но время было упущено.

При всем нашем неприятии Берии, именно НКВД и НКГБ, объединенные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года, и сыграли ключевую роль в развертывании партизанского движения, по крайней мере, в первый год войны. Именно в это время пришлось воевать в партизанских отрядах селижаровцам.

Во время подготовки партизанских отрядов в район приехал заместитель командира по разведке Второй особой партизанской бригады, формируемой в Осташкове, старший лейтенант Александр Герман, в недавнем прошлом выпускник Орловского бронетанкового училища и спецшколы. Был он молод, горяч и неумен. Пока формировалась бригада под командованием майора Литвиненко,

он проехал все прифронтовые районы области. Цель – сбор оружия для бригады, вербовка надежных и смелых людей для глубокого рейда в тыл врага. Начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Ватутин поставил перед бригадой задачу выдвинуться в район старой советско-латвийской границы и, рейдируя в треугольнике: верховье реки Великой – Опочка – Себеж, вести постоянную разведку с немедленной передачей разведданных по рации в штаб, ну и, конечно, громить врага.

Вербовщик для особого задания познакомился до Селижарова с партизанскими отрядами Осташковского, Пенновского, Серезинского, Андреапольского, тогда Ленинского, районов, которые были переподчинены Второй особой бригаде. В бригаду Герман отобрал десятки патриотов.

В Селижарове у разведчика была задача помочь командирам и комиссарам отрядов подобрать смелых и решительных людей для разведки в этом районе, научить их выполнять эту опасную работу как можно профессиональнее. Кроме молодых мужчин, он рекомендовал зачислить в разведку девушек, которым легче проникнуть в расположение врага. Разведчицами стали двадцатилетняя комсомолка Софья Шаврина, члены ВЛКСМ Серафима Кирсанова, Надежда Воробьева, работница райзо Клава Удалова, юные девушки А. Широкова, К. Ларионова. Герман учил их вести разведку с помощью опроса населения, под видом беженок, нищих и богатых покупательниц на базаре... Оперативные данные о враге следовало передавать в особый отдел дивизии генерала Поленова.

Видимо, Герман знал или догадывался о скором наступлении наших войск из района Осташков – Селижарово. Как профессионал он не мог не замечать постоянно прибывающие свежие части, сосредоточение их в районе Верхневолжья. Уже во второй половине сентября войска Северо-Западного фронта заняли позиции между озерами Селигер – Стерж, которые только что были подготовлены населением под руководством инженер-полковника Тель-

янец. Дальше укрепрайон – траншеи и противотанковые рвы, доты и дзоты, пулеметные гнезда – проходил от Селигера через Весцо – Сиг – Волго.

Вскоре, в конце октября – начале ноября, Вторая особая партизанская бригада отдельными отрядами ушла в тыл врага через станцию Черный Дор – Бородино – Залучье – Волговерховье. Почти до января 1942 года бригада рейдировала в Пеновском и Ленинском районах. Штаб бригады находился в деревне Малая Переволока. Бригада постоянно навязывала бои немцам. Был разгромлен гарнизон в селе Даньково, уничтожена радиостанция в Замошье, выбиты немцы из деревень Морозово и Моисеево. Бригада постоянно вела разведку. Это партизаны сообщили о том, что в Молвотицах расположился штаб немецкой армии “Центр”. От Молвотиц до деревни Святое Осташковского района, где был штаб Северо-Западного фронта, по прямой 60 километров.

Вторая особая ушла на длительное задание. А разведчики партизанских отрядов Селижаровского района, подготовленные Германом, постоянно снабжали свежими разведданными дивизию генерала Поленова, 334-ю Казанскую стрелковую дивизию, 179-ю дивизию, которые освобождали Селижаровский район.

...По вечерам в затемненном кабинете председателя райпотребсоюза И. Г. Образцова долго горел свет. Вместе с ним допоздна засиживался и заведующий торговым отделом И. Ф. Некрасов. Сегодня трудно сказать, о чем они говорили, хотя предположить можно. Но накануне прихода немцев вместо того, чтобы отправиться в партизанский отряд, как было предписано им райкомом партии, они дезертировали в тыл. Они бежали от войны, спасая свои жизни, пренебрегая судьбой Родины. Эти люди в годы всеобщего дефицита имели непосредственный доступ к материальным ценностям, чувствовали себя хозяевами жизни. А когда потребовалось защищать эту жизнь, бежали в тыл первыми.

Вместе с ними бежал прокурор района, коммунист с

двадцатилетним стажем, С. В. Бакалягин. Так и не дождались его в партизанском отряде. А какой строгий и “правильный” был человек, наказывал за малейшую провинность, чуть ли не в каждом видел если не врага народа, то его пособников. Какие правильные говорил слова, восседая под портретом “самого дорогого и любимого вождя всех времен и народов”. И в то же время обожал подарки, любил застолья. Прокурор далеко не самый бедный человек в районе. И неужели он “государевым оком” не видел и не ведал, что этим он унижает себя, ставя в зависимость от “доброжелателей”, дает им индульгенцию (охранную грамоту) на пренебрежение законами. И как следствие – сам пренебрег честью защищать Родину. И сбежал, когда дошло до дела. На словах защищать интересы Родины проще, чем в бою.

Сбежали и следователь Кировского народного суда Я. М. Рыжов, начальник стройлеспродторга И. Н. Новиков, командир отделения партизанского отряда Н. П. Олисов, не выполнивший задание райкома об эвакуации трех тонн бензина.

Не подчинился решению бюро райкома и Н. А. Солнышкин, директор заготконторы. И тоже сбежал с предстоящего “поля брани”.

Все они, как записано в решении бюро райкома, “за самовольный уход из партизанского отряда и выезд из района были исключены из членов ВКП(б)”.

Бежали и под благовидными предлогами – эвакуация семьи, имущества, по болезни... Но ни один случай дезертирства коммунистов не оставался незамеченным. После освобождения района “ревизии” подверглись все партийные организации, все коммунисты. Боец отряда, председатель Березугского сельсовета С. М. Бабашкин с разрешения командира ушел в Есиновический район, чтобы отыскать место для эвакуации семьи. Но райком в известность не поставил. Вернулся с большим опозданием и получил выговор “за недисциплинированность”. Но на работе после

освобождения района восстановлен.

Среди исключенных из партии за дезертирство и недисциплинированность почти все были раньше руководителями. Но на изломе судьбы они струсили, предали дело, которому якобы служили, не щадя живота своего, долгие годы. Наверное, и впредь “служили” бы, если бы не случай. Двuruшники, перерожденцы, предатели – нет, наверное, опаснее таких людей.

Глава пятая

Немало в то суровое время дезертировало людей и с фронта. Почти всех их, кого задерживали без оружия, расстреливали. Надо было остановить бегство, прекратить паникерство. Многие не хотели воевать за Советскую власть из-за временной беспомощности Красной Армии, острой нехватки техники и вооружения, несогласованности в действиях командиров, а нередко и неумения руководить людьми, жизнь которых не ставили ни в грош. Что было, то было.

Известно, например, когда Калинин был на грани оккупации, а потом и оставлен почти без боев, начальник милиции города бежал в Рамешки, но был остановлен и расстрелян при всех регалиях. Там же, под деревней Тучево, расстреляно несколько сотрудников этого ведомства, задержанных при бегстве.

Драпали многие, особенно в первые месяцы войны. Из-под Ржевской мясорубки, куда направлялось почти все пополнение из Селижаровского района, бежали сотни. Только в деревне Выжлятниково таких было около десятка. Но надо отдать должное родителям, женам, которые отвели большинство беглецов снова в военкомат.

И вот пришел этот страшный день: немцы оккупировали район. Шли они большаком Андреаполь – Селижарово, другими дорогами, десятками ручейков растекались по округе. Гарнизоны оставляли в деревнях на большаке, в более-менее крупных населенных пунктах. И оставались здесь без движения почти три месяца. Если на 10 октября линия фронта проходила через Осташков – Селижарово – Тальцы – Ельцы – Оленино – Сычевку, то к концу этого месяца: через Селижарово – реку Большая Коша – реку Тьма. Не прорвавшись к Бологому, немцы устремились к Медному – Калинин.

В это время наш земляк, усатый полковник Ротмистров, будущий главный маршал бронетанковых войск стра-

ны, носился с бригадой тяжелых танков между Калинином и Медным, встречая смертоносным огнем обнаглевших немцев. Удары его были столь стремительны и ощутимы, что фашисты приняли неполнокровную бригаду не менее, как за свежий танковый корпус. И, в конце концов, прекратили попытку прорыва на этом участке.

У Красной Армии была задача не пустить врага вглубь страны, где на линии Вологда – Ярославль – Киров уже строилась новая линия обороны. У партизан была задача: нарушать коммуникации в тылу врага, уничтожать живую силу и технику, вести разведку...

У каждого партизанского отряда была своя зона. Группа бойцов Ветковского, базировавшаяся в Ананкинском и соседних сельсоветах, через два дня после оккупации ушла в разведку. Места командиру хорошо знакомы. Здесь он работал председателем сельсовета. Создавал колхозы, раскулачивал, радовался первым успехам. В марте 1936 года вместе с группой звеньевых, председателей колхозов участвовал в областном совещании льноводных звеньев. Запомнилось выступление маленькой, шустрой звеньевой из колхоза “Красный колесник” Краснохолмского района Харитины Моляковой, призвавшей льноводов в том году собрать с гектара по тонне волокна. Десятки звеньев после этого были созданы и в Ананкинском сельсовете, сотни – в районе. Моляковское движение стало сродни стахановскому. Десятки лучших звеньевых района подписали письмо Сталину, а всего по области собрали более четырех тысяч подписей. Письмо вождю передал на том совещании в Москве председатель колхоза “Красный колесник” Василий Моляков, муж Харитины.

По тонне волокна обязались собрать и селижаровские льноводки – звеньевые Шалаева и Завьялова, почти по тонне – бригады Веселовой и Савиной... Давно ли это было! Но сколько воды утекло.

...Группа партизан прошла несколько километров, как вдруг в стороне от дороги услышали стук топора. Подо-

шли незаметно. Старик и мальчик-подросток обрубали сучья с только что поваленной сухой ели.

Старика как будто не удивило появление вооруженных людей.

– Не боишься, дед, немцев? – спросил кто-то.

– А чего их бояться? Ты ж, вон, не сидишь у бабы под подолом, – съязвил дед. – Жить-то надо. Осенью было не до дров, урожай убрали. А топиться-то надо, на носу зима.

– Немцы есть в деревне? – спросили партизаны.

– На постое нет, в Борисове. Вчера налетели как воронье, пару свиней пристрелили, кур переловили, вояки.

– Спасибо, дед, за информацию, – поблагодарил Ветковский старика.

Бойцы тронулись дальше. Стояла вторая половина октября. Лес был уже почти голый. Под ногами шуршала листва. Неожиданно с осины громко сорвался рябчик. Долго смеялись партизаны над своим испугом. В другом месте на открытой дороге увидели глухарей.

– К зиме готовятся, набивают зобы грествой, – сказал кто-то из охотников, – чтобы зимой перетирать хвою.

Михаил Кудряшов, служащий райфо, вспомнил, как на финской рота несколько часов лежала в снегу, когда атака захлебнулась. Мороз под тридцать. Кто пытался отползти, попадал под пули. И тут на березу, прямо над головами, село несколько тетеревов. Со стороны финнов раздался одиночный винтовочный выстрел, должно быть, снайпера. Один из тетеревов упал прямо перед бойцом из Выжлятникова. Подтащил он его к себе и руки запустил под крылья, греется. Потом мне передвинул. Так мы и грелись, пока не стало смеркаться. Обмороженных уже ночью санитары подобрали, в лазарет отправили. На том наша война и закончилась.

Партизаны верили и не верили Кудряшову, пока один из них не спросил:

– А где тот парень из Выжлятникова?

– На фронте, где ж ему быть, заходил проститься перед отправкой.

Командира, шагавшего впереди, догнал Николай Морозов, спросил:

– А что будем делать, если немца в плен возьмем?

– Ты его сначала возьми, – сразу ответили несколько человек.

– А ты что предлагаешь? – остановился Ветковский.

– Не знаю, я это так, на всякий случай.

– Не надо было жену отправлять в тыл. Раз сам в лесу, так немца бы под охрану жены оставил, – сбалагурил кто-то.

Бойцы дружно захохотали.

– Ну вас на хрен, – разозлился Морозов.

Кончилась открытая дорога. Впереди начинался лес. Послышалось глухое постукивание телег о мерзлую землю. Нырнув в кусты, партизаны скоро увидели несколько повозок. Колонна медленно приближалась.

– Семь-восемь, не меньше, – подсчитал кто-то.

На каждой подводе немец. Рядом какие-то ящики.

– Приготовиться! – раздалась команда.

Партизаны кучно улеглись под деревьями, защелкали затворами винтовок.

Обоз приближался. На передней повозке немец сидел, свесив ноги. Автомата за плечами не видно. Когда первая приблизилась, партизаны метров с 30-40 открыли огонь. Немец с передней повозки неловко сполз на обочину. От неожиданности лошадь рванулась, повозка перевернулась в кювет, и из ящика посыпались буханки хлеба. Остальные лошади остановились, всхрапывая и кося глазами в кусты. Немцев как ветром сдуло. Еще несколько мгновений партизаны стреляли им вдогонку. Выскочив на дорогу, огляделись. Никого, лишь слышно, как в лесу трещали сучья.

– Драпают, как зайцы, – возбужденно говорили партизаны.

Убитый лежал в канаве. Его обступили. Николай Мо-

розов первым схватил незнакомый черный автомат, нашел несколько запасных рожков. Оттянул на себя боевую пружину с ударником, хотел попробовать в стрельбе. Но Ветковский запретил:

– Еще будет возможность.

Чуть поодаль лежали еще двое убитых.

Ящики оказались доверху набиты буханками хлеба. Аккуратно уложены, завернуты в фольгу. Кто-то разглядел год выпечки – 1939.

– Во когда немцы начали готовиться к войне.

Хлебом под завязку набили вещевые мешки. Но его было так много, более тысячи буханок, что не знали, что с ним делать. Часть ящиков отнесли поглубже в лес. Дошла очередь до коней.

– Что будем с ними делать? – спрашивали Ветковского.

– Придется пристрелить.

– Жалко, на таких пахать бы да пахать...

Партизаны углубились в лес. Вечерело. Мелкий, нудный дождь все гуще сыпался с неба. Одежда промокла. Решили разжечь костер. Выставив караул под раскидистой елью, обсушились, поели, закусывая консервы немецким хлебом, совершенно не похожим по вкусу на наш, что-то вроде суррогата.

Готовясь к схватке с врагом, Ветковский понимал, как важно выиграть первый бой. От этого надолго зависели настрой бойцов, их уверенность, вера в командира. И вот первый бой состоялся неожиданно. Завтра об этом узнают все партизаны отряда. Когда прошла первая эйфория от боя и партизаны немного поостыли, Ветковский вдруг спросил, как бы рассуждая сам с собой:

– А если бы немцы не бросились в кусты с перепугу? Ведь их было почти столько же, сколько и нас. К тому же у них автоматы. Пожалуй, туговато было бы?

И он подвел итоги первого боя:

– Неплохо для начала, – сказал он, оглядев партизан, и

увидел на небритых лицах улыбки и даже, показалось, гордость. – А могло быть и лучше. Но в другой раз засаду надо делать заранее, на краю леса, чтобы мы были скрыты, а фашисты, как на блюдечке, стреляй, словно вальдшнепов на тяге. И еще, больно мы скучились, стреляли только по первым повозкам. Вот остальные немцы и разбежались.

Подумав, партизаны согласились с командиром.

И снова одиннадцать человек один за другим тихо побрели по осенней раскисшей дороге к Борисову. Уже в темноте дошли до Дедова, откуда до намеченной цели не больше трех километров.

– А ночевать где будем? – спросил кто-то в темноте.

– В деревне, конечно, – ответил командир, – надо обсушиться, а главное – люди пусть видят, что мы рядом. Завтра весь колхоз “Заря коммунизма” будет говорить о партизанах.

Осмотревшись, тихонько постучали в окно крайнего дома. Скоро в сенях что-то грохнуло, женский голос встревоженно спросил:

– Кто тут?

– Свои!

Услышав русскую речь, женщина в стеганке впустила в избу.

– Окруженцы, что ли? – спросила, приподняв на уровень лица керосиновую лампу. – Вчера двое ночевали, ушли на рассвете. Немцев в деревне нет, располагайтесь. А вот в Борисове много, говорят, лютуют, – без умолку тараторила она, радуясь, что может выговориться без оглядки.

Хозяйка достала из печки теплую вареную картошку в мундире. Наверху, на полатах, зашебурились ребятишки, разглядывая вошедших. Партизаны достали из вещмешков буханки хлеба, сыр, мясные консервы. Угостили и хозяев.

– Да, на окруженцев вы не похожи, – разглядывая припасы, сделала вывод хозяйка.

– Это точно. Партизаны мы, селижаровские, – ответил за всех командир.

Глава шестая

Задолго до рассвета партизаны простились с гостеприимной хозяйкой. А через час были у Борисова. Деревню решили поджечь, а в суматохе навязать фрицам бой. Но затея не удалась. В едва брезжащем рассвете показалась группа фашистов, примерно взвод. Раздались автоматные очереди. Партизаны открыли встречный огонь. Резкие выстрелы винтовок перемежались с автоматными очередями. Со стороны партизан тоже застрочил автомат. Это Николай Морозов пробовал трофейное оружие. Партизаны, отстреливаясь, отступили к лесу. Вязываться в бой с немецкой разведкой не имело смысла. Рядом в деревне было не меньше роты фрицев. Партизан не преследовали. Больше часа шли молча. Потом устроили привал, отдышались. Все были на месте. На базу решили возвращаться другой дорогой.

Ветковский сделал еще один вывод. Подобные операции надо проводить всем отрядом. А еще лучше с другими. И непременно нужно все хорошо разведать. Фронт рядом, кругом регулярные войска. Они более мобильны, имеют связь и боевой опыт. Им не стоит большого труда расправиться с небольшим, плохо вооруженным и недостаточно организованным отрядом. Самый действенный способ нанести урон врагу – засада. Тут почти всегда присутствует фактор внезапности, меньший риск потерь среди партизан, возможность быстро скрыться с места боя. И в тоже время можно нанести серьезный ущерб, как живой силе, так и технике. Этому правилу Ветковский следовал потом на всем боевом пути отряда.

Со временем сложилась тактика партизанских засад. Обычно порядок был такой. Главной была ударная группа. Именно она выбирала место для засады, первой открывала огонь по врагу. И, конечно, делала это внезапно. В этом было преимущество партизан. Если отряд противника был немногочислен, ударная группа переходила в атаку, как говорили партизаны, в лобовую. Если противник был

сильнее и мог быстро получить подкрепление, партизаны после короткого боя уходили по ранее намеченному маршруту, потом собирались в условленном месте.

Вскоре, после одной из неудач, партизаны поняли – у ударной группы должно быть прикрытие. Оно располагалось на вероятном пути подхода подкрепления противника. И тогда вступало в бой. Группа прикрытия нередко вступала в бой и по другой причине – завершала уничтожение отступавшего врага.

Иногда выделялась небольшая группа резерва, но это когда весь отряд, или даже несколько, выполняли общую задачу.

Но чаще всего действовали одной ударной группой, выставив по сторонам несколько бойцов в охранение.

Были еще так называемые “заманивающие” засады, когда небольшая группа, обстреляв противника, провоцировала его вызвать подкрепление, на которое нападала уже более сильная группа партизан.

Это только кажется, что тактика партизан была проста. На самом деле воевать в тылу врага, да еще рядом с фронтом – это искусство.

На базу в лесу прибыли ночью. Никто не спал. Девушки-разведчицы, прибывшие из Оковец, рассказывали:

– Ну и наделали вы шуму, в деревнях только и разговоры о партизанах.

Их внимательно слушал комиссар отряда Н. И. Юров. Ему с группой утром предстояло идти в разведку. Кроме этого, он помнил о наказе райкома непременно вести агитационную работу среди населения. Правдивую информацию сельские жители могли получить только от партизан.

И Юров почти в каждой деревне, где не было немцев, проводил беседы с ее жителями. Рассказывал о борьбе с фашистами, на которую поднялся весь народ, о злодеяниях врага. Крестьяне верили, что борьба эта активизируется, что свободный дух людей не сломлен, что оккупация – это временно.

– Нам бы оружие, – говорили многие.

Таких людей, желающих воевать за правое дело, брали на учет. Они становились резервом партизан.

В одной из деревень партизаны узнали, что в соседнем селе, где располагался вражеский гарнизон, готовится обоз с награбленным имуществом. Решили сделать засаду. И, действительно, на другой день на дороге показалось с десятков подвод под охраной автоматчиков. Впереди, оглядываясь, шли двое. Партизаны расположились на кромке леса. Впереди идущих автоматчиков уничтожили с первых выстрелов. Остальные бросились врассыпную, залегли. Но уйти и им не дали. Спаслись только несколько солдат. С обозом пришлось повозиться, всего с собой не возьмешь. Что удивило партизан, так это разнообразие награбленного. Здесь были туши мяса, зерно, мука, картофель, яйца, шерсть, даже невыделанные шкуры животных, самовары, посуда... Позднее жители говорили, что это был финский обоз. Не знаю, документально это не подтверждается. Но я слышал, что в военных действиях в нашей области участвовали и финны. Они были злее, изощреннее в грабежах, меркантильнее, что ли. Возможно, они мстили за недавнее поражение.

Впервые о финнах я услышал в детстве от матери. Она рассказала, как в дом нагрянули двое солдат. Один сразу сунулся в чулан. Погремев там чугунками, вышел ни с чем. Второй последовал туда же и не поленился забраться в подпол, нашел там под печкой корзинку с яйцами и горшок с топленным маслом. И все оглядывался, что еще можно стянуть.

— Финн хватит, — показывал на ребенка немец.

Но тот теснее прижимал к шинели награбленное. Хорошо еще, что не знал об участии отца в финской войне.

А недавно один случай рассказывал бывший житель Ходулина, ныне тверской пенсионер, Анатолий Крылов. Был он тогда пацаном. Но об этом рассказ позднее.

Возвращаясь на базу, партизаны уничтожили двести метров телефонного провода. За эту операцию командир объявил благодарность партизанам Харитонову, Соловьеву, Кутилину.

Постоянно вели разведку партизаны отряда Егорова. Возглавляли группы командир, комиссар или командир отделения Лешенков.

Однажды в засаде партизаны встретили грузовую восьмитонную машину. Шум мотора услышали издалека и успели подготовиться к встрече. Кроме водителя, в кабине был офицер. Несколько солдат жались от холода в кузове.

– Зябко фашистам, – чуть слышно сказал Василий Поляков. – Ну да сейчас будет жарко.

Партизаны открыли огонь. Водитель и офицер были убиты наповал. Солдаты как горох посыпались из кузова, залегли за колесами. Но скоро покончено было и с ними. Машину подожгли. А на вооружении у партизан появились два автомата, несколько винтовок, гранаты, пистолет. Долго рассматривали убитых партизаны. Обратили внимание, что ремни на оружии были кожаные, не брезентовые, как у нас. Поспорили, что лучше. Кожаный ремень сморщится лучше, но под дождем растягивается. А вот португепи понравились. Практично. Гранаты, фляжка, штык держатся на плечах, а не на поясном ремне.

Заночевали в ту ночь партизаны в глухой деревне. В доме, где остановились, висела на стене гитара.

– Сын баловался, – перехватив взгляд партизана, сказала хозяйка.

Партизан бережно снял с гвоздя гитару, тронул струны, запел:

Партизанская тропа –
Верная подруга,
Грозой стала для врага,
Партизанам – другом.

Партизанская тропа
Обойдет облавы.
На небе горит звезда –
Спутница нашей славы.

Кирзачи да стеганка —
Вот и весь наряд.
Карточка любимой,
Трофейный автомат.

Дожить бы до Победы,
Желанней нет награды.
Прогнать бы эти беды,
Другого нам не надо.

Увидеть снова Волгу
С крутого бережка.
Друзей встречать застольем,
Поймать бы окунька.

Наше верное братство
С нами будет всегда.
Если звезда зажглась —
Это твоя звезда.

— Да, сейчас бы на озеро Волго, на подледный лов, —
потянулся один из партизан.

— Прогоним фрицев, наловишься, — ответил другой...

Как-то одну из групп партизан возглавил комиссар
А. П. Смирнов — судья района. В первый день встреча с
немцами не состоялась. Переночевав в деревне, они вы-
брали другое место для засады. На этот раз им повезло.
Показались два грузовика. Как потом оказалось, тянули
тяжелые пушки. В кузовах разместилась прислуга. Место
на большаке партизаны облюбовали труднопроходимое,
вязкое, с глубокими колеями. Машины непременно долж-
ны забуксовать. Так и произошло. Первая машина завязла,
вторая остановилась в ожидании. Немцы повыскакивали из
кузовов, сгрудились вокруг первой машины, подталкивая
ее, оттопырив зады в зеленых шинелях.

— Ну, ребята, устроим суд над фашистами, — благосло-

вил партизан Смирнов, – лучшего места для засады и не придумаешь.

Партизаны открыли огонь. Пришлось немцам плюхаться в селижаровскую грязь. Но это не помогло. Смерть находила одного за другим. Видимо, сообразив, что всем им здесь конец, один из немцев ползком добрался до прицепного устройства. В кабину вскочили трое, оставив оружие. Но под прицельным огнем автомобиль сполз в канаву, не проехав и сотни метров. Другая машина тоже была обречена, перед ней увязло в грязи оружие. Назад не двинуться, даже если бы отцепили пушку. Партизаны бросились на дорогу, добывая немцев. Орудия и машину взорвали. Отличились в этой короткой схватке С. А. Лешенков, В. Д. Поляков, И. Ф. Фомичев, В. С. Завьялов.

В машине оказалось много фашистских типографских бланков. На чистых листах выделялись набранные крупным шрифтом ярко-синие немецкие буквы. Потом местная учительница немецкого языка перевела текст: “телефонограмма”, “распоряжение”, “приказ”... Долго еще партизаны писали свои донесения на синих немецких бланках. И сегодня они хранятся в областном архиве.

Трупы обыскали, документы изъяли. Лешенков забрался в кабину еще работающей машины. Водитель-ефрейтор одной рукой держался за баранку, другой как будто доставал что-то из нагрудного кармана. Виднелась замусоленная шелковая нитка, на которой, как бусы на ожерелье, нанизаны кольца, перстни, сережки... Лешенков вытащил из теплой еще руки золотую связку. Казалось, ефрейтор вот-вот протянет к ней руку.

– Комиссар, а у ефрейтора-то золотишко.

Комиссар и партизаны, почавкав сапогами по грязи, подошли к Лешенкову.

– Коллекционер, – сказал кто-то.

– Грабитель, – ответил Смирнов, разглядывая нитку с золотыми изделиями. И впервые зло выругался. – Золото 583 пробы.

– А проба, это как?

– Это процент соотношения чистого золота к сплавам. На тысячу частиц общего веса 583 частицы – золото, остальные сплавы – серебро, платина, медь... Серебро придает золоту беловатый оттенок, вот как это кольцо, медь – красноватый, как этот перстень... И прочность увеличивается. Само по себе золото мягкое и пластичное. Правда, не растворяется нигде, кроме как в “царской водке”.

– Водке? – удивленно посмотрели на комиссара партизаны.

– Ну, называется она так... Смесь азотной и соляной кислоты.

Партизаны из рук в руки передавали нитку с золотыми изделиями. А комиссар пояснял:

– Вот это кольцо с зеленоватым хризолитом. Это сережки с фиолетовым камнем – аметистом. Перстень с кроваво-красным камнем – гранатом. Ну, а эти сережки с лунным камнем – обыкновенным поделочным шпатом. Видимо, фашист не шибко разбирался в этом, брал все подряд.

Лешенков вспомнил, что на руке у ефрейтора был золотой браслет.

– Нет, это не золото, в нем очень много меди. Надпись на польском: то ли люби меня вечно, то ли крепко. Значит, фашист прошел и Польшу. И там отметился грабежами, – пояснил комиссар. А потом высоко поднял нитку с золотом. – Вот это и будет нашим партизанским взносом в строительство танковой колонны области. Никто не возражает?

Возражающих не было.

– А где ты это все узнал? – спросил один из партизан.

– Перед войной я три месяца был в Питере на курсах, прошел все музеи, посмотрел и на царские драгоценности. Гранить драгоценные камни еще Петр I начал в восемнадцатом веке...

Глава седьмая

После первых партизанских засад немцы стали большими группами рыскать по деревням, производить обыски, мародерствовать. И везде расклеивали распоряжения и приказы, пытаясь запугать людей. Напечатаны эти воззвания были на тех же синих бланках, которые партизаны обнаружили в огромном количестве в подорванной машине.

Вот одно из тех распоряжений:

“Кто будет захвачен в повреждении телефонных проводов или других военных приборов – будет расстрелян.

За хранение оружия военного, а также охотничьего, амуниции, всякого рода радиоаппаратов – подлежат расстрелу. Все вышеупомянутые предметы должны быть немедленно сданы местному немецкому коменданту. Склады оружия, снарядов, а также минные поля должны быть немедленно донесены. За такие донесения будут выдаваться награды.

О людях, не принадлежащих к деревне или селу, а также о бывших красноармейцах должно быть немедленно донесено, кто этого не сделает и будет скрывать – будет расстрелян.

Кто имеет сведения о партизанах – должен сделать донесение немецкой власти. Поддержка и помощь партизанам будет наказываться виселицей.

Покидать места жительства воспрещается, кто будет на дороге или в лесах встречен – будет расстрелян.

При наступлении темноты до рассвета воспрещается покидать свои жилища.

Помогайте немецким войскам, и вам будет лучше житься!

Командующий германскими войсками”.

На некоторых воззваниях был портрет фюрера с надписью: “Гитлер – освободитель”.

Партизаны шутили: “За малейшую “провинность” –

расстрел. А нам особая привилегия – виселица”.

Слово “партизан” вызывало панику. Немцам с первых дней войны идеологи фашизма внушали, что Советы никто не будет защищать, особенно в тылу. А оказалось, что почти каждый день гибли оккупанты от рук партизан. Немцы хотя бы в тылу хотели чувствовать себя полными хозяевами, в безопасности. Но партизаны не давали им расслабиться и здесь. Поэтому при малейшем подозрении людей расстреливали. Даже детей.

Вспоминает пенсионерка, в начале войны юная девочка из Пустошки Выжлятниковского сельсовета, Прасковья Васильевна Курганова:

– Из Борисовки в Максимково возвращались мать с дочерью – Пыжиковы. По дороге им встретилась группа вооруженных людей в сопровождении трех 11-12-летних мальчишек из Маревки. Проводив куда-то незнакомцев, мальчишки вскоре догнали Пыжиковых.

– Кто это такие? – стала любопытствовать старшая.

– Партизаны, – помявшись, за всех ответил Леня Морозов, довольный тем, что указали партизанам просеку на Азаново. – Но вы никому не говорите!

Придя домой, болтливые Пыжиковы в чулане вполголоса вспомнили партизан и мальчишек. А в передней дома квартировали три немца. Услышав слово “партизан”, которое не нуждается в переводе, немцы с пристрастием допросили болтливых кумушек. И те признались, что видели маревских мальчишек проводниками у партизан.

Тут же были запряжены лошади, и немцы вместе с Пыжиковыми отправились в Маревку. Там собрали всех жителей на улицу. Потребовали признания. Но никто не выдал мальчишек. Перепуганные Пыжиковы якобы тоже не узнали юных проводников. Тогда взрослым приказали разойтись, а детей стали избивать. За своих учеников вступилась учительница немецкого языка О. В. Гусева, объяснив, что мальчишек партизаны заставили это сделать “под ружьем”, как это делают и немцы. Ничего не помогло. То-

гда Леша Морозов сознался, что это он сделал один. Лешу тут же в деревне расстреляли. Это подтвердила мне и жительница деревни Хмелевка, пенсионерка Т. И. Андреева. Было ей тогда четырнадцать лет. Она рассказала, и где похоронен Леша, на кладбище по дороге на Устье.

Сколько их было, таких мальчишек и девчонок, еще детей, но готовых помочь всем, чем могли, Красной Армии, партизанам. Может быть, как никто другой, ждавших освобождения своей деревни. В детском возрасте с их максимализмом они не знали других цветов, как светлый и черный, не как мы, взрослые, воспринимающие полутона. Для них каждый, кто общался с немцами – враг, предатель.

Рассказывают пенсионеры, братья Лебедевы – Геннадий Андреевич и Юрий Андреевич, бывшие жители Холма. “В деревне Фекла и Куриха, прозвище такое, женщины молодые хороводились с немцами. Мальчишки, у которых отцы были на фронте, дразнили их немецкими дешевками. Не выдержав, однажды Фекла и Куриха пожаловались на мальчишек немцам. Да еще и намекнули, возможно, они поддерживают связь с партизанами. Больше всех досталось пятнадцатилетнему Коле Виноградову, Коле Варину, как звали его в деревне по имени матери. Немцы затащили его в баню и избивали несколько часов. Коля ни в чем не сознался. Избитый, едва дополз до дома. А когда пришли наши, он достал где-то гранату и, выбрав случай, когда в доме Курихи была и Фекла, бросил ее под стол, за которым сидели женщины. Осколками женщинам посекло ноги, а стол вдребезги.

Колю через два года взяли в армию. Он погиб. Его имя занесено в “Книгу памяти”.

А Куриха потом жаловалась всем, что пострадала, ранена, пыталась даже оформить пенсию, которой, конечно, не дали”.

Врага ненавидели чуть ли не с пеленок. Вспоминает пенсионер, житель Твери Анатолий Крылов.

– В Ходулине, Кнутове кроме немцев квартировали и

финны. Все злые, отбирали все, что попадет под руку. И хотя мне было в ту пору семь лет, хорошо помню, как зарезали корову, хотя видели, что нас у матери целый выводок малолетних. Есть стало нечего. Когда я попытался собрать брошенные на пол очистки от картошки, получил поварешкой такую затрещину, что ходил неделю с синяком.

Немцы разъезжали на машинах и мотоциклах с колясками. А финны – на лошадях и лыжах. Когда в январе 42 го оккупанты засобирались драпать, я вечером, в потемках, закопал три пары лыж в сугроб. Утром финны спохватились, а метель все следы замела. Все отправились на лыжах, а трое финнов пешком.

Так семилетний Толик отомстил и за синяк на голове, и за корову Зорьку.

С приходом наших войск на детей легли взрослые заботы. Это особая эпопея, которая описана еще недостаточно. Петя Кувшинов, нынешний селижаровский пенсионер, спас колхозную лошадь, спрятав ее от немцев в дальней риге. Долгое время он кормил и поил лошадь по вечерам. И уберег. А когда пришли наши, лошадь забрали. Тягловая сила нужна была всем. Непосильной работой лошадь вскоре надорвали и бросили умирать на обочине дороги. Петя с деревенскими мальчишками погрузили ее в дровни и на себе притащили домой. И второй раз спасли лошадь, выходили. А когда потребовалось доставлять раненых в Оковецкую больницу, Петя запряг лошадь и перевез более 70 раненых солдат.

И это было обычным делом. Этим не кичились, считая, что так должен поступать каждый...

В редкой деревне не было окруженцев-одиночек, хотя те и старались обходить деревни стороной. Но голод не тетка, приходилось рисковать. Район – в прифронтовой зоне, на глубину 60 километров был насыщен полевыми войсками. Располагались они в основном вдоль дорог, на расстоянии 10-20 километров от них. Другие деревни навеща-

ли только фуражиры да разведка. Вот к таким деревням и стремились окруженцы. Здесь было тише. А если повезет, то натолкнешься и на партизан. Они и накормят, и дорогу покажут, а иногда и проводят до линии фронта.

Так несколько раз проводник из партизанского отряда А. И. Волкова, который был сформирован самостоятельно и действовал в Шуваевском и Выжлятниковском сельсоветах, проводил группы окруженцев к своим. Намаявшись в окружении, они рвались скорее перейти линию фронта, чтобы бить врага вместе с регулярными войсками. В одном из рапортов в партизанский центр Волков докладывал, что вывел из окружения в дивизию генерала Поленова 27 человек офицерского и рядового состава.

Пробивались к своим и группами, даже целыми подразделениями. Вспоминает П. Н. Кувшинов: «Однажды в ноябре 1941 года в деревню вошла целая воинская часть во главе с полковником. Все при оружии, экипированы. Деревенские жители накормили и обогрели солдат. Моя мать Е. С. Кувшинова всю ночь пекла хлеб в дороге. А еще достала из потайного места несколько шматков свинины, перед приходом немцев закололи поросенка.

Уходя из деревни, командир дал мне офицерский ремень и красивый нож-финку.

– Береги их, – сказал на прощание, – мы еще вернемся.

И слово свое сдержал. Однажды у нашего дома, когда немцев выгнали, остановилась легковая машина. Из нее вышел генерал и попросил выйти Екатерину Сергеевну. Мать вышла из дома и ахнула. Перед ней был тот самый полковник-окруженец, теперь генерал. Он обнял Екатерину Сергеевну и от всей души поблагодарил ее за помощь в ноябре 1941 года.

А потом спросил меня. А я уже тут. Несу финку. А ремень сгорел, – говорю. Генерал обнял и меня, и уже навсегда подарил финку, которой я потом долгие годы брился, настолько хороша была сталь”.

В одну из деревушек на границе Селижаровского и

Луковниковского районов забрели два пограничника — рваные, исхудалые, пробивавшиеся к своим от самой латвийской границы. Вначале их была группа. Потом в боях почти всех потеряли. Осталось двое, но с оружием. У одного был ручной пулемет Дегтярева, у другого — снайперская винтовка.

И надо же такому случиться. Только сели поесть, мальчишки кричат: “Немцы, немцы!” Окруженцы выскочили на улицу и увидели, как к деревне приближается на лошадях примерно человек 25, должно быть, разведка. Один из пограничников встал с пулеметом на углу недостроенного сруба бани, второй — у другого угла. В течение нескольких минут почти весь взвод был на земле. Некоторые, правда, пытались повернуть назад. Но поле было большое, и пограничникам хватило времени положить всех. Смелость и злость, профессионализм сделали свое дело.

Но, конечно, было и другое. Многих окруженцев немцы ловили. При малейшем сопротивлении расстреливали. Других сажали под замок, а потом отправляли в лагеря, сортировали, распределяли по другим местам. Один из перевалочных пунктов был в Большом Кукушкине, где в ноябре-декабре 1941 года держали в холодном амбаре и почти без еды накопившихся окруженцев. Раз в неделю приходил грузовик-фургон, в нем и отправляли военнопленных. В Дубну, — говорили немцы, подталкивая обессиленных людей в фургон, вспоминает одна из местных жительниц. Что за Дубна? — спрашивали женщины, приносившие в дорогу окруженцам хлеб, у переводчика, учителя из Вышнего Волочка. Местечко такое в Андреаполе, — снисходительно объяснял он женщинам.

А вот в Хмелевке был лагерь для военнопленных. Об этом я узнал в архиве. Держали пленных под охраной на скотном дворе. Холодные и голодные, они мерли там каждый день. Иногда их “под ружьем” отпускали на поля собирать мерзлый картофель, остатки зерна. Из этого и вари-

ли похлебку. Когда в январе 1942 года наши стали наступать со стороны Селижарова и Шуваева в направлении Нелидова, почти всех немцев бросили на укрепление Филистова. Если в Шуваеве был сильный опорный пункт немцев, то под Филистовом участок обороны оказался слабым. Охранять лагерь в Хмелевке стало некому. Тогда немцы и расстреляли оставшихся 50 военнопленных. Где они похоронены? Об этом, кажется, не знает никто. Как не знаем мы и о том, в какой Хмелевке был лагерь. Их в районе три. В Дмитровском округе такой деревни уже не существует. В Хмелевке под Максимковым такая деревня еще живет. Но местные жители, которых я расспрашивал, не помнят лагеря. Остается Хмелевка под Азановом. Может быть, кто-нибудь оттуда откликнется.

Глава восьмая

Среди партизан выделялся командир отделения, до войны помощник оперуполномоченного Илья Симонович Бондарев. Выделялся веселым характером, решительностью в бою, а подчас и бесшабашностью. Было ему 33 года, Христов возраст, когда ни сил, ни ума не занимать. Начал партизанить он командиром отделения, а в конце декабря 1941 года в нескольких донесениях значился как командир партизанского отряда.

Родился он в деревне Мешково Шуваевского сельсовета, в семье бедняка. В 1917 году отец и мать умерли. И остался Илюша один. Его определили в детский дом аж в город Киев. Детдомничал с 9 до 14 лет. Потом его направили в Мешково к деду Арсению Михайловичу Бондареву. И работал он в колхозе до призыва в Красную Армию. А вернулся с почетной грамотой и подарком от командования – наручными часами. Окончив в Белорусском военном округе полковую школу младшего командного состава, он к концу службы стал командиром отделения. В колхозе его сразу назначили бригадиром. Так что детдом, хорошая военная подготовка сделали его решительным и отчаянно смелым.

Долго бригадирствовать Илюше не довелось. Через два года райком комсомола рекомендовал его в РО НКВД. Здесь он и стал помощником оперуполномоченного. С началом войны его зачислили в истребительный батальон. Я уже ранее упоминал о том, что в районе был пойман немецкий летчик-истребитель с подбитого самолета. Сделали это Бондарев и другой боец Новиков, за что и были представлены к медали “За отвагу”.

Таким был И. С. Бондарев. С первого дня оккупации района он решительно просил командира отправить его отделение в разведку.

– Надо с немчурой познакомиться поближе, дать им знать, кто здесь хозяин, – говорил он командиру.

Такой случай скоро представился. 19 октября Бондарев получил приказ разведать обстановку в районе станции Скакулино. На рассвете двенадцать бойцов двинулись к “железке”. Шли гуськом. Мягкий сухой мох гасил шаги партизан. Местами на сопках краснела брусники. Партизаны на ходу срывали ярко-вишневые гроздья.

– Нет ничего вкусней осенней брусники, – говорил Бондарев, запихивая в рот очередную горсть ягод.

Вслед за Бондаревым, сутулясь, шагал Григорий Капустин – помощник механика шахты “Кировуголь”. Рядом вслед – его сын, шестнадцатилетний Маркс, ученик Селищенской средней школы. Поначалу отец не хотел брать с собой сына. Но, поразмыслив, внял просьбе из-за необычного его имени, побоялся, что не оставят немцы Маркса в покое. И впервые пожалел, что так назвал сына.

Партизанам нужно было узнать обстановку на станции и вокруг, встретиться с надежным человеком, оставленным в тылу райкомом. Неподалеку от деревни Волга вышли на дорогу. Погода стояла теплая, солнечная. На небе ни облачка, что бывает нечасто в октябре. Бойцы жались друг к другу, шли, оглядываясь по сторонам.

– Не трусь, робя, по своей земле ходим, – подбадривал партизан Бондарев.

Он понимал: первый выход для многих таит опасность. Вспомнил и рассказал бойцам, как первый раз ходил на медведя.

– Дали нам отпуск с приятелем в сентябре. И отправились мы с ним на медвежью охоту, исполнить нашу давнюю мечту. Забрались в лес глубоко. Устроились в избушке лесозаготовителей. Утром встали, все вокруг исхожено медведем. И муравейник разрыт в трех шагах от двери. А она у нас не заперта. Ходим, оглядываемся, чуть ли друг за друга не держимся, от каждого шороха шарахаемся. Так прошла почти неделя. Сторожили медведя на овсах. Видим с засидок, ходит, а к нам не приближается. Правда, однажды вышла медведица с тремя медвежатами. Самый ма-

ленький с белым галстуком. Но не стрелять же. Двое, побольше, по овсу катаются, а маленький за мамку держится, боится, ну, прямо как мы с приятелем. А через неделю мы так обуркались, что чуть ли не за лапу с медведем здоровались. Здоровый, с проседью на спине. И решили мы к нему по овсу подкрасться. Снял я сапоги и босиком крадусь. Конец сентября, а холода не чувствую. Подкрался метров на сорок. Смотрю в сумерках, как он одну за другой пригоршни овса в пасть засовывает, а сам то и дело на задние лапы становится: осматривается, обнюхивается. Ну, уйдет, думаю. Прицелился, да как жажнул из двух стволов. Он как фукнет, да мимо меня в лес. Утром приходим, не оставляя же подранка, а на овсе кровь. Разошлись, но идем в одном направлении. А медведь-то хитрый. Как нам потом рассказали, перед тем, как раненому лечь, петлю делает и ложится на своем следу. Вот он и бросился на меня, на след его я вышел. Ну, тут я не сплеховал. Первый трофей был. Не так страшен черт, как его малюют.

– Но тут пострашнее медведя, – подал кто-то голос.

– Верно, но ведь и мы не промах. Так что скоро обуркаемся, будем ходить без боязни, – заверил бойцов Бондарев.

Долго идти не пришлось. С северной стороны донеслась перекличка гусей.

– Последние, – предположил кто-то.

Почти тут же раздались винтовочные выстрелы, а потом и автоматные очереди. Гусиная цепочка, едва показавшаяся, рассыпалась по небу. Гуси, испуганно голоса на всю округу, шарахались из стороны в сторону.

– Немцы! Гусятини захотелось, – задрав головы, заговорили партизаны.

От стаи отделился гусь, раненый, и стремительно снижаясь, полетел к партизанам. Не долетев сотни метров, глухо шлепнулся между сосен в мох.

– В укрытие! – крикнул Бондарев. – Все к бою.

Невдалеке заурчала машина. А через несколько минут

показался неуклюжий грузовик, набитый немцами. Стоят в кузове, гогочут, стучат по кабине, поторапливая водителя.

Бондарев достал противотанковую гранату, и когда машина поравнялась с ним, бросил ее под колеса. Грузовик приподнялся ближним к партизанам бортом, вильнул в сторону, и, осев, врезался в сосну. Партизаны уже без команды открыли огонь. Немцы оседали на дно кузова, выпрыгивали на другую сторону. Но тут же попадали под партизанские пули. Немногим удалось убежать. Дело было кончено в несколько минут.

– С боевым крещением, мужики, – поднялся Бондарев.

Партизаны, держа винтовки наготове, приблизились к машине. Около десятка трупов валялись на обочине, в кузове. Все партизаны видели фашистов впервые. Были те в серо-зеленых мундирах и таких же штанах, заправленных в широкие голенища сапог. На портупелях подсумки, фляжки, гранаты. Поясной ремень с матово-серебряной пряжкой, на которой кругом надпись: “Гот мит Унс”. “Бог с нами”, – не без труда перевел Маркс Капустин. Белая выпушка на погонах, белая тонкая полоска и на воротнике. Все это партизаны разглядывали с нескрываемым интересом.

– Пехота, общевойсковая часть, – уверенно определил Бондарев.

– А ты откуда знаешь? – подняли на командира глаза партизаны.

– Герман, помните, из Осташкова, объяснял.

Партизаны собрали оружие, несколько автоматов и винтовок, десятка два гранат. Забрали и документы, по которым определили войсковую часть. Из таких документов, взятыми партизанами у немцев, было установлено: перед началом наступления Северо-Западному фронту противостояли пять пехотных и две моторизованные дивизии врага, в том числе эсэсовская дивизия “Мертвая голова”.

Идти к станции уже не имело смысла. Там, наверняка, слышали выстрелы и партизан могли встретить немцы. И

они, разобрав трофеи, двинулись на базу.

А на другой день, 20 октября, с раннего утра деревню Волга окружили фашисты, прибывшие сюда на нескольких машинах. Всех жителей согнали прикладами на улицу. Офицер через переводчика произнес речь:

– Вчера партизаны обстреляли доблестных солдат фюрера. Покажите, где прячутся партизаны. И каждый уклавший получит вознаграждение рейхсмарками, землей и скотом.

Офицер дал несколько минут на раздумье, закурил сигарету. Потом снова повторил сказанное.

Женщины испуганно прижимали к себе детей, пытались объяснить, что они мирные жители и никаких партизан не знают и в глаза не видели.

Поняв, наконец, что ничего не добиться, офицер приказал приготовить оружие. Клацнули затворы. Каждый из солдат знал о “двенадцати заповедях” поведения на Востоке и обращении с русскими. Одна из этих заповедей требовала “проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия”.

Заголосили женщины, вцепились в подолы матерей дети. И только мужики стояли понурые, но гордые. Раздалась команда: “Огонь”. Люди падали как подкошенные на деревенскую улицу, возле своих домов. Раненых тут же добивали. Немцы зашныряли по домам. Несли в берестяных корзинках “яйки”, в глиняных горшках топленое масло, в стеклянных банках мед, связанных бечевками за ноги гирлянды орущих кур... Спасти удалось лишь нескольким жителям. Среди них и бригадир Волговской бригады, по совместительству председатель колхоза “1-е Мая”, которая в этот роковой день была в отлучке.

Вот этот скорбный список расстрелянных жителей деревни Волга: Горчакова Анна Егоровна, Горчаков Андрей Егорович, Смирнова Наталья Парфеновна, Смирнова Анастасия Васильевна, Смирнов Николай Иванович, Смирнова Александра Филипповна, Смирнова Матрена Степановна,

Смирнова Евдокия Тарасовна, Шагина Домна Осиповна, Шагина Антонина Николаевна, Зуева Мария Степановна, Богданов Василий Ефимович, Богданова Евдокия Петровна, Котова Евросинья Семеновна, Равина Прасковья Павловна, Равина Лидия Филипповна, Лебедева Ольга Филипповна.

Три мужчины и четырнадцать женщин. Простые русские фамилии, обычные имена людей, представлявших “смертельную опасность” для фашистов.

Акт о зверстве гитлеровцев в этой деревне подписали 12 февраля 1942 года председатель Селижаровского сельсовета Александров, секретарь сельского Совета Коновалова, председатель колхоза “1-е Мая”, бригадир Волговской бригады Лебедева.

Один-двое расстрелянных в деревне, таких случаев много. Но чтобы почти все жители были расстреляны, такого в районе больше нет. Деревня Волга разделена судьба пеновских Кстов, многих белорусских деревень. Волга стала одной из первых в районе, где фашисты стали внедрять “новый порядок”.

Препятствовали этому партизаны. Отряд Бондарева из 16 человек встретил группу немцев, направлявшихся внедрять “новый порядок” в одну из деревень. Как говорится в донесении, лобовой атакой партизаны уничтожили 20 немецких солдат. В следующий раз в засаде эта же группа партизан убила одного офицера и ранила трех солдат.

20 ноября 1941 года группа партизан в составе 20 человек под командованием Бондарева, по заданию штаба 22-й армии, отправилась взять “языка” и сжечь деревню Сушково, где был укрепленный пункт. Вооружены были винтовками и гранатами. Имели также несколько автоматов и один ручной трофейный пулемет “Люпса”. Такие пулеметы немцы использовали еще в первую империалистическую войну. Надо сказать, что пулемет был хорошо сделан и не претерпел изменений к началу Великой Отечественной.

Подошли к Сушкову под вечер. И надо же такому случиться, что в это время из деревни рота немцев вышла почти навстречу партизанам и направилась к линии фронта, возможно, тоже, чтобы прощупать нашу оборону и взять “языка”.

Бондарев приказал всем отойти вглубь леса, а сам с пулеметом залег на опушке и встретил фашистов огнем с тридцати метров. У врага началась паника, строчил-то немецкий пулемет. За несколько минут Бондарев уничтожил 10 солдат, заставил замолчать и вражеский пулемет. Враг, отстреливаясь, стал спешно отходить к деревне. Тут уж не выдержали партизаны и помогли командиру. У партизан оказался раненым в ногу один боец – Александр Озеров. Его несли на руках. Взять “языка” и сжечь деревню не удалось.

В другой раз, 7 января 1942 года, группа Бондарева из пяти человек сделала вылазку на большаке Шуваево – Сергеево. Шуваево было сильно укреплено. На большаке было интенсивное движение на автомашинах и лошадях.

Ждать долго не пришлось. Показался обоз из семи подвод. Подпустив на 15-20 метров врага, открыли огонь из автоматов. Были убиты офицер и пять солдат. Офицера убил боец Кутилин.

Вот таким был командир отделения, отряда коммунист Бондарев. В характеристике, подписанной начальником четвертого отдела УНКВД по Калининской области майором Здорновым, есть такие слова: “Бондарев был командиром партизанского отряда. Проявил мужество и бесстрашие. На счету его отряда ряд боевых дел”.

После изгнания из района немцев Илья Симонович возглавил один из отделов районного отделения милиции.

Глава девятая

В Фальково и Захаряты немцы пришли в октябре. Основной поток их двигался по большаку Андреаполь – Селижарово. По другим деревням, в стороне от большака, постоянно шныряли фуражиры, хозяйственные отряды, другие команды. В каждой деревне поставили старосту, а в волости, бывшем центре сельсовета, – старшину. Требовали от старост постоянного снабжения немецкой армии продовольствием, фуражом. Возражать было опасно. Чуть что, автомат к груди и “пуф-паф”.

Ограбление населения носило запланированный и организованный характер. В районе с первых дней оккупации появился особый уполномоченный по сельскому хозяйству, так называемый зондерфюрер. Интенданты дивизий представляли заявки на требуемое продовольствие. Зондерфюрер выдавал ордер для получения продовольствия в населенных пунктах. Обеспечить ордера продовольствием, указанными продуктами обязаны были старосты. По деревням зашныряли фуражиры, уполномоченные, жандармы. Все они отбирали у населения хлеб, скот, овощи, все, что хотели, что приглянулось. Им что, не хватало своего продовольствия?

Не хватало. Продовольственная политика Германии заранее была рассчитана на ограбление советского населения. Порывшись в литературе, посвященной обеспечению продовольствием армий, и немецкой, и других, я обнаружил много любопытных вещей, о которых не знал. Например, для обеспечения тотальной мобилизации продовольственных ресурсов Германия еще в 1933 году приняла ряд специальных законов. Их исполнение контролировало специальное учреждение – “Имперское управление по вопросам продовольствия”. Были созданы предприятия по производству пищевых заменителей, или эрзац-продуктов. Народ психологически готовили к войне, посадив его на военный паек за шесть лет до нападения Германии на Польшу.

А в 1939 году стали обязательными поставки крестьян государству сельхозпродуктов. Едва накопив ведро картошки, крестьянин уже лишался его, обязан был сдать его государству. Накопленных таким образом зерна, жиров, сахара должно было хватить на полтора-три года войны. А больше воевать фашисты и не собирались. Если война затянется, то на третьем году вооруженные силы будут снабжаться продовольствием из России. Только в этом случае война будет продолжаться. Так записано в германском меморандуме от 2 мая 1941 года.

Война затянулась. И уже с 1 июля 1942 года в германской армии для боевых частей были введены новые пайки, уменьшенные до 2543 калорий. Остальные воинские части должны были отобрать у населения. Что они и делали. Население в самой Германии питалось хуже своих войск, к концу 1944 года средняя норма составляла 1600-1800 калорий. А в 1945 году наступил голод. Не помогло и распределение продуктов по карточкам, которые были введены в Германии в сентябре 1939 года.

Для примера, самая высокая норма нашей действующей армии – для боевых расчетов экипажей самолетов – содержала 4712 калорий. Солдаты и офицеры на фронте получали 3450 калорий, в тыловых частях фронта – 2954 калории, во внутренних округах – 2822 калории. Эти нормы не менялись всю войну.

...Беляев старался уходить из деревни так, чтобы не попадаться на глаза. Ходил чаще всего в сторону Шуваева, в лес, куда немцы пока не совались. Однажды, найдя по лесу, присел на сухую валежину, рядом поставил двустволку, достал кисет. И тут почувствовал дым от костра. Сомнений не было, где-то рядом человек. Осторожно стал пробираться на запах дыма, а вскоре услышал и голоса, смех. Смех свободных людей, не оглядывающихся вокруг.

У костра сидело десятка полтора вооруженных людей. Над костром висел закопченный чайник.

– Однако неосторожны вы, – подошел Беляев к костру и, сняв шапку, поздоровался.

– Эх, дядя Егор. Волков бояться – в лес не ходить, – приподнялся один из сидевших, в таком же, как у Беляева, ватнике и кирзачах.

Беляев вскинул взгляд на него, развернулся от костра – Шапарев. Обнялись, договорились встретиться через несколько дней в лесу за Черным ручьем.

– А ружьишко-то свое оставь дома, мы тебе дадим трофейную винтовку, – обещал Шапарев, – а там, Бог даст, разживешься у фрицев автоматом.

Партизаны рассмеялись, показывая трофейное оружие.

Домой возвращался Беляев как на крыльях. Кажется, и ему нашлось дело, к которому он так стремился. Дома спрятал ружье, подобрал покрепче мешок, завязав в углах по картофелине, приспособил лямки. Получился вещмешок. Жене пришлось рассказать о встрече с партизанами. Отнеслась она к этому спокойно, знала о намерениях мужа. К условленному времени приготовила теплое белье, несколько крупных шматков свинины. А вот с обувкой произошла заминка. 3 ноября выпал первый снег, а 10-го ударил мороз. Что обувать? Валенки или кирзачи? Подумав, решил – кирзачи. Ноябрь – месяц ненадежный, после заморозков непременно бывает оттепель.

Попросил жену объяснить в деревне, если будут спрашивать, что ушел к дальним родственникам, помочь заготовить дров. В нужное время и в нужном месте Беляев ждал партизан. Они пришли вовремя. Как и обещали, принесли Беляеву винтовку, подсумок с патронами.

Тут же обсудили план действий. В отличие от воинских частей, в партизанском отряде была демократия. Каждый мог высказаться, предложить свой план. Подчас разговор напоминал колхозное собрание. Но последнее слово было за командиром. В Шуваеве и в соседних с ним деревнях немцы зверствовали с первых дней. Ими расстреляны без причин колхозник из Пашутина Н. Д. Смирнов, рабо-

чий станции из Юшина Смирнов, колхозник из Казакова Е. П. Белухов, жительница деревни Мишково Е. С. Новикова. А сына местного фельдшера Ф. В. Васильева Костю повесили за связь с партизанами. Костя был глаза и уши партизан в Шуваево: снабжал хлебом, приносил новости, рассказывал о предателях...

Окончив среднюю школу, Костя работал финагентом. Просился в отряд. Но партизаны посчитали, что он нужней здесь, на станции. В первый раз Костя пришел к партизанам на другой день после того, как Шуваево заняли немцы. Рассказал о введении нового порядка, о том, где квартировали фашисты. Тайком он наведывался в лес постоянно.

И на этот раз снова пришел с хлебом, да еще предупредить партизан о том, что житель деревни Хорево Можаяев стал служить немцам. Сотрудничают с врагом Зоя Кузнецова, прозванная в народе "широкими воротами" за любовь к мужскому полу, да Дуся Бондарева из Мишково. Немцы проверяют железнодорожные пути, видимо, хотят наладить железнодорожное сообщение. Парень опять просился в отряд. Но ему вновь объяснили: здесь партизаны справятся и сами, а вот на станции нужен свой глаз. Костя подержал в руках винтовку, прицелился в пролетавшую ворону, с сожалением отдал винтовку бойцу.

– Не расстраивайся, Костик, – ободряли парня партизаны, – придет и твой час.

Никто не предполагал, что это их последняя встреча. Выходя из леса на дорогу, Костя неожиданно наткнулся на группу немцев. Они окружили его, обыскали. Под мышкой у него был мешок, в котором недавно лежало несколько караваев. Один из немцев развернул мешок, принялся. Пахло свежим хлебом.

– Партизан, партизан, – загомонили немцы.

Костю привели к дому, обыскали все внутри, но так ничего и не нашли. Отвели в другое место, заперли в амбаре. А на следующее утро собрали жителей деревни, накинули ему на шею петлю.

– Этот человек помогал партизанам, снабжал их хлебом, – сказал переводчик. – По закону немецкого командования он подлежит повешению. Так будет с каждым, кто будет помогать партизанам.

Женщины заплакали, глядя на избитого Костю с переломанными в двери пальцами, которого вечером долго допрашивали, но так ничего и не узнали о партизанах.

Тело Кости долго висело на перекладине. Похоронить его разрешили только через неделю.

О смерти Кости партизаны узнали через несколько дней от местных жителей. За Костю решили отомстить. Место для засады выбрали между Мишковым и Шуваевым. По этой дороге немцы часто наведывались на станцию.

Стоял ноябрь. Выпал первый снег. Температура резко понизилась. В засаде пришлось ждать долго. Беляев чувствовал, как прихватывает ноги в холодных сапогах. Наконец, на дороге показались несколько повозок с немцами. Они приподняли хилые воротники шинелей, ежась, старались спрятаться от резкого, холодного ветра.

Повозки поравнялись с засадой. До них было не более 40-50 метров. Неожиданно за спинами партизан затрещали сойки. Немцы испуганно стали оглядываться. Но было уже поздно. Каждый из них был на мушке. Винтовочные выстрелы и автоматные очереди взорвали осеннюю тишину. Беляев видел, как после его первого выстрела обмякло тело фашиста, повалилось на повозку. “Есть, счет открыт”, – мелькнула мысль. Так же метко стреляли и другие партизаны. Шесть фашистов нашли смерть на дороге.

Партизаны осмотрели обоз. В основном это были свиные туши. В Шуваеве слышно было, как пытались завести на морозе машину. Значит, немцы скоро будут здесь. Отхватив заднюю часть у нескольких туш, посовали их в мешки.

Скоротечный бой согрел партизан. К тому же за плечами у каждого был увесистый кусок мяса. Груз грел не

только спину, но и желудок будущим обедом. В лесу под елями снега еще не было. На таких пустых прогалинах партизаны меняли направление. Беляев знал: немало потратишь времени, прежде чем найдешь след в таком осеннем лесу. Через несколько часов были у землянок, у Черного ручья. Заработала партизанская кухня. Беляев научил бойцов, как за полчаса приготовить мясное блюдо. Он как можно тоньше настрогал ножом мясо, бросил строганину в кипящую воду.

– А ты специалист, – удивлялись партизаны, наворачивая густой мясной суп.

– Охота всему научит, – объяснял Беляев.

И рассказал несколько охотничьих баек. Вспомнил, как с деревенскими мужиками перед Новым годом ушли сюда же, за Черный ручей. С утра с крыш капало, а к вечеру мороз под двадцать. Лося взяли под вечер. Пока шкурили при свете костра, стемнело. Чтобы сократить время, отправились домой с полными мешками мяса напрямую. Часа через два впереди идущий неожиданно остановился:

– Мужики, а мы здесь уже были!

В темноте разглядели стоянку, выпотрошенные лосиные внутренности. Оказалось, в темноте сделали круг. Делать нечего, остались ночевать в лесу. На кострище разложили еловые ветки, в ногах разожгли костер. И улеглись, тесно прижавшись друг к другу. А утром, едва отойдя на сотню метров, увидели, как по снегу движется муравейник. Протерли глаза – муравейник двигался. “Швят, швят, швят”, – закрестился дед Шуриков. Беляев выстрелил под основание муравейника. Раздался поросячий визг, да такой громкий и раздражающий душу, что дед Шуриков упал на колени, неистово осеняя себя крестом. Когда визг прекратился, подошли поближе. Оказалось, во вчерашнюю оттепель кабан забрался под муравейник. А когда ударил мороз, примерз к нему. То-то смеху было.

Мороз крепчал, в землянке становилось свежее. Особенно мерзли ноги. Все были в валенках, кроме Беляева. К

утру поднялась температура, прихватило горло. Так промаялся он целый день. Шапарев предложил отвести его в ближайшую деревню, чтобы отлежаться на теплой печи.

– Если идти в деревню, то лучше домой, – решил Беляев.

– А не заблудишься? – спросил Шапарев.

– Сапоги дорогу знают, – пошутил Беляев.

До дома было около десятка километров. Поначалу шагалось быстро. Но скоро пришлось останавливаться и отдыхать через каждые двести, а потом и сто шагов. Промокшая сначала куртка встала колом. Уже выбившись из сил, он увидел просвет между деревьями. Оказалось: поле. И полузаметенная дорога. Сил как будто прибавилось, но ненадолго. Смеркалось.

Через час Беляев, обойдя деревню огородами, постучал в раму своей избы. Жена бросилась навстречу. Из двери пахло теплом и кислыми щами. Сбросив с себя мокрую одежду и похлебав щей, Беляев, как в тумане, добрался до печи и уснул до утра.

Очнулся от нестерпимой жары. Горячие кирпичи жгли тело. Он перевернулся набок и попросил принести воды.

– Чай готов, с мятой и зверобой, да малинки с медком бросила, – тут же отозвалась жена.

Беляев по крутым ступенькам спустился на пол, увидел принаряженную жену.

– Да ты, старуха, как на свидание собралась!

– Свидание и есть, почитай, месяц не виделись. Я уж все думы передумала. Да и в деревне интересуются, куда это ты пропал.

На столе задымилась тушеная картошка с мясом, появилась горка блинов с медом. “Все, как прежде”, – подумал. Но тут же мелькнула мысль: “Все, да не все”. Оклемавшись, он поведал жене о своих похождениях. Жена рассказала о деревенских новостях. Приходил староста, говорил о какой-то регистрации. Наезжали немцы. Скотину порезали и укатили в Ранцево. Говорят, у них там штаб.

На другой день, увидев, в каких растоптанных валенках ходит жена, пожалел, что не успел скатать новые, достал дратву, прошелся по суровым ниткам варом и воском. Потом отыскал щетину, впледел с двух сторон в дратву и сел подшивать валенки. Вскоре в дом зашел мужик из соседней деревни. Разговорились. На деревенской улице показались несколько подвод. Жена прильнула к окну:

– Немцы!

На перекрестке подводы остановились. Из саней вылезли несколько человек в шинелях, стали отряхивать с себя сено. Прибежал староста. После короткого разговора показал рукой в сторону дома Беляевых.

– Жена, спрячь винтовку подальше, а я на огород, отсижусь, на всякий случай.

Беляев накинул на нижнюю рубаху полушубок и выскочил через двор на огород, припустился к баньке, в сторону Трутневки. Мужик из соседней деревни побежал к Крутцу. Беляев услышал, как немцы, грохоча холодными сапогами, поднимаются на крыльцо. До леса метров двести, не больше. “Успею”, – подумал и побежал. Немец, оставшийся на крыльце, что-то закричал, выстрелил вдогонку. “Только бы успеть до леса”, – билась мысль, – “только бы успеть”. Вот он и лес, уже видно, как слегка раскачиваются еловые ветки, на ветру шелестят тонкие полоски бересты на молодых березках. Оглянувшись, увидел: два немца бегут за ним, раздвигая полы серых шинелей. “Только бы добежать, только бы не споткнуться в борозде”. Немцы были молодые и сильные, на самой кромке поля Беляев почувствовал резкий толчок в спину и упал в снег. Шапка с головы скатилась, свежий снег запутался в редких волосах. Направив винтовки на Беляева, немцы приказали ему встать, показали на деревню. “Кто-то донес, кто... Эх, зря винтовку оставил, лежать бы вам сейчас, а не мне...”.

Заголосила жена, когда подвели мужа. Ее грубо оттолкнули. Не дав зайти в избу, достали из саней веревку,

связали руки спереди и притянули к оглобле. Развернув лошадей, направились в Ранцево. Лошади взяли резво, и Беляеву пришлось бежать обочь основного санного пути. Все чаще спотыкаясь, он падал, снова вставал, получая по спине удары кнутом. Руки застыли, посинели и опухли. Дорога не близкая. Мимо яблоневого Кустихи, мимо дуба, где всегда отдыхали, возвращаясь с охоты, мимо Куриной лапы, перекрестка четырех дорог... Он упал и больше не поднялся. Так его и притащили в Ранцево. Пинками подняли с земли, наконец, развязали руки. Подошли офицер с переводчиком.

– Ты партизан?

Беляев молчал, почти не понимая, о чем его спрашивают.

– Где партизаны? Сколько их? Кто командир?

Вопросы сыпались один за другим, переводчик едва успевал переводить. Беляев с трудом поднял голову. Он стоял рядом с деревянной церковью, единственной в округе; здесь с мужиками в праздники рассуждали о мастерстве русского человека. Рядом кладбище.

– Даю минуту, – перевел переводчик, – потом расстрел, если не назовешь, где партизаны.

Минута прошла. Принесли лопату, сунули в окочевевшие руки. “Копай”. Что-то мелькнуло в затуманенном мозгу Беляева. “Где же я его видел?”. И сквозь провалы в памяти вспомнил кабинет заведующего роно и этот бегущий взгляд сельского учителя немецкого языка.

– Так это ты, – выдавил едва открывшимися губами Беляев, не зная ни имени, ни фамилии переводчика, – холуй, иуда...

Переводчик тоже вспомнил Беляева.

– Меня заставили, – сказал, словно извиняясь.

– Меня тоже заставляют, – отшвырнул в сторону лопату Беляев.

Ветер шевельнул ветку березы, на голову посыпалась мягкая снежная пелена.

Беляев в последний раз поднял голову и посмотрел почти невидящим взглядом в серое декабрьское небо. Мороз крепчал, немцы ежились в поднятые воротники. “Эх, валенки жене не подшил”, – вспомнилось почему-то. Раздались выстрелы, тело шлепнулось, непокрытая голова ударилась о морозную землю. Но боли Беляев уже не чувствовал.

Запорошенное тело лежало несколько недель. Убрать немцы не разрешили. И только в середине января, когда фашистов вышвырнули из Ранцева, односельчане забрали тело, предали его земле.

Глава десятая

Четвертым отделом УНКВД области в районе было создано несколько партизанско-диверсионных групп. Одну из них в составе 19 человек (14 из них были члены и кандидаты в члены партии) возглавил Василий Васильевич Стрелков – заведующий райфо. Другую, из 12 человек – рабочий 10-й дистанции пути, столяр Иван Федорович Цветков.

О деятельности этих групп известно, к сожалению, мало. Созданы они были в конце сентября 1941 года, за месяц до оккупации района. Создавались спешно и нелегко. Например, в первую группу из 40 кандидатов отобраны были только 19. Многие соглашались сразу, шли на это простое дело с охотой. Но были и такие, кто жаловался на здоровье, другие трудности. Но и не каждого соглашающегося брали. Были определенные требования, которым должен был соответствовать член партизанско-диверсионной группы.

Например, встал вопрос о зачислении в группу Николая Тимофеевича Цветкова – управляющего отделением “Заготзерно”. Был он холост, беспартийный, 1914 года рождения. И хотя он сразу согласился на предложение, положительный ответ получил только через несколько дней. Причина? Был за ним грешок. В 1936 году, когда ему было всего 22 года, с ним приключилась такая история. Отлучившись куда-то, он передал бригадиру грузчиков на время ключи от склада. А тот за это время украл два мешка зерна. Бригадира судили, досталось и Цветкову, как управляющему. За халатность его также осудили по статье 111 УК и приговорили к одному году исправительно-трудовых работ. Суровые были времена. Но в 1941 году обком ВКП(б), хотя Цветков был беспартийным, вновь утвердил его управляющим отделением “Заготзерно”. Отзывы и характеристики были исключительно положительные. Принимая в группу, а потом в партизанский отряд, комиссар

Смирнов, в мирной жизни судья, поручился за Н. Т. Цветкова. И он, как показало время, оправдал это.

По неведомым мне причинам эта группа просуществовала недолго. Члены ее укрепили руководящее ядро, как тогда говорили, партизанских отрядов. Так, возглавил партизанский отряд П. Е. Егоров. Было ему в это время 30 лет. В 1933 году он окончил в армии полковую школу, получил благодарность. Через два года демобилизовался и стал работать бригадиром в колхозе. А в 1936 году в РО НКВД возглавил ведомственную милицию.

Двое других членов группы – А. Н. Смирнов и Г. П. Цветков – в гражданской жизни судья и председатель поссовета, стали комиссарами отрядов. С. Н. Лешенков командовал в отряде отделением. Отличились в партизанских отрядах и другие члены группы – Иван Фомич Фомичев, Георгий Михайлович Волков, Иван Иванович Дергунов, Василий Яковлевич Мосягин, П.А. Пылев и другие. Звание коммуниста запятнал только А. Н. Потапов – заместитель командира в отряде Ветковского, директор Черногрязского льнозавода. Но об этом разговор позднее.

О второй партизанско-диверсионной группе, ее трагической судьбе известно немного. Кроме командира, в нее вошли 11 человек. Почти все они были беспартийные. Среди них работник торфопредприятия И. А. Голубев, рабочий сапоговаляльной мастерской А. А. Королев, 1897 года рождения, Н. И. Королев, и колхозник И. Н. Виноградов, 1881 года рождения. Возможно, с годом рождения ошибка. Как никак 60 лет. Но, возможно, предполагалось задание для человека такого возраста.

Задание у группы было непростым: взорвать мост через Селижаровку, разрушать связь, уничтожать мелкие группы противника, автомашины, склады с боеприпасами и имуществом, сжечь деревни Борки, Манухино, Борисово, собирать сведения о противнике. В архивной справке под этим заданием стоит подпись Цветкова: “задание получил”.

Командиру были даны особые полномочия, вплоть до применения оружия в группе, на случай неподчинения кого-то, конечно, после принятия всех исчерпывающих мер. Группу, видимо, готовили хорошо, для серьезных дел. Под личную ответственность начальника райотдела НКВД Пликина с помощью райкома партии и оперпункта транспортного отдела НКВД для нее было заложено несколько баз. В них были как материально-техническая часть, так и спецпринадлежности. Например, оружие, ножи, фонари, гаечные ключи, керосин, примусы, лыжи, вплоть до котелков, ложек, сапожной мази... Были и явочные квартиры.

Группа перешла линию фронта 26 ноября 1941 года. Сопровождал ее наряд из трех человек до железной дороги у деревень Острое-Вяльцево.

Группе сразу не повезло. У деревни Дроздиха она попала под пулеметный огонь. Отойдя в лес и потеряв ориентировку, Цветков направляет трех человек в разведку. Через некоторое время послышались пулеметные выстрелы. Разведчики не вернулись. Оставшаяся часть группы, 9 человек, идут к деревням Лисино, Мохначи, Сморгуново. У деревни Переворово семь бойцов в ночь с 1 на 2 декабря переправились через Волгу. Двоих – И. А. Голубева и А. А. Королева командир оставил наблюдать за большаком Ржев – Селижарово. Судьба группы неизвестна, она не вернулась. Командир группы до войны жил в Кувшинове. Но там никаких следов его найти не удалось.

А Голубев и Королев после долгих скитаний вернулись к своим. В ту ночь, с 1 на 2 декабря, они обнаружили будку немецкого часового, сплетенную из еловых веток и находившуюся буквально в пяти метрах от большака. Бойцы провели в ней на холоде половину суток, почти до 9 часов утра, насчитали 6 легковых и 14 грузовых автомашин, прошедших за ночь. Перед уходом, а днем здесь оставаться было нельзя, они взорвали идущие рядом две автомашины. Это оказались штабной автобус и грузовик с соломой, двигавшиеся к Селижарову. Голубев метнул в

автобус противотанковую гранату. Взрыв был мощным. Будку из веток как ветром сдуло. Автобус остановился, и грузовик с соломой наскочил на него. В солому Королев бросил бутылку с зажигательной смесью. Грузовик вспыхнул. Из автобуса, опомнившись, выскочили два немца и бросились убежать.

— Когда мы подбежали к автобусу, — потом докладывали в рапортах бойцы, — чтобы взять документы, кругом были разбросаны обрывки шинелей, остатки тел.

Вскоре Голубев и Королев услышали приближение очередной машины и бросились бежать к Волге, укрылись в доте, в котором провели весь день. Оттуда наблюдали, как немцы оттащили в сторону автобус и грузовик и, подобрав убитых, отправились к Ельцам. Ночью в сторону Ржева отправились и Королев с Голубевым, чтобы перейти линию фронта.

Может, и не стоило бы так подробно рассказывать о дальнейших скитаниях оставшихся в живых членах группы, если бы не некоторые обстоятельства. А они таковы.

Оболваненные фашистской пропагандой, немцы в полевых войсках свято верили, что Москва взята, Ленинград окружен, война выиграна. В одной из деревень местные жители рассказывали, как с 6 на 7 ноября немцы всю ночь отмечали победу. Глядя на пьяный шабаш, поверила в это и часть населения. Королев и Голубев показали газету “Правда” за 20 ноября, где рассказывалось и о параде наших войск на Красной площади 7 ноября, и о других событиях. Им верили и не верили.

Так пробирались они от деревни к деревне, полугодные и холодные. В некоторых глухих деревнях подходили к крайним домам, просили поесть. Во многих домах двери не открывали, разговаривали полупшепотом, просили скорей уходить. Там же, где относились сочувственно и давали хлеба, картошки, воды, рассказывали, что немцы запугали население, за связь с партизанами грозят виселицей.

Надежда была на одну из деревень, где у одного бойца жил дядя. “Вот там-то наедемся и отоспимся”, — подбадривали друг друга. Однажды в лесу встретили женщину с ребенком. Она готовила дрова. Рассказала, что во всех деревнях немцы. Штабы в Мелентьеве, Ельцах, Борисове, а в Мохначах — карательный отряд. Чувствовалась крупная группировка врага во Ржеве. Когда обходили стороной Ельцы, слышался колокольный звон, шла служба. Ночевали в лесу. Костер разжигали только глубокой ночью. Так добрались они до деревни Покровское, где жил долгожданный дядя.

Встретил родственника он приветливо: усадил обоих за стол, сытно накормил. Когда разомлевшие от тепла и еды бойцы легли отдохнуть, дядя куда-то исчез. Это было 9 декабря, через две недели после перехода линии фронта. Все эти дни и ночи провели в лесу — в дороге, у костра. А мороз уже лютовал. Проснулись от какого-то шума. В доме громко разговаривали. Это прибежали местные жители. Увидев бойцов, заговорили наперебой.

— Уходите скорей, староста ведет немцев. Мы слышали, как он объяснял им, что задержал двух партизан.

Пулей выскочили из избы Королев и Голубев, огородами помчались к спасительному лесу. Дядькино “гостеприимство” чуть не оказалось для них пленом. В лесу забрали спрятанные винтовки. Пистолетов не было. Опять спали в лесу, мерзли. Вспоминали рассказ жены старосты о том, что в холодных сараях, под замком так же мерзнут наши военнопленные. “В сутки выделяют лишь пол-литра супа из неразмолотого ячменя. Да иногда разрешают под прицелом автомата собирать на поле убитых лошадей. Люди мрут каждый день”, — с горечью говорила она бойцам, когда староста удалился из дома. — “Несладко и местным жителям. Ходить по деревне разрешают только с 6 утра до 6 вечера. В остальное время суток стреляют без предупреждения. А в другую деревню, кому потребуется, надо получить у старосты пропуск. Вот и сидят все по до-

мам. Да и ходить-то стало некому. Всех мужчин этой и соседней деревень, несмотря на возраст, отправили во Ржев как партизан. Известий от них никаких”.

Видимо, беспокоят фрицев партизаны, сделали вывод бойцы, коль всех скопом сюда зачислили. По сторонам ночью слышались выстрелы, разрывы гранат. Возможно, это дело рук партизан. Но как их встретишь? Да и задание у группы было вернуться назад через линию фронта в районе деревни Сытъково.

Особенно возмутил бойцов случай, когда сытый хозяин, открыв дверь, мягко говоря, посоветовал им поскорее убираться, иначе он донесет немцам. “Ходют тут всякие, а нам из-за вас немцы житья не дают, одни неприятности от таких ходяков”. “Не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую”, – зло сказал вдогонку хозяину слышанные где-то слова Голубев. Но делу это не помогло. Хозяин, выругавшись, плотно закрыл за собой дверь.

Голубев и Королев перешли линию фронта. Их донесения хранятся в архивной папке. Но судьба остальной части группы по-прежнему неизвестна. Попали в неприятельскую засаду? Или что-то удалось сделать? Еще одна неизвестная страница в истории войны.

Глава одиннадцатая

Немцы так и не смогли взять Осташков, хотя подошли к нему вплотную. Не прорвались и к Бологому, хотя железнодорожный узел подвергался постоянным авианалетам. Поезда шли регулярно, подвозили войска, технику, боеприпасы. С каждым днем немцы становились сумрачнее, злее. Эйфория блицкрига прошла, и многие понимали, что придет день расплаты.

Да расплата уже пришла. Каждый день на дорогах района гибли солдаты. В этом была заслуга партизан, которые использовали каждую возможность, чтобы отомстить фашистам.

Группа партизан из отряда Шапарева встретила на большаке Андреаполь – Селижарово тяжело груженую автомашину. Вел ее, поминутно оглядываясь, один водитель, чему партизаны немало удивились. Оказалось, за полчаса до того, как партизаны оседлали дорогу, по ней прошла колонна машин. Эта, видимо, отстала из-за поломки, вот водитель и спешил догнать впереди идущих. Ездить в одиночку стало опасно. Легковые автомашины, как правило, стали сопровождать два мотоцикла с пулеметами.

Эта автомашина, как и многие другие, не дошла до места назначения. Она была забита обмундированием, немецким и частично русским, включая валенки, полушубки, рукавицы. Фашисты уже не были уверены в скором окончании войны и поняли: зимовать им придется и в Селижаровском районе. Партизаны отоварились по полной, взяли все русское, теплое. А немецкое обмундирование – легкие шинельки, мундиры, пилотки – сожгли. За эту операцию командир отметил партизан Гусева, Бондарева, старшего Капустина. Возвращаясь, партизаны в нескольких местах порвали телефонный провод. Впрочем, делали они это каждый раз, когда встречали телефонную связь. Был случай, когда дождались группу немецких телефонистов. После того, как один из телефонистов был убит, группе пришлось

ретируются, видимо, за подмогой.

Заняв крепкую оборону, войска Северо-Западного фронта стали активно готовиться к наступлению. К этому времени штаб фронта возглавлял опытный штабист, недавний первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ватугин. В Осташков, Вышний Волочек, Бологое постоянно поступали свежие воинские части из Сибири, Татарстана, пополнение из республик Средней Азии.

Но если из Сибири войска поступали хорошо экипированные, в зимнем обмундировании, то из Средней Азии часто в летней одежде. Недавно в центральной газете я прочитал воспоминания одного из узбеков, рота которых прибыла под Осташков из Ташкента. Все они прибыли в летних ботинках. А морозы стояли лютые. Это подтверждают многие очевидцы. Этого юного узбека командир роты отправил с донесением к командиру полка, штаб которого находился за десяток километров. Он настолько замерз по дороге, что не мог вымолвить слова, только передал донесение.

— Что с тобой? — спросил командир полка.

— Замерз, наверное, — предположил ординарец командира полка, показав на легкие летние ботинки.

— Так обуйте, — велел командир.

Ординарец, прихватив в сенях дома топор, провел узбека в сарай, где были навалены десятки трупов красноармейцев.

— Вчера ходили в разведку боем, — пояснил он, — это погибшие. Выбери любые валенки.

— А как их взять? — наконец заговорил узбек, попробовав снять с одного из убитых серые валенки. Но они не снимались.

— Вот тебе топор, отруби ноги, а в тепле, когда они отойдут, снимешь валенки, — пояснил ординарец.

У бедного узбека топор вывалился из рук, и он опрометью бросился бежать в свою роту.

Не знаю, сколько тут правды. Впрочем, на войне всякое бывает.

Немцы, предчувствуя, да, видимо, и располагая сведениями, что войска накапливаются для прорыва, стали активно готовиться к зимней обороне. Квартировать в окопах им не хотелось, ведь им обещали короткую победоносную войну. Пришлось срочно готовить опорные пункты, такие, как Шуваево, строить дзоты, землянки, обустраивать траншеи.

Разведчики почти ежедневно докладывали в партизанский отряд Шапареву об укреплении немецкой обороны. Жителей прифронтовых деревень выселили из домов, заняли их полевыми войсками. А часть построек разобрали на бревна и перевезли их на передовую в окопы. Но строительного материала все равно не хватало. И однажды разведчики принесли вест о начавшихся лесозаготовках. Немцы согнали местное население в лес, заставили под угрозой расстрела валить ели и сосны. Сами они в этом не участвовали, поручили контролировать работы старостам.

Шапарев с группой партизан решил встретиться с лесозаготовителями. Еще издали почувствовали они запах свежегорелой хвои, а вскоре слышали и неторопливое постукивание топоров. Оглядевшись, партизаны вышли на делянку, усыпанную сосновыми ветками. Вокруг большого костра дымили самокрутками не меньше десятка мужиков. Несколько пар, по колено в снегу, работало на валке леса. Пилили не торопясь. Рядом жевали сено лошади, запряженные в короткие сани для трелевки бревен.

– Привет пособникам фашистов, – поздоровался Шапарев с мужиками.

– Да мы нешто добровольно, – виновато начали оправдываться мужики, – расстрелом грозят.

– Нам тоже грозят виселицей, а мы, как видите, живы, – сурово осмотрел лесорубов Шапарев.

Мужики сгрудились вокруг, догадавшись, кто к ним пожаловал. Рассказали, что лес приказано трелевать к

большаку, а оттуда доставить к Колобову, Кошелеву и другим деревням по линии обороны.

– Немцы ждут нашего наступления, а вы помогаете им укреплять оборону, – подвел итог разговору Шапарев.

– Да мы разве... – разводили руками лесорубы. – Сами ждем каждый день своих. Разве это жизнь.

– Ну, вот что, мужики, – оглядел толпу Шапарев, – вы быстренько делаете на дороге завал и сматываетесь по домам. Скажите: партизаны отправили. А за лесом пусть сами приезжают. Мы их здесь встретим.

Весело завизжали пилы, лес огласился дружным перестуком топоров. Сосны ложились поперек дороги, загрождая ее, делая труднодоступной не только для лошадей, но и тракторов.

А партизаны, выставив караул, расселись вокруг костра. Мужики говорили правду, что рубили усыхающие да кривые деревья, годные разве что на дрова. Рядом стояли матчевые сосны, по два шестиметровых среза без сучка. Лишь высоко-высоко, казалось, под самым небом, макушки венчали густые шапки веток.

Шапарев, закинув голову, долго смотрел вверх. Сколько таких сосен принял и заклеил он, работая брокером экспортного леса на лесозаводе. Десятки тысяч кубометров отборного леса скапливалось весной на берегу Волги у лесозавода. И каждое бревно надо было оглядеть, заклеить, отгрузить на экспорт. Возможно, в ту же Германию.

Поначалу отбирали бревна на берегу. Потом, чтобы ускорить дело, отводом и таксацией стали заниматься в лесу в весенне-летний период. Отграничивали лесосеки в натуре, отбирали лучшие деревья для рубки, вели их пересчет, измеряли высоту...

Лесосекам придавали форму прямоугольника, делянки отграничивали ясными визирами. На углах ставили столбы, определенной формы и размера, укрепляли их в подземной части крестовинами. Верх столба затесывали на два ската, делали выемку-окно, и на него краской наносили

вид пользования, год рубки, номер квартала и делянки, площадь. Лесосеку делили на делянки и таксационные участки, выделяли в них подрост, отбирали семенники и отграничивали семенные куртины и полосы. Все это тщательно записывалось в полевой абрис.

В лес ходили как на праздник, как деревенские мужики на покос.

– А чем отличается подрост от подлеска? – спросил кто-то из молодых.

– Подрост-молодняк под пологом леса, это будущий древостой. А подлесок – просто кустарник под пологом. Вот смотрите, – обвел рукой Шапарев делянку, – это сосняк-черничник. Делянка в западине, почва песчаная, подзолистая, влажная. Подрост – ель, да сосна в окнах. Подлесок редкий: рябина, крушина, ива. Покров – черника, брусника, зеленые мхи, да кукушкин лен.

– Ну ты профессор! – восхищенно поглядывали на командира партизаны.

– Работа на экспорт научила. Да и в молодости довелось работать сплавщиком, гонял плоты до Калинина. Сплавщики тогда были классные. Помню, перед войной Лебедев, Смирнов, Ершов, еще Розов, кажется, организовали первый стахановский сплавной караван. 80 гонок – 11 тысяч кубов леса из Селижарова до Калинина доставили за 5 дней вместо положенных 10. А это 300 с лишним километров по Волге. Встречали в Калинине сплавщиков с оркестром. Вернулись – новый караван организовали: 200 гонок – 25 тысяч кубов леса. Во, работали!

Бойцы слушали Шапарева как замороженные. По их загоревшимся глазам Шапарев понял, не зря он рассказывал им об этом. Каждый как будто побывал в той, вчерашней жизни, прикоснулся к дому, близким.

Лесорубы, закончив завалы, отправились по домам, партизаны – на базу. Предварительно постреляли вверх.

– Командир, – разгреб кто-то валенком снег, – а сосняк и вправду растет на черничнике.

И в подтверждение сломал зеленую ветку, сунул ее в карман.

Больше лесорубов в этом лесу не видели. Не посмели сюда сунуться и немцы. Бревна провалялись до весны. Потом их использовали не для войны, а для хозяйственных нужд.

А немцам не помог и опорный пункт в Шуваеве, укрепление соседних деревень. Свежая, хорошо экипированная дивизия из Казани, что была переброшена под Осташков и Селижарово из-под Москвы, выбила фашистов и гнала до Нелидова через Центральный заповедник почти без боев. “Дикая татарская дивизия”, – говорили о бойцах этого соединения немцы, – она “в плен не берет”. Но напрасно командование немцев призывало солдат драться до последнего. Основные силы Казанской дивизии достигли Нелидова за три дня. И это по бездорожью, в лютую зимнюю стужу.

Были лишь отдельные очаги сопротивления. Например, одна из колонн дивизии задержалась на два дня при наступлении с Ходулина на Кнутово – Ранцево. Шли по единственной дороге. Под Кнутовым был хутор из семи домов. Здесь немцы организовали упорное сопротивление. Во всех домах – на чердаках и в подвалах – были установлены пулеметы. В первый день наступления под хутором полегла целая рота. Во второй все повторилось снова. И только на третий день, когда, наконец, подвезли артиллерию, фашисты бежали. В Кнутове есть памятник нашим павшим воинам. Дорогой ценой доставалась победа даже на крохотном пятачке. И разве нельзя было обойти этот хутор? Наверное, можно. Но это только людям. А как быть с техникой? По болотам и топям? Да и рвались все в бой. Ведь это было наше первое наступление. И шли вперед, подчас устилая дорогу трупами. Так было и под Кнутовым.

Глава двенадцатая

Голодный боец – плохой воин. Тем более на морозе, при огромных физических нагрузках. Поэтому закладке продовольственных баз райком партии придавал особое значение. Бюро райкома поставило задачу каждому отряду иметь несколько таких тайных баз.

Перед оккупацией хлебозавод целыми сутками сушил для партизан сухари. Этим занимались и в некоторых деревнях. Необходимо было переработать на сухари 60-70 процентов выделенной для партизан муки. Одновременно сушили и картофель, овощи.

На продовольственных базах, казалось, было предусмотрено все. Кроме тех же сухарей (а на базах отряда Ветковского их было заложено 18 мешков) имелись мука, крупа, сахар, чай, махорка, мыло, масло, консервы, сыр... Было и в чем приготовить пищу. Имелись баки, бочки, котлы, чугунки, термоса... Но даже имея все это, непросто в лесу быстро и постоянно готовить, скажем, ту же гречневую кашу. Поэтому часто питались всухомятку. И быстрой всего исчезали сухари.

На базах, как мне кажется, не доставало свинины. Русский человек на охоту ли собрался, в поездку ли – всегда в чистую тряпицу прихватывал шмоток свиного сала. Небольшой кусок соленого сала с хлебом, а если еще удастся разжиться кружкой чая, то и не надо больше ничего – мужик заряжен энергией на весь день.

Где-то я читал, что так делали и немцы. Разведчики, диверсанты непременно снабжались фасованными и завернутыми в фольгу стограммовыми кусками сала. Такой кусок сала по калориям сродни хорошему обеду. И весит немного, и приготовить такой бутерброд – дело пустяковое, и на морозе не мерзнет. Но на партизанских базах не было ни одной бочки с соленым салом, хотя хранится оно долго, не портится. Кто-то упустил в перечне этот исконно русский продукт.

Война войной, а обед по расписанию. Эта истина известна давно. Желудок идеологических приказов не слушается. Селижаровским партизанам долго воевать не довелось. А вот некоторые западные районы в прежних административных границах области были “под немцем” целых два года. А у них и времени было меньше на закладку баз, да в некоторых районах их и вовсе не успели заложить, как и создать партизанские отряды.

Например, партизанский отряд Ленинского района формировался на Селижаровской земле. И харчевался до марта 1942 года партизанскими продуктами. В результате бюро обкома ВКП(б) указало Селижаровскому райкому на ненормальность такого положения. Второму секретарю райкома Снегиреву было рекомендовано незамедлительно переправить партизанский отряд на его территорию.

Хлеб был так же ценен, как боеприпасы. Это только кажется, что отобрать продукты у врага просто, хотя это неоднократно рекомендовали партизанам ЦК ВКП(б) и правительство, центральный партизанский штаб. Так могли действовать в основном крупные рейдирующие по тылам врага партизанские бригады. Селижаровские же партизанские отряды были малочисленны, им было не до рейдов, воевали в основном из засад. Приходилось пользоваться и крестьянскими харчами, хотя в деревнях не благоденствовали. А немцы намеревались, как это уже было на Смоленщине, в Белоруссии, обложить крестьян налогами — за землю, корову и лошадь, если еще сохранились, даже собаку...

На фронте продовольственное и материальное снабжение обеспечивали специальные тыловые части. Партизанам все это нередко приходилось добывать самим. И чаще всего не в бою, там много провианта не возьмешь. Надо признать, что селижаровские партизаны, когда они квартировали в деревнях, были на задании, кормились за счет местных крестьян, хотя постоянно пользовались и собственными продовольственными базами.

Обычно за продуктами ходили группой. Однажды на базу ушло отделение под командованием М. С. Кудряшова. Идти пришлось лесом, по снегу. Устали. Одиннадцать человек едва разместились в землянке, предварительно плотно поужинав. А утром заметили, что мешки с мукой и крупой, с сахаром неполные и рваные, будто их вспарывали наспех ножом. Но тогда этому никто всерьез не придал значения. Главное – пришли и стали “отовариваться”. Бойцы после очередной операции отдыхали, набирались сил для новых боев. Пять дней жили на базе. “С голодухи, – как писал потом в объяснительной записке секретарю райкома Кондрашову председатель Выжлятниковского сельского Совета П. В. Беляев, – навалились на еду. За пять суток съели два пуда гречки, четыре килограмма коровьего масла, примерно столько же сахара, восемь головок сыра. Селедок ели мало, так как не было хлеба”. Вспоминали разбитый в первые дни оккупации немецкий обоз с хлебом.

К расходованию продуктов относились строго. Пришлось потом писать объяснительные записки в партизанский центр и командиру отделения Кудряшову, другим бойцам. Продукты ценили наравне с боеприпасами, и не только партизаны, но и немцы. Были случаи, они описаны, когда немцы стояли перед выбором, что отправлять в первую очередь – боеприпасы или продукты. И нередко выбирали хлеб.

На исходе пятых суток бойцы загрузили мешки продуктами: каждый взял четыре котелка сахара, четыре головки сыра, два килограмма топленого масла, столько же селедки, десять пачек махорки, десять коробков спичек, шесть кусков мыла, семь пачек чая, несколько военных котелков разной крупы. Почему именно такой расклад, не знаю. Но это подтверждено в нескольких докладных. То ли так удобнее нести – тяжелый груз вперемежку с легким, то ли, если отстанет кто, чтобы был автономно обеспечен всем необходимым.

Опись с остатками продуктов была передана командиру отряда. И так каждый раз. Группы за продовольствием ходили разные. Поход за продуктами – это отдых.

Завхозами продовольственных баз назначались ответственные бойцы. Завхозом базы руководящего партийного центра на погосте Сонки вначале был Ф. И. Пушкин – в мирное время он возглавлял в районе райуполнаркомзаг. Затем его выдвинули на новую работу. А завхозом утвердили на бюро райкома М. Ф. Островского – учителя Селижаровской средней школы № 1, в послевоенные годы работавшего здесь директором.

Но на базы каждый день не набегаешься. А расход питания – каждодневен. Часто продукты убывали быстрее, чем боеприпасы. Ходить за ними приходилось по бездорожью, часто лесом. Да и не безопасно. Одну из продовольственных баз на границе Выжлятниковского и Тверского сельсоветов выдал немцам их прихвостень, одиночник Д. П. Шашенков. Как он узнал о расположении базы – загадка.

Поэтому часть продовольственного бремени легла на местных жителей. Кто-то делился с партизанами последним, у кого-то приходилось продукты реквизировать. При этом партизаны выдавали символические расписки, обещающая компенсацию после войны. Забрать же продовольствие у пособников фашистов считалось обычным и даже нужным делом.

Но и на этом проблемы не кончались. Зерно надо размолоть, из муки выпечь хлеб. Выпекать его приходилось в дальних деревнях. Хлеб – основа питания. Мне рассказывали, как в Западновинском районе одна из деревень в течение дня переходила из рук партизан к немцам и обратно. А причина была в том, что в деревне в это время выпекался партизанский хлеб. И партизаны не отдали деревню, пока не испеклись несколько десятков буханок хлеба.

А в более отдаленных районах области, где немцы были два года, партизаны засеивали зерном отдельные удален-

ные поля, охраняли их и урожаем убирали под охраной.

Был и другой способ. Местных жителей партизаны обязывали сдавать им зерно – по 50-70 килограммов с гектара. Или вводили заготовки по нормам госпоставок довоенного времени.

Местное население снабжало партизан также одеждой, обувью. В деревнях были мастерские по ремонту того и другого. Лозунг “Все для фронта, все для Победы” давал право партизанам применять силовое воздействие. Воспринималось это, конечно, не везде однозначно. Мне не раз приходилось слышать в деревнях района жалобы на действия партизан. Но кто-то же должен был их кормить!

Не просто было и с жильем. На базах долго не задерживались. Да и не везде были землянки с печным отоплением. Отдушиной были переходы за линию фронта на стыках воинских частей. Но и там не засиживались. Как правило, военное командование торопило партизан обратно, в тыл врага.

Часто ночевали в деревнях. Правда, это было небезопасно для хозяев. Партизаны уходили, а хозяева оставались. Хорошо, если никто не выдаст. Оккупанты жестоко расправлялись со всеми, кто помогал партизанам, даже жильем. В немецких прокламациях было записано: “пособники партизан подлежат смертной казни, а их жилища – уничтожению”. Так сейчас уничтожают жилища палестинских террористов. Немцы проводили карательные меры – “зачистки”, облавы, стремясь лишить партизан связи с местным населением, снабжения их продуктами, жильем. Впрочем, этим занимаются на всех войнах – американцы в Ираке и Афганистане, мы – в Чечне. Только не так жестоко, как немцы.

Были проблемы у партизан и с материальным обеспечением. Недооценка его проявилась еще в Постановлении ЦК ВКП(б) “Об организации борьбы в тылу германских войск”, где не было ничего сказано об обеспечении партизан необходимыми средствами. Зато в избытке были ди-

рективные указания, которыми склад или мост не взорвешь. Эта ошибка была сделана еще раньше, в директиве Центрального штаба партизанского движения. Там было записано, что “централизованное снабжение партизан не только затруднительно, но и нецелесообразно, потому что будет поощрять этим беззаботность в отрядах”. Партизанским отрядам предлагалось обеспечить себя всем необходимым за счет противника. “Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и другого снаряжения, должны добыть все это в бою”. Поскольку эта установка исходила от Сталина, то в Центральном штабе партизанского движения с ней молча соглашались, хотя многие понимали, что она неверна, а точнее, даже вредна, снижает эффективность партизанских действий, ведет к огромным людским потерям. Не ставилась же такая задача перед наступающими войсками, хотя у них возможности были неизмеримо выше.

Но если в начальный период войны еще можно было часть оружия собрать на местах сражений, починить его, запастись остатками боеприпасов, что и делали селижаровские партизаны, то с приходом зимы эти возможности резко сократились. Да и что можно было собрать? Автомат, винтовку, в крайнем случае, пулемет, но только не минно-взрывные средства. А они-то нужны были в первую очередь. Я уже не говорю о радиосвязи. Потери партизан, как показала практика, в первые месяцы войны были огромны. Конечно, не было еще опыта партизанской войны. И потери эти, как правило, происходили в открытом бою – в засадах, при налетах, во время облав. При нападении на обозы, даже отдельные автомашины, не говоря уж о колоннах, партизаны встречали яростное сопротивление, которое нередко приводило к большим людским потерям.

Можно ли этого было избежать? Конечно, да. Но для этого нужны были подрывные средства. Проще установить на дороге мину и взорвать автомашину с солдатами, чем напасть на нее из кустов, причем часто – с обычными вин-

товками. Статистика свидетельствует, что при минной войне потери были минимальные, а часто их вообще не было. В архивах я не нашел ни одного свидетельства минной войны селижаровскими партизанами, хотя она давала бесспорные преимущества. Не вступая с противником в прямое соприкосновение, можно было наносить ему большой ущерб.

Можно предположить, что у партизан не было специалистов-подрывников, если вспомнить, что еще до оккупации им обещали, но так и не прислали инструктора по взрывному делу. Понятно, что нам сегодня просто рассуждать, ссылаясь на минную войну в Чечне, Ираке, Афганистане... Но ведь мог бы руководящий партизанский центр района, который находился за линией фронта, скажем, организовать краткосрочные курсы подрывников и направлять эти группы к партизанам. А взрывчатку, наверное, могли бы позаимствовать и в войсках, не так уж ее много надо было. И ставить мины было где – на дорогах Селижарово – Ржев, Селижарово – Андреаполь, по которым шел поток военных грузов, живой силы, техники. Дороги эти почти не охранялись, разве что были под обычным присмотром немцев, когда на отдельные участки выгоняли местное население для расчистки от снега.

В подтверждение сказанному о преимуществах минной войны, сошлюсь на свидетельство одного из руководителей Центрального партизанского штаба и Наркомата путей сообщения. По их данным, за время войны наша авиация сбросила на железные дороги, эксплуатировавшиеся противником, около 100 тысяч тонн авиабомб. В результате этих авианалетов противнику был нанесен урон в десять раз меньший, чем это сделали партизаны, израсходовавшие всего одну тысячу тонн взрывчатки. А если бы у партизан имелось достаточно взрывчатки? Ущерб был бы несравненно больше. Ошибки совершали не только партизаны, но и те, кто ими руководил.

*Орешков Павел Михайлович, Колесников Игнат Тимофеевич,
Батасов Александр Иванович (после финской войны)*

*Батасов Александр Иванович
(1941 г.)*

*Батасов Александр Иванович
(1945 г.)*

*Молодежь деревни Выжлятниково
(до Великой Отечественной войны)*

*Командир отряда
Ветковский Иван Николаевич*

*Райкомовские работники (до Великой Отечественной войны).
В первом ряду вторая справа — Серафима Кирсанова*

Автобиография

д. Славова, Локотского, Серафима, Васильева, родился в 1920 году в Тверской губернии, Вяткичской уезду, Вяткичской волости, д. Филиппово в семье крестьянина - середняка. Родители занимались сельским хозяйством до и после революции. Мать умерла в 1939 году, отец умер в 1942 году.

Получил среднюю школу репрессии по неудачам.

В 1928 году пошла учиться в Филипповскую начальную школу окончила в 1932 году.

В 1933 году поступила учиться в Селижаровскую среднюю школу в 1937 году окончила 8 классов учиться дальше не могла вследствие болезни отца. С 1938 года пошла работать поступила учиться счетовода вострашиновской в Райфо проработав 6 месяцев уволила по сокращению штата.

В 1938 в августе месяце поступила работать в Районную контору в.м.д в 1939 году также уволилась по собственному желанию и перешла

Глава тринадцатая

Особняком действовал партизанский отряд Алексея Волкова в Шуваевском и Выжлятниковском сельсоветах. Он оказался лишенным тех немногих, хотя и существенных преимуществ, что имели другие отряды. Он не был утвержден на бюро райкома партии, не получил оружия, продовольствия, словом, того минимума, что имели другие. Почему так получилось? О нем не знали вплоть до ... боевых действий, потому что формировался он необычным путем, собирал его один человек, по крайней мере, на первых порах, – Алексей Волков. Инициатива шла не сверху, как у других, а снизу, собиралось маленькое ополчение из сугубо гражданских людей. Решение создать партизанский отряд появилось, когда стало понятно, что немцы могут занять район, когда другие отряды уже заложили продовольственные базы, осваивали оружие, тренировались для ведения лесных боев. Это были патриоты, которым никто не мог запретить защищать Родину, свою землю, родных.

... По ночам через Шуваево шли санитарные поезда. Пассажирских вагонов почти не было, сплошной товарняк. Иногда, чуть притормаживая на станции, пробирались эшелоны с промышленным оборудованием на платформах. Шли, не останавливаясь, осторожно, напряжись, как перед броском. Но однажды остановка произошла. На закате солнца немцы бомбили станцию, повредили пути.

Два друга, Волков и Акимов, прибежали к замершему эшелону. Обоим военкомат в просьбе защищать Родину отказал по причине болезни. Из вагонов доносились стоны. Одна из дверей, заскрежетав, отодвинулась, и в проеме показался солдат с забинтованной рукой. Увидев Волкова и Акимова, позвал их:

– Братцы, скрутите сигарку, не привык еще одной рукой...

Алексей оторвал клочок газеты, насыпал из кисета махорки, дал прикурить.

– Где это мы? – спросил солдат.

– В Шуваеве, скоро будет Селижарово... А вы откуда?

– Из-под Смоленска.

– Ну, а как там?

– Тяжело, ребята, – солдат оглянулся, – но бить фашиста можно, на целый месяц остановили. А вы что здесь?

– Нам бы винтовку...

– С этим у нас, как с махоркой, напряженка. Отобрали после ранения. Так что зря ищите. Нарветесь на краснопогонников, будут проблемы. Да и зачем вам?

– Помочь вам хотим, – уклончиво ответил Волков.

Солдат затянулся, помолчав, сказал:

– Ну, это дело святое, лесов да болот у вас много, не то, что у нас на Орловщине.

Паровоз трижды свистнул, дернулся, застучав тарелками. А Волков и Акимов, потоптавшись, отправились по домам.

– Ну, что я тебе говорил, – после долгого раздумья подал голос Акимов. – Надо искать в другом месте.

– Где?

– Не знаю, может быть, пойти в военкомат.

– Мы там уже были. Толку что.

Вот уже больше недели ребята морщили лбы, где бы добыть оружие. Первым подал идею создать партизанский отряд Волков. Думали о многом, но главное было – оружие.

– Поедем завтра в райком партии, – предложил Акимов, – я в газете читал, товарищ Сталин призывает создавать партизанские отряды.

Он был начитаннее, служил в конторе лесоучастка.

– А что, давай попробуем.

Утром товарняком отправились в Селижарово. В райкоме никого не было. Заглянув в одну из комнат, они увидели ворох бумаг, портрет Ворошилова в рамке на одном гвозде. Рядом на плотной бумаге плакат: “Да здравствует наша родная, непобедимая Красная Армия, могучий оплот

мирного труда народов СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции!”.

– Вы к кому, ребята? – тихо подошел к ним человек лет под сорок с оттопыренными ушами.

– Мы из Шуваева, – зарделся Волков, – нам бы оружие.

– Я – Кубышкин, – представился человек, – секретарь райкома. Пошли ко мне.

В большой комнате с длинным столом висел портрет Сталина. Кубышкин опустился за стол с черным телефоном, еще раз оглядел ребят:

– Опоздали вы. Все разъехались по своим зонам. Куда, сказать не могу. А партизанить – дело нужное. Только трудно будет.

– Трудностей мы не боимся.

– Тогда держайте, возможно, свидимся и поможем.

С этим ребята и отправились к станции.

– Только время потеряли, – сплюнул Акимов.

– А может быть, и нет, – возразил Волков, – мы ж получили благословение.

– Тогда начнем завтра.

– Можем и сегодня. Давай зайдем к Ахмаеву, коммунисту, он живет где-то рядом с Дубровками. Посоветуемся.

А. А. Ахмаев состоял в парторганизации при Волжанском сельском Совете. Создавал колхозы, был агитатором. Ребят он знал, встретил как старых знакомых. Разговор был долгим, доверительным. Он одобрил идею ребят. Посоветовал, где можно создать место стоянки отряда. Над предложением войти в отряд обещал подумать.

На другой день Волков и Акимов обошли всех знакомых. Набралось одиннадцать человек. Всем им Волков назначил встречу в лесу через день.

– Приходите с топорами, лопатами, пилами, ну, и, конечно, с оружием, у кого есть, – напутствовал их Волков, – да не забудьте про еду.

У Волкова и Акимова, оба они были охотники, было

два ружья, одностволки шестнадцатого калибра, по десятку патронов к ним, заряженных картечью. Три ружья принесли другие.

Базу решили строить у Черного ручья, впадающего в Дубенку, рядом с тремя болотами – Доровским, Пушником и Чистиком, это место было труднодоступным и слыло в народе окаянным. Выбрали сухое место, закопались, заложили блиндаж или землянку, как лучше назвать, не знаю. Дело стало за печкой и дверью. Печка-буржуйка нашлась у одного из партизан на чердаке. А дверь – в деревне Дор, в заброшенном амбаре. В землянке стало теплее, ночью в октябре было уже холодно. Вода была рядом, дрова тоже. Правда, с дровами пришлось повозиться, запасали только сухие ольховые. От них нет дыма, как от березы или ели.

Лет 10 назад недалеко от того места братья Лебедевы, бывшие жители Холма, показали мне убежище в виде вигвама на несколько человек, сделанное Леонидом Смирновым, тоже из Холма, бывшим в то время не в ладах с милицией. Сосны 8-10 сантиметров толщиной были плотно пригнаны друг к другу. В центре было кострище, дым выходил вверх, в круглый прогал. Лежбище застлано толстым слоем мха. Было сухо и уютно. Смогаться при костре можно. Но партизаны выбрали другой вид убежища, более надежный при холоде.

Запасли и продукты: картошку, домашние огурцы и грибы, даже капусту квашеную. Хлеб пекли в Холму и Дору. Надеялись, что могут многим поживиться у немцев.

Но сделать это оказалось непросто. Однажды бойцы наблюдали за дорогой в конце октября. Немцы шли потоком. Автомшины, мотоциклы, грузные лошади тащили накрытые фуры. Молодые, более горячие, подзуживали Волкова обстрелять немцев из кустов.

– Нет, ребяташки, – охладил их пыл Волков, – сейчас напасть – погубить отряд. Много ли мы можем с ружьями. Пусть они успокоятся, будут одиночные разезды. Вот тогда и поохотимся. И оружие добудем.

Случай такой скоро представился. Трое немцев гнали десяток коров по дороге. Местами дорога проходила по лесу. В олешнике да бредняке укрыться было трудно, листва опала. А вот под пологом хвойных деревьев это сделать несравненно легче. Но этого делать не пришлось. Одна из коров неожиданно рванулась к лесу. Фриц за ней. Двое стерегут остальных. И вот уже корова со сбитым рогом несется прямо на партизан. Фриц за ней. До него уже не более сорока метров – верный ружейный выстрел. За плечами болтается желанная винтовка, на боку – металлический термосок. Когда корова проشمгнула между бойцов, раздались несколько выстрелов. Немец упал на кромке поля и леса. Первая маленькая операция с захватом желанной винтовки прошла успешно. А корову нашли, и как потом Волков писал в докладной Кубышкину, использовали ее на питание.

Кто ищет – тот находит. Это как в лесу, за грибами. Иногда кажется, зря идешь, обходишь одинокие деревья или лезешь в непролазную чащу. Нет там ничего. А оглянись – стоит боровик, или спрятались в траве рыжики. Не было зряшных вылазок, выходов в деревни, разговоров с людьми.

Как-то партизанам сообщили, что в одной из глухих деревень часто бывают окруженцы. Бойцы сделали “засадку”. В течение нескольких дней они встретили двенадцать окруженцев. Их вывели к линии фронта. Воевать в отряде все отказались. Рядом фронт. Оружием тоже не пришлось поживиться. Не все сами имели винтовки. И все-таки бойцы продолжали ждать. И однажды им повезло. На них вышла группа из пятнадцати человек. Все с оружием, хорошо экипированы. Несли одного раненого. Разговорились. Оказалось, парашютисты возвращались с задания.

– Лейтенант, – взмолился Волков, – помогите оружием. У вас у всех автоматы, а до линии фронта всего двадцать километров. Мы проведем вас, а вы нам дайте оружие.

– Ишь чего захотел, – улыбался лейтенант, – ну, да ладно, так и быть, подарим вам автомат раненого и парабеллум немецкий.

Торги состоялись. Все были довольны.

А тут еще удача. Встреча с отрядом Шапарева. Отряду Волкова шапаревцы подарили четыре винтовки с запасом патронов.

– Вы бы еще с вилами пошли на фашиста, – смеялись шапаревцы.

– Ну, ребята, остальное добудем сами, – повеселел Волков.

И отряд ушел к большаку. В первом же бою было уничтожено семь повозок, убито несколько сопровождающих. Наконец все бойцы отряда имели винтовки и автоматы. Можно делать дела и посерьезнее.

Теперь отряд чуть ли не каждый день ходил на дорогу Шуваево – Мишаково, к Фалькову, Ходулину...

Как-то на дороге показался грузовик. В кузове ежились от холода не меньше десятка фрицев. При первых же выстрелах из кабины бросился к канаве офицер. Волков срезал его очередью из подаренного парашютистами автомата.

– Мой, мой, – вскочил он на ноги, не в силах удержать радость победы.

– Ложись, – услышав он голос Акимова, который всегда был рядом с ним, – убьют дурака.

Добыча была действительно серьезной: один офицер и несколько солдат. Так в отряде появились немецкие автоматы, еще винтовки, гранаты, продукты... Почти у каждого немца в термоске были консервы, бутерброды, а то и шнапс...

Но везло не всегда. И к этому надо быть готовым. Удача – штука капризная. Однажды партизаны зашли в отдаленную от большака деревню. Их накормили. Они разомлели и попросили истопить баньку.

Пока бойцы парились, гогоча и нежась под березовым

веником, Акимов, как это было всегда, проводил беседу с жителями деревни. А Волков пошел сторожить, надеясь, что потом помоется вместе с Акимовым. Неожиданно из леса показалась колонна немцев. Держать оборону было делом зряшным. И немцев намного больше, и партизаны не готовы к бою. Да и привыкли они не обороняться, а нападать из засад. Волков бросился к беседующим, где собралась вся деревня.

— Немцы, в огород, — вскочил он в дом, где распаренные партизаны пили чай.

Партизан, как ветром сдуло. А жителям потом пришлось вместе со старостой, который был своим человеком, доказывать, что партизаны согнали их в один дом и грозили расстрелять, якобы, за связь с немцами. В тот раз поверили. Но так было не всегда.

Иногда тайком приходил Ахмаев. Его уже не уговаривали в отряд, понимая, что он больше нужен в деревнях, поддерживать веру жителей в победу. Этот отчаянный человек ходил по деревням, и где можно, собирал народ, где нельзя — проводил индивидуальные беседы под боком у фашистов. Хотя ясно было, что долго это не продлится, недоброжелатели у Советской власти были и в этом сельсовете.

Так и случилось. Донос врагу на А. А. Ахмаева сделали трое: А. А. Тарасова из Волкова, из зажиточных единоличников; Анна Преображенская — из кулацкой семьи, муж которой был лишенцем, тоже из Волкова, и М. М. Смирнов — кустарь-единоличник из Артюхов. Заметим, среди них не было ни одного колхозника. Знали о беседах с колхозниками и старосты Г. Л. Логинов из Дубровок, В. Преображенский из Плющева, Н. Р. Принцев из Горниц. Но сдержались — не донесли. Предатели, все трое, с приходом наших войск были немедленно арестованы. Судьба Ахмаева мне неизвестна. Возможно, об этом человеке расскажут родственники, которые живут в Дубровках и в одной из близлежащих деревень.

А отряд Волкова продолжал действовать до полного освобождения района. Кроме многочисленных повозок с немцами, а лошади были главной тягловой силой между деревнями в стороне от большака, было уничтожено и несколько автомашин. Отряд выходил и на дорогу с автомобильным движением. Только в ноябре, как докладывал Волков через Шапарева в партизанской центр, было сделано восемь вылазок. И каждая заканчивалась боем, потерями для фашистов. А однажды отряд напал из засады на маршевую роту врага. Потери немцев неизвестны, потому что бой был скоротечным, и десятку бойцов трудно было противостоять целой роте. Но они были. Бойцам пришлось отступить, скрыться в лесной глуши. Но к этому и сводилась тактика партизан: внезапно напасть и так же внезапно скрыться.

Однажды ранним январским утром часовой разбудил партизан.

— Мужики, между Селищем и Шуваевом какой-то гул, похож на артиллерийские выстрелы.

Партизаны, кто в чем был, выскочили из землянки. Небо озарялось яркими вспышками, стоял сплошной мощный гул канонады.

— Братцы, так это ж наши пошли в наступление, — чуть не плача обнимал Волков партизан. — Дождались.

Завтрак был как никогда коротким. Набив вещмешки боеприпасами, партизаны двинулись навстречу канонаде. В том, что наши прорвут фашистскую оборону, сомнений ни у кого не было. Партизаны шли навстречу врагу. Каждый по-своему представлял скорую победу. Ускорить ее, помочь нашим войскам, в этом и был смысл их последнего похода.

Глава четырнадцатая

Патриоты и предатели. Чем объяснить, что люди, жившие в одной среде, нередко соседи, долгие годы делавшие одно дело, связанные подчас родственными узами, встретили приход врага по-разному. Одни уходили в партизаны, чтобы драться с врагом, а если это не удалось, то саботировали, как могли, внедряемый новый порядок, не боялись говорить правду, которая укрепляла в людях веру в Советскую власть, победу.

Другие встречали врага чуть ли не хлебом-солью, с первых дней оккупации добровольно помогали ему, подчас ценой жизни своих односельчан, заигрывали с фашистами, выдавая тех, с кем еще вчера ели-пили за одним столом.

Причем по разные стороны баррикад сходились люди, которые, должны бы по логике поступить наоборот. Руководитель, обласканный властью, сознательно шел служить врагу, а рядовой колхозник, даже единоличник, у которого было немало обид на власть, защищал ее. Чувство верности Родине брало верх над личными амбициями, обидами.

Конечно, во многих случаях сказывалась социальная подоплека: бывший кулак грезил себя будущим хозяином новой жизни, неприязнь к руководителям превращалась в месть своей Отчизне, зависть, нереализованные амбиции толкали на преступления, измену. Желание выжить любой ценой делало слабых людей предателями. Общество разделилось на две неравные части. Большинство не отшатнулось от Советской власти, верило в возврат прежнего уклада жизни. Но и отщепенцев, перерожденцев, предателей было немало. Война – грязная штука. Хороших людей делает лучше и чище, плохих – подлее и грязнее.

Мы не одиноки в предательстве. История знает примеры, когда на сторону врага переходили целые народы. Мировая статистика свидетельствует: предательству подвержено десять процентов населения оккупированных территорий. Причины предательства разные, от дрожи за жизнь

до генных. На практике активными, действующими открыто предателями становятся три процента населения. Семь из десяти процентов делают это, или во всяком случае стремятся предательствовать скрытно, остерегаясь за свою шкуру. Втихаря они могут заложить и соседа, даже родственника. А тайный враг, как известно, хуже явного. От открывшего свое лицо предателя можно ждать предполагаемых действий. А это иногда можно предугадать, упредить. Тайного предателя вычислить непросто, и его действия могут застать врасплох.

Патриотов по статистике намного больше. Не менее двадцати процентов людей готовы бороться с врагом до самопожертвования. Остальные семьдесят процентов – эта масса, подверженная влиянию, за которую надо бороться. Масса затаившаяся, нередко выжидающая – кто кого. Кому поверит – за тем и пойдет. Это понимали и фашисты. И делали все, чтобы оболгать Советскую власть, действия Красной Армии на фронте, обещали щедрые посулы тем, кто будет помогать немцам, то есть встанет на путь предательства. Некоторые клюнули на эту удочку.

Надо отдать дань таким мужественным людям, как коммунист Ахмаев из Волжанского сельсовета, председатель колхоза “Земледелец”, агитатор Акимов из отряда Волкова, многим другим партизанским агитаторам, коммунистам, оставленным райкомом в тылу врага, за смелость, за то, что постоянно несли правдивое слово населению оккупированного района, населению, которое всеми неправдами пыталась оболванить фашистская пропаганда.

Значение правдивого слова понимали и в армии. Заместитель начальника политотдела 3-й ударной армии полковой комиссар Титов в политдонесении начальнику политуправления Калининского фронта просил выделить хотя бы один самолет для распространения листовок среди оккупированного населения области. И хотя с авиацией была большая проблема, самолет выделили. Тысячи жителей калининских сел тайком подбирали эти небольшие ли-

стки со словами правды.

Пенсионерка Мария Смирнова, бывшая жительница Плющева, вспоминает: “Листовка, подобранная с самолета в конце декабря 1941 года о том, что Калинин освобожден, была лучшим подарком к Новому году”.

При каждом удобном случае партизаны, многократно переходившие линию фронта на стыках воинских частей, непременно приносили с собой сотни листовок, свежие газеты, находили для них место в набитых вещмешках. Сами знакомились с ними, передавали партизанским агитаторам. А те несли свежие правдивые вести населению. Правдивое слово, словно на перекладных, разносилось по деревням. Подчас слово это было важнее партизанского выстрела из засады. Весточка из другого мира вдохновляла людей, укрепляла веру в победу, надежду на скорое освобождение. Неуютно чувствовали себя при чтении листовок лишь те, кто предал своих земляков, понимая, что при изгоне врага им пощады не будет. И еще изощреннее делали свое подлое дело.

Можно назвать пофамильно почти всех. В моем блокноте их не одна сотня. Правда, в этом списке много старост. Обычно немцы назначали старостами мужчин. Известен лишь один случай, когда старостой стала женщина. Но бывало, что стать старостами вызывались сами, некоторые даже гордились этим поначалу. Прозорливые же люди стремились всеми правдами и неправдами откредитоваться от этой должности. А если не удавалось, то нередко помогали партизанам. Кто сознательно, а кто, страхуясь, предполагая снисхождение с приходом наших. Немцы требовали от старост постоянного снабжения армии мясом, зерном, сеном, различными продуктами. Некоторым приходилось ловчить, например, забирать скотину в тех семьях, где не было малолетних. Но надо признать, что это вроде бы благое дело у наших не всегда оценивалось должным образом. И стоило пострадавшему заявить на старосту после освобождения района, как его забирали.

Так в Холму Михаилу Яковлеву не засчиталось, что он носил в лес партизанам хлеб. А вот за отобранную корову взяли навсегда. Возвращались после отсидки лишь единицы. Некоторые бежали с немцами, как Г. А. Можаяев из деревни Хорево Шуваевского сельсовета, А. Я. Смирнов из Будаевского сельсовета.

Были и такие, кто шел служить врагу сознательно, иногда даже брал оружие против односельчан. Например, А. А. Быстров из деревни Холопово Ананкинского сельсовета оборонялся с немцами против красноармейцев и партизанского отряда Ветковского. Но был взят и расстрелян партизанами.

Сегодня нам уже не узнать, какие обиды нанесла Советская власть жителям деревни Парамоновка Тверского сельсовета А. Т. Веселовой и А. Н. Борулиной. Зато известно: обе они вышли на большак встречать немцев. А оступившись раз, не удержались и дальше, указывали врагу, у кого и что можно отобрать — имущество, хлеб... Константин Попов из этого же сельсовета пошел дальше, он ездил с немцами по деревням и указывал, у кого чем можно поживиться, как собака-ищейка находил схроны с имуществом, зерном, картофелем... Перепадало от награбленного и ему. Гонорар за услуги. Больше десяти лет копил гнев В. Н. Панов из Максимкова. И дождался своего часа. Правда, не надолго. Он обратился к немцам за помощью отобрать свои столы и стулья у односельчан. Помнил о них с раскулачивания. А отобрав, в благодарность, выдал врагу агронома. В первые же дни прихода немцев прибежали к ним Куприян Никитин и А. П. Вортиховская, услужливо показали заминированную нашими дорогу. Но, пожалуй, всех по своей жестокости превзошел В. В. Виноградов. Он выдал немцам председателя и секретаря сельсовета, учителя, инспектора райфо. Но и на этом не успокоился. Попросил немцев всех расстрелять при нем. За свои подлые услуги он получил должность старшины.

Расстрелян был и колхозник А. О. Иванов, за то, что

показал дорогу партизанам. Предала его жительница деревни Максимково А. А. Пыжикова. В тридцатых годах у этой семьи был небольшой кирпичный завод.

На службу к немцам переходили и целыми семьями. Так в Ольховском сельсовете немцы нашли себе опору в семье Алексеевых. Отец Арсений, два сына Петр и Вениамин, а также их мать Степанида рьяно отстаивали интересы оккупантов, вели дезорганизаторскую работу среди населения.

Гостеприимно встречали в доме немцев Н. И. Гуркин и его сын А. Н. Гуркин в Азародне. Старший Гуркин постоянно гнал для немцев самогон, был у оккупантов агентом по сбору шерсти, шкур скота, продуктов питания.

Сделав свое подлое дело, предатели, как правило, мародерствовали в доме жертвы. Так в Талицком сельсовете, выдав немцам семью партизана Андреева, которая по каким-то причинам не эвакуировалась, А. Г. Григорьев и И. Ф. Шорников выгребли из дома все до последней нитки, не говоря уже о хлебе, картофеле. Правда, предупрежденная семья успела уйти из дома вовремя, до прихода немцев.

В первый же месяц оккупации, в октябре, в Шуваевском сельсовете по доносу предателей расстреляны рабочий Смирнов из Юшина, колхозница Е. С. Новикова из Мишкова. В декабре к ним прибавились колхозник Е. П. Белухов из Козакова и колхозник Н. Д. Смирнов из деревни Пашутино. Расстреливали без суда и следствия, для этого достаточно было одного доноса.

Зверствовали фашисты и в других сельсоветах района. Особенно выбивали руководителей и коммунистов. В Пустошкинском сельсовете расстреляли М. А. Хохлова — председателя сельпо, И. И. Иванова — директора сырзавода.

Кто-то сделал донос на счетовода колхоза “Новый путь” Выжлятниковского сельсовета из деревни Фальково Ивана Васильевича Веселова. Он был коммунистом. Из-за

инвалидности от рождения не смог эвакуироваться. Его доставили в штаб в деревне Пустошка. Разговор был коротким: “Коммунисты подлежат расстрелу”. Так бы и случилось, но за Веселова вступился дед Никита Егорович Егоров, в его доме располагался штаб. Он упал на колени перед немцами, объяснил, что инвалид не представляет никакой опасности для них. После издевательств Веселова отпустили домой. Это единственный случай в районе, по крайней мере, известный мне, когда не сотрудничавшего с немцами не расстреляли. С освобождением района Веселов продолжал счетоводить в колхозе почти до семидесятых годов. Мне дважды пришлось встречаться с ним. Об эпизоде с освобождением он не любил вспоминать.

До оккупации в районной парторганизации было 418 коммунистов. 84 коммуниста воевали в партизанских отрядах. 269 райком перед оккупацией отпустил, направил в районы области, не занятые немцами. Восемь коммунистов, все они руководители, бежали за пределы района. Позднее они были исключены из партии. 57 коммунистов – 24 члена ВКП(б) и 33 кандидата – остались на оккупированной территории. Часть из них была оставлена райкомом. Четверо расстреляны немцами. Один коммунист, председатель колхоза Матрена Беляева сжилась с немцами. С ними и ушла, прихватив с собой стадо коров. Об этом позднее я расскажу подробнее.

После изгнания немцев из района райком провел своеобразную ревизию поведения коммунистов на оккупированной территории. Выдержали ее 49 коммунистов.

До войны в районе было 254 колхоза. Возглавляли их 225 мужчин и 29 женщин. Основная масса руководителей была беспартийной – 229 человек. Перед оккупацией 20 руководителей эвакуировались в тыл, 7 ушли в Красную Армию, 9 – в партизанские отряды. Таким образом, большая часть руководителей колхозов осталась на оккупированной территории – 186 человек, из них 27 женщин. Вели себя они по-разному: 69 председателей работали при нем-

цах старшинами и старостами. Активно помогали немцам три руководителя, не будучи старостами. Некоторые, напротив, активно помогали партизанам. За связь с ними был расстрелян коммунист, депутат райсовета, председатель колхоза “Победа труда” Пустошкинского сельсовета, он же староста Иван Степанович Абрамов.

С приходом наших 49 председателей колхозов были арестованы. 22 направлены в Красную Армию. В ходе райкомовской ревизии на работе оставлены 30 человек, из них 22 мужчины и 8 женщин.

Без внимания органов НКВД не осталось ни одного пособника фашистов. Практически все старшины и старосты были арестованы, осуждены. Вернулись домой единицы. Но и после этого за ними оставалось клеймо “немецкий прихвостень”.

Народ помнит все и воздает каждому по заслугам. И нет большего зла, чем предатель.

Глава пятнадцатая

...Над Селижаровом занималось хмурое осеннее утро. Кубышкин пришел в райком затемно, чтобы еще раз проверить, все ли готово к отъезду. Зажег керосиновую лампу, прошел по пустым кабинетам. Кругом валялись какие-то бумаги, сломанные стулья, пол заляпан грязью. Пустота в каждом углу. Ничего не оставили врагу. А еще несколько дней назад здесь была суэта, райкомовцы паковали документы, выносили мебель, спорили, что нужно вывозить в первую очередь. Он зашел в свой кабинет, еще недавно такой строгий и обжитой, закурил, уставясь в одну точку. Уже завтра, да нет, даже сегодня предстоит начинать новую жизнь. Попервоначально думали эвакуироваться в Есиновический район, но потом, когда продвижение немцев замедлилось и поверили в надежность укреплении Осташков – Ржев по левому берегу Волги, решили остановиться в Дягилеве – предпоследней деревне района.

Дверь открылась, и в кабинет вошел второй секретарь райкома Снегирев:

– Все готово к отъезду, командир, – сказал он тихо.

Кубышкин поднял глаза, – так его назвали впервые. Снегирев как бы напоминал, что прежняя жизнь кончилась, начинается новая, неизвестная. Да, партизанить никому из них еще не приходилось. Об этом знали только теоретически, по книгам, да смотрели какой-то художественный фильм. Специальной, закрытой литературы не было. Правда в последний месяц ребята из отрядов кое-чему научились на тренировках. Но как это мало, тренировки с условным противником. Кубышкин встал, еще раз оглядел кабинет, сказал:

– Готово, так поехали...

Они вышли на улицу. На правом берегу Волги еще дымились спаленные огнем дома. Сожгли сами, чтобы не достались врагу, зимой каждый дом – убежище. В воздухе пахло гарью и прелой листвой. Рядом стояла полуторка,

нагруженная мешками, бумагами, стульями... У кабины устроились несколько райкомовских девушек. К ним жалась секретарь райкома Кондрашов и завроно Тарараев. За Волгой раздавались артиллерийские выстрелы, здание райкома вздрагивало, в одном из окон негромко позванивало разбитое стекло.

– А Пликин где? – спросил Кубышкин, садясь в машину.

– Он выедет через полчаса, – сказал кто-то из кузова.

На Пликина, младшего лейтенанта госбезопасности, и Сорокина, старшего лейтенанта, Кубышкин возлагал большие надежды: военные имели дело с оружием, да и учили ж их чему-то на курсах.

На улицах поселка было пустынно. Пока ехали, встретили лишь несколько прохожих, бредущих неизвестно куда и зачем одиноко и вяло. Подумалось: “Будто на кладбище”. Но на дороге за поселком было оживленнее, беженцы с раннего утра уже в движении: шли с детьми, несли узлы, некоторые вели животных, рядом понуро бежали собаки, недобро смотрели на людей в машине.

За обочиной кое-где виднелись помятые неубранные хлеба, на картофельном поле несколько женщин и детей собирали клубни: то ли местные, то ли беженцы.

“Не все убрали, – подумал с горечью, – не все сделали, да и как все сделать; мужчины – на фронте, женщины – на окопах. Далеко не выполнили и директиву: деревни сжечь, население и скот – в неоккупированные районы. Правда большую часть скота и всю технику перегнали в восточные районы области и даже дальше. А теперь вот сами бежим”. Кубышкин вздрогнул от этой мысли, оглянувшись на шофера, не вслух ли он сказал. Нет, шофер спокойно крутил баранку.

А мысли текли и текли. “В людях, оставшихся с ним, уверен. Ну, а кто сбежал, как прокурор Бакалягин, председатель райпотребсоюза Образцов... разберемся. Шкуры свои спасают, не о Родине думают. В общем партизанском отряде почти сто человек. И почти все коммунисты. В мир-

ное время – надежные люди. Ну, а сейчас покажет дело. Вся милиция, восемнадцать человек, вошла в партизанский отряд. Правда, поначалу планировали отряд численностью двести человек. Столько и винтовок получили. Но когда дошло до дела, немало оказалось нытиков и паникеров”.

Пока добирались до Дягилева, несколько раз буксовали. Машину встретили Панов, Пушкин, Островский и еще несколько членов партийно-партизанского центра района. В просторной избе было тепло, вкусно пахло кислыми щами. Пообедали, точнее поужинали, приехали-то под вечер.

– А где разместятся девушки? – поинтересовался Кубышкин.

– Неподалеку, – доложил секретарь по кадрам Кондрашов, – нашли незанятую избу.

Кубышкин посмотрел в масляные глаза секретаря, подумал: “Больно ты, как и Тарараев, охоч до женщин, не помешает ли это делу. До войны оба имели замечания по партийной линии за эту любовь к женскому полу”.

Подшли Пликин с Сорокиным, рассказали, что два партизанских отряда из четырех находятся на занятой немцами территории, а два отряда – 45 человек, расположились в деревнях Мещагино и Олисово. Намекнули: пора им перебираться в тыл к немцам.

– Пора, – согласился Кубышкин, – пусть командиры завтра придут в центр.

Выяснилось: на случай необходимости для партизанских отрядов есть договоренность о размещении их в деревнях Кашенцево, Отсташево и Житищи.

Утром два командира отрядов были у Кубышкина. Он долго объяснял им обстановку в районе, ставил задачи, призывал поскорее отправиться в тыл врага. Пликин и Сорокин переглядывались: “Сразу видно, командир – штатский”.

Потом убеждали Кубышкина – надо не уговаривать, а отдавать приказы. И делать это четко и конкретно.

– Научусь, – отшучивался Кубышкин.

Но как показало время, этому он так и не научился. Он

был хорошим руководителем в мирное время, каждый более-менее серьезный вопрос выносил на заседание бюро райкома ВКП(б). Так он пытался руководить и в военное время. Через месяц на заседание бюро райкома по его указанию выносились по-прежнему даже бытовые вопросы. Так на заседание бюро райкома от 19 декабря 1941 года был вынесен вопрос: “О поведении члена ВКП(б) Тарараева А. Ф.” В решении записано: “Тарараев, будучи женатым, ведет недостойный коммуниста образ жизни в быту, сожительствует с другой женщиной (называется фамилия женщины – Ю. Б.). Он разлагающе действует на бойцов партизанского отряда. За распущенность, недисциплинированность Тарараеву объявить выговор с занесением в личное дело”.

Примерно такая же формулировка записана в решении бюро и в адрес Кондрашова, который жил с многолетней женщиной, утверждая, что он спас ее детей от голодной смерти. Как записано в решении: “Такое поведение Тарараева, Кондрашова и Веселова вызвало справедливое возмущение среди коллектива коммунистов. В результате снизился политико-моральный уровень бойцов и боеспособность партизанских отрядов”.

В конце концов было решено и записано в постановлении бюро: “Пребывание женщин при руководящем центре не вызывается деловыми соображениями”. Но было ли выполнено это решение – неизвестно, больше к этому вопросу не возвращались.

Возможно, все это было действительно важно, снижало политико-моральный уровень бойцов. Но жизнь есть жизнь, ее не остановишь. Сколько каждый из нас видел фильмов, читал книг о похожих историях, случавшихся в действовавшей армии. Среди бойцов гуляло даже выражение – походно-полевая жена, так кажется.

Гораздо важнее другое. На одном из бюро райкома было признано, что “допущен ряд ошибок в руководстве партизанскими отрядами. Слабо осуществляется конкретное руководство”. А вот это уже существенно.

Действительно, руководящий партийно-партизанский центр не разработал ни одной серьезной операции, тем более совместной. В результате каждый отряд был предоставлен сам себе, проводил локальные операции без должной проработки и отправлял донесения в руководящий центр, где все это только фиксировалось, не давалось должной оценки, не рассматривались допущенные просчеты и ошибки. А ведь в партизанских отрядах, в руководстве ими, преобладали люди без специальной подготовки, представители партийного и хозяйственного актива района. А они, как и в мирное время, нуждались в постоянном руководстве, ожидали “разбора полетов”. Но этого не было. Руководящий центр почти не касался вопросов организации действий отрядов, руководства. В результате: что ни отряд, то своя теория ведения боев с оккупантами, своя тактика. Руководящий центр не стал военно-оперативным органом партизанских отрядов района, не разрабатывал военных операций, не обобщал опыт лучших, не посылал членов центра в отряды. Партизаны время от времени переходили линию фронта и появлялись перед Кубышкиным как снег на голову. Главная задача партизанских отрядов – дезорганизация тыла противника, а также диверсионная работа на коммуникациях. Если первая задача худо-бедно выполнялась, то вторая – совершенно нет. А для этого руководящему центру и требовалось-то всего ничего, подготовить подрывников и снабдить их минами. Но и этого не было сделано.

Об ошибках в руководстве отрядами начальнику 4-го отдела УНКВД подполковнику Здорнову и начальнику управления госбезопасности по Калининской области майору Токареву постоянно докладывал один из бойцов при руководящем центре. В конце концов гиря дошла до полу и в центр был прислан “ревизор”, младший лейтенант госбезопасности. Он обнаружил эти и другие ошибки. Результатом этой ревизии была докладная начальника управления НКВД первому секретарю Калининского обкома ВКП(б) Бойцову.

Не знаю, эта докладная или что другое сыграло свою роль, но в одном из последних донесений руководящего центра стояло: командир – Сорокин, комиссар – Кубышкин.

Пассивность в руководстве обцим отрядом не могла не сказаться на действиях отрядов, взаимоотношениях их руководителей.

Однажды Ветковский, командир отряда в Ананкинском сельсовете, узнал от бойцов, что его заместитель Потапов, директор Черногрязского льнозавода, за его спиной ведет “разлагающие разговоры”, высказывается против посылки людей на рискованные операции. Вспоминает при этом о неудаче при поджоге деревни Борисово, где были расквартированы немцы. “Зачем поджигать дома спичками, когда это можно сделать зажигательными пулями, снарядами, – убеждал он партизан. – Да и вообще партизанская война – это мышьяная возня. Для сражений армия есть. Как только немцы укоренятся в районе, конец партизанщине”.

У Ветковского состоялся острый разговор со своим заместителем.

– А что, я не прав? – вспыхнул Потапов. – Неужели патроны дороже людей? За каждого убитого немца приходится платить кровью партизан, да и мирных жителей.

– Идет война, война насмерть, кто кого, – сдерживая ярость, говорил Ветковский, – и не мы ее начали. Да, война – это каждодневная смерть. И мы ведем смертельную борьбу вот за этот лес, этот воздух, землю, наши семьи и наше будущее. И всем понятнo, видимо, кроме тебя, что без жертв не обойтись. Просто все свалить на Красную Армию. Ты попробуй вот здесь, на этой земле, где полно фрицев, воевать. Нет у нас ни зажигательных патронов, ни мин, да и многого другого нет – тех же лыж, маскхалатов... Ну, так что же, сидеть и ждать, забиться в берлогу и дожидаться, пока наши придут. А ведь они спросят, что ты, Потапов, здоровый мужик, коммунист, делал в тылу врага.

– Да у меня винтовка со ржавым затвором, стреляет через раз, – не сдавался Потапов.

– Так добудь в бою. Посмотри, почти у всех уже автоматы, и их не на дороге подобрала.

– А по мне лучше где-нибудь затаиться, убить одного-двух немцев и довольно.

Этот разговор почти дословно списан с протокола.

Ветковский мог принять крутые меры. Но ограничился полумерами. Потапова разжаловали в рядовые. И стали за ним присматривать. Ветковский предполагал, при таком настроении, таких разговорах может кто-нибудь и запаниковать. А это смерти подобно.

Знал командир и о других грехах своего бывшего заместителя. Как-то, пользуясь отсутствием Ветковского, он взял с партизанской базы семь мешков муки, отвез на лошади в какую-то деревню, где находились жена и двое сыновей. Когда комиссар узнал об этом, дело чуть не дошло до оружия. Потапов не выполнил решение бюро райкома партии об эвакуации семьи, обрек ее на смертельную опасность. Судьба близких Потапова неизвестна. После изгнания фашистов из района бюро райкома в феврале 1942 года исключило его из партии. Дело о хищении муки с партизанской базы передали в судебно-следственные органы. Больше архивных данных о Потапове я не нашел.

Не всегда выполнялись и постановления бюро райкома. Например, после партийного взыскания было записано: откомандировать в отряды Тарараева и Веселова. Выполнили ли это решение Веселов, не знаю. А вот Тарараев точно не отправился к партизанам. Об этом свидетельствует справка, подписанная Кубышкиным и выданная для каких-то целей Тарараеву в феврале 1942 года. В ней записано: “Тарараев состоял в партизанском отряде с 14 ноября 1941 года по 1 февраля 1942 года, но в тылу врага не действовал”. Вот так.

В том же постановлении записано: предложить Кубышкину устранить отмеченные недостатки. Но многие из них так и не были устранены.

Глава шестнадцатая

Заканчивалась первая неделя ноября. Еще недавно это было самое горячее время в жизни Цветкова, председателя поселкового Совета. Каждый день – рабочие собрания, посвященные очередной годовщине Октября, подведение итогов соревнования. А надо было и украсить кумачом улицы, колонны демонстрантов, подготовить праздничный концерт... На митингах захватывало дух от выступлений, от единения общей массы, от ликования товарищей по партии, праздничности, выплеснувшейся на улицы...

А после праздников Цветков брал несколько дней отгула и вместе с приятелями отправлялся по чернотропу за зайцами. Что за чудо время! Стоишь под деревом на просеке, сжимая ружье, и слушаешь, как музыку, приближающийся горячий смычок наседающих на зайца гончих. И вот он мелькнул между берез. Руки сами вскидывают ружье, приклад плотно вжимается в плечо... И в доли секунды, почти не целясь, посылаешь заряд дроби в этот стремительный беловатый комочек. Опоздал или промазал, снова мчишься наперерез гончим, уже стонущим на втором круге от охотничьей страсти. Адреналин играет в крови и возбуждаешься, словно гончая. И вот он, заветный трофей, в руках, носятся, прыгая, собаки... Воспоминаний, разговору потом на целый год.

Дрожь азарта прошла по телу Цветкова. Он нервно поднялся с березового лежака, прошелся по крохотной землянке.

– Мужики, послезавтра годовщина Октября, надо бы отметить.

– Отметим, непременно отметим, – подал голос из угла Шапарев.

Видно было, что и он раздумывает, как это сделать лучше.

– Ну, вы пока думайте, а мы сходим на большак в разведку. Может быть, и поохотимся. Не возражаешь, командир?

– Не возражаю, комиссар, – сразу согласился Шапарев.
– А с кем пойдешь?

– С охотниками, Киселевым и Беляевым, – расправил усы Цветков.

К большаку шли лесом, не остерегаясь. Нудный осенний дождь кончился вчера. Северо-западный ветер из гнилого прибалтийского угла смещался к востоку. За ночь чуть приморозило. Голый лес шуршал листвой под ногами. Шли мимо хуторов, держа курс на Кукушкино. В одном месте наткнулись на заросли орешника. Под опавшей листвой было полно несобранных орехов. Ими набили карманы.

– Словно кабаны набуруздили, – пошутил Беляев, глядя на круги вокруг орешника.

Выпавшие из кожуры орехи, крупные и ядреные, отвлекали бойцов от мыслей.

– Зайдем к Никите Егоровичу, – наконец слохватился Цветков. – Дед разумный и предан Советской власти.

Дом Егорова выделялся своей основательностью, ухоженностью. Сразу видно, рубил его мастер. Рядом, чуть поменьше, стоял и дом сына, Семена.

Встретил партизан Никита Егорович без удивления, как старых знакомых. И хотя было ему под 80, рука была крепкой, взгляд острый. (Прожил он 102 года. – Ю. Б.)

– Ты что, Егорыч, так камуфляжно вырядился, – спросил Цветков, глядя на подшитые кожей и войлоком валенки, шитый-перешитый полушубок. – Немцев встречать, что ль?

– Ты угадал, Гаврилыч, – подтрунивая сам над собой, ответил дед. – Почти век прожил, а хитрости не научился. На днях немцы обязали сено вести в Мальцево. Со всех деревень набралось почти тридцать подвод. Воинская часть там у них, а кормить лошадей, видно, нечем. Ну, вот и я, старый дурак запряг лучшую колхозную кобылку, чтоб поскорей домой вернуться. Понравилась кобылка-то, даже ихний ветеринар смотрел. Словом, отобрали. А взамен да-

ли вон ту шмару со сбитыми плечами, – дед показал на беспрерывно жующую кобыленку с испуганными глазами. Вот лечу, Бог даст, выправится. Так вот теперь берегу и валенки с шубой, как бы тоже не отобрали. А домой из Мальцева вернулся только на другой день. И то, слава Богу, добрался.

Партизаны поохотывали над обмишурившимся дедом.

– Ну, а поохотиться-то у тебя есть на кого? – спросил Цветков.

– А как же, есть на кого, Гаврилыч, – поняв партизан, ответил старик, – вот только перед вами двое в куцых шинелишках проехали на мотоцикле в сторону Ранцева: один за рулем, другой – за пулеметом.

– Жаль, не успели, – отвечали партизаны.

Пожевав губами, дед вспомнил:

– А поутру двое на подводе проехали в Ключки, должно быть, фуражиры.

– Вот это нам подходит, – обрадовались партизаны, – значит, будет охота.

И они, свернув с большака, направились в Ключки. Поразмыслив, решили искать немцев у старосты. В деревне у плотины громоздились штабеля дров, леса, которые то ли заготовили летом, то ли остались с прошлого года. На пустой улице не было ни души. Лишь у дома Саши Полякова стояла привязанная к палисаднику лошадь. Прислушавшись, партизаны слышали в избе чужую речь. Двое ворвались через незапертую дверь, третий остался на улице.

В избе за столом сидели два немца и наворачивали деревенские щи. Партизаны выстрелили почти сразу. Немцы сползли на пол, не успев схватить оружие. Рядом стоял перепуганный хозяин.

– Ну, понравились фрицам щи? – усмехаясь, спросил его Цветков.

– Наверное, – испуганно проронил тот, показывая на почти пустые блюда. – Садитесь и вы, перекусите!

– Обойдемся, – ответил Цветков, разглядывая немцев.

— А винтовки мы реквизируем. А ты, чтоб худо не было, сообщи фрицам.

Забрав винтовки с патронами, партизаны вышли из дома. За ними засеменил в Пустошку и Поляков. Через пару часов в деревню примчались немцы. Один фуражир был мертвый, второй оказался тяжелораненым. Его отправили в лазарет. Шуму было на всю округу.

А партизаны под вечер добрались в лагерь. Рассказали об “охоте”, о том, что движение на большаке есть и поохотиться можно еще.

Надо отдать должное немцам, потерь они не прощали. На другой день, ранним хмурым утром, рота фрицев проследовала в сторону партизанского лагеря. То ли кто выдал, то ли были разведанные. Только, когда рассвело, находились они в трех километрах от партизан. Шапарев в то утро тоже вывел свой отряд и взял курс на большак. Встреча произошла неожиданно.

Откуда Шапареву было знать, что для всех видов вооруженных сил Германии в штабе фюрера были разработаны контрпартизанские действия, так называемое руководство, инструкции по борьбе против партизан на Востоке. Эти инструкции в ходе войны дважды пересматривались, совершенствовались, видимо, были недостаточно действенными, ведь партизаны постоянно находили новые способы борьбы с врагом.

В этих инструкциях говорилось о постоянно возрастающей угрозе со стороны партизан, рекомендовались новые методы боевых действий, включая управление войсками, ведение разведки, окружение, преследование, использование специальных ягдкоманд¹, а также военно-воздушных сил, организацию связи в боевых действиях, обращение с населением, пособниками партизан...

Боевые действия против партизан, записано в инструкции, это прежде всего вопрос руководства. Успех этих

¹ Ягдкоманда (от нем. jagd) — диверсионно-разведывательная команда

действий зависит от нашего превосходства. Борьба против партизан требует тесного взаимодействия между военными властями, представителями рейхсфюрера СС и гражданскими властями. При проведении любых мероприятий нужно учитывать все, что на данный момент известно о дислокации и действиях партизанских отрядов.

Вот какое внимание уделяли немцы действиям партизан. Инструкции писались на самом верху, в штабе Гитлера, тщательно выполнялись на местах. Партизаны даже не догадывались о таком внимании к ним.

Основным методом действий против партизан и в то же время как утверждалось, самым действенным, считалось окружение и уничтожение партизан посредством внезапной атаки с последующим преследованием. Против появившихся отрядов следовало предпринимать немедленные меры. В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать немецким войскам. Против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры. Промедление и бездеятельность дают партизанам время обосноваться и увеличить свои силы. Достижение внезапности в бою с партизанами является важным тактическим требованием. Как свидетельствует опыт, у партизан сложилось мнение, что на них редко могут напасть в плохую погоду или в условиях бездорожья. Поэтому они считают, что немецкие войска избегают проникать в глубь болот и лесных чащ. Каждый командир, который в условиях плохой погоды и труднопроходимой местности предпринимает против партизан какие-то действия, как правило, может рассчитывать застигнуть их врасплох.

Все немецкие войска, в том числе тыловые, технические и охранные части, должны быть всегда готовы вести боевые действия против партизан. Борьбу с ними следует рассматривать как "действия в особых условиях". В лице партизан войска имеют дело с врагом, чья тактика во многих отношениях отличается от тактики регулярных войск. Его хитрости, злобности и жестокости необходимо проти-

вопоставить высокую бдительность, решительность и суровость. В борьбе с партизанами эти качества значат больше, чем многое другое.

Особое место в инструкции уделялось наступлению в лесу. Войска должны уметь вести бой и преследовать партизан в лесах, зарослях и в болотистой местности. Наименьшим подразделением, которое может самостоятельно действовать в этих условиях, является рота.

Борьбу против партизан предписывалось вести и в ночных условиях. Во время боевых действий даже в плохую погоду на труднопроходимой местности войска должны проводить ночь там, где этого требуют задачи боя. Часто наблюдаемое стремление ночевать в населенных пунктах следует пресекать всеми средствами, поскольку в таких случаях территория уступается противнику.

В борьбе с партизанами самое лучшее оружие то, которое можно быстро изготовить к бою. Личное огнестрельное оружие, автоматические карабины, автоматы, винтовки с оптическим прицелом, ручные и станковые пулеметы, легкие пехотные пушки, легкие огнеметы — вот испытанное оружие для борьбы с партизанами в лесистой и болотистой местности. Подразделения должны иметь переводчика, чтобы пленным можно было допрашивать немедленно. Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует.

Метод уничтожения партизан путем окружения нужно стараться применять во всех случаях. Применение такого метода всегда будет успешным. Основными способами кольца окружения считалось одновременное продвижение к центру всех блокирующих частей, вбивание клиньев после того, как войска заняли назначенные им рубежи, использование ударной группы, метод “охоты на куропаток”, который состоит в том, что подразделения одного участка кольца окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, остаются на

своих позициях. Атакующие силы оттесняют партизан, как куропаток, к оборонительным позициям других войск.

Это вроде нашего загона на лося или кабана. Загонщики гонят зверя на линию стрелков, которые и отстреливают животных.

...Как всегда, впереди отряда партизан шла разведка из нескольких человек, позади – боевое охранение. Дорогу Захаряты – Холм, промерзшую, но еще не заснеженную, перешли спокойно. Было видно, как над деревней струился печной дым. Вышли на белошкинскую дорогу, проходившую через огромный луг, не меньше километра в длину и шириной метров 300-400. На этом лугу колхоз “Светлый путь” накашивал сотни тонн сена. И сегодня этот уже заросший луг оставляет внушительное впечатление. Неожиданно подбежали разведчики, доложили, что на другом конце луга появились солдаты. Через несколько минут уже стало видно, как группа солдат, примерно взвод, рассредоточившись, цепью через семь-восемь метров друг от друга стала обходить луг слева. Другая часть начала втягиваться в лес справа. Остальные, человек сорок, заняли цепью весь луг. Первый взвод уже начал переправляться через Дубенку, видимо, ему была поставлена задача обойти Захаряты и выйти на дорогу Мальцево – Фальково. Второй взвод через лес направился к болоту, единственному месту отступления партизан. Кто из них стрелки “куропаток”, кто загонщики – определить было трудно.

Шапарев с Цветковым, наконец, приняли решение: ввязываться в бой – дело зряшное, можно погубить отряд, немцев в несколько раз больше партизан, к тому же у них, наверняка, есть радиосвязь, они могут вызвать подмогу. До Мальцева, где стояла крупная воинская часть, всего час ходу.

Партизаны перебежками направились по старому следу. Надо было успеть быстрее немцев добраться до болота, а потом перейти его к Дору. Иначе немцы на кромке болота встретят партизан.

Оставив боевое охранение из нескольких бойцов с

ручным пулеметом, партизаны лихорадочно искали тропы через Черный ручей и болото. Кто-то сооружал кладки через ручей, кто-то выламывал длинные шесты. Неожиданно со стороны боевого охранения заработал пулемет, раздались автоматные очереди, резкие винтовочные выстрелы. Отряд начал переправу. Через четверть часа, когда ручей переходили последние партизаны, стрельба закончилась, показалось боевое охранение. Одного из партизан бойцы несли на руках. Ранение оказалось серьезным – в предплечье и шею.

– Долго не сунутся, – говорили разгоряченные боем партизаны. – Уничтожили, как минимум, четверых. Есть и раненые. Немцы залегли, ждут подкрепления. Успеем переправиться.

До Дора через болото было не меньше трех километров. Немцы, правда, могли вызвать подкрепление и с другой стороны болота, из Дубровок, но это расстояние было в несколько раз больше, чем то, что предстояло пройти партизанам.

Впереди шли партизаны с шестами, то и дело меняя направление, обходя бочаги. Некоторые были в валенках. Холодная вода противно чавкала в сапогах. А время холодное. Можно и простудиться. В деревнях не отлежишься, наверняка, немцы прочешут всю округу. К тому же на руках – раненый, который стал терять сознание.

На ходу Шапарев и Цветков приняли решение: обойдя Дор, продвигаться к линии фронта, которую при благоприятных обстоятельствах можно перейти ночью. А там передать раненого в лазарет, пополнить боеприпасы и, отдохнув, снова вернуться.

Так и произошло. Вернулись через неделю. Свою базу в лесу сразу не узнали, настолько она была разграблена, сожжена.

Подобную ситуацию пережил и отряд Егорова. Он попал в окружение. Потребовалось немало усилий, чтобы выйти из него и сохранить отряд.

Глава семнадцатая

Отряд Егорова вышел к дороге Андреаполь – Селижарово на рассвете. Шли долго, полночи, благо до утра светила полная луна. Искрился на полянах снег, гулко потрескивали на морозе деревья. Иногда, когда кто-нибудь задевал кусты винтовкой, сверху сыпались комья снега за шиворот. Обжигающий холод пронзал потную спину.

Пока шли, было тепло, даже жарко. У каждого за плечами тяжелая винтовка-канадка или наша, родная трехлинейка. А у некоторых и трофейные автоматы. Лешенков, как всегда, с ручным пулеметом. Карманы оттягивали гранаты, что мешало идти. Зато в бою с ними спокойней. Каждый берег для себя не последнюю пулю, а последнюю гранату. Для них оставалось место и в разномастных мешках за спиной, где находился немудреный партизанский скарб.

Впереди, метрах в трехстах, шла разведка. Заодно и тропила дорогу. Все были в валенках, почти все – в полушубках, лишь кое-кто в телогрейках, подпоясанных ремнем. Шапки разные, от военной до деревенского треуха из зайца. В середине шагал Егоров, замыкал цепочку комиссар Смирнов, самый старший в отряде, разменявший пятый десяток. Сколько раз комиссар спасал отряд от потерь своей прозорливостью. Сам Егоров до войны служил младшим командиром в районном отделе НКВД. Только он да милиционер Фомичев были мобилизованы. Остальные партизанами стали добровольно. Тот же Лешенков – директор конторы “Заготживсырье”, учитель первой поселковой школы Поляков... Всех сблизила война, постоянное чувство опасности. Патриотизм, чувство ответственности за судьбу Родины привели всех в отряд. Здесь не армия, жесткие приказы не проходят. И ох как нужен в отряде комиссар, да еще такой, как Смирнов, умеющий заглянуть в душу, разбудить совесть, которая крепче самого строгого приказа.

– Кажись, пришли, – сказал полусшепотом кто-то, увидев впереди разведчиков.

Чаще всего в разведку ходили небольшими группами. Чтобы ликвидировать холуя-старосту или “снять” на дороге мотоциклиста, много народу не требуется. Всем отрядом отправлялись только на серьезные задания. Таков был и этот поход. Немцы, видимо, чувствовали наше скорое наступление. Всю войну они только наступали. Привыкли к этому, верили в свою силу. Думали, пауза под Москвой – это случайность, переждав зиму, снова пойдут вперед. Надо только отбить наступление русских. Для этого они повсеместно укрепляли оборону. Подтягивали войска к Селижарову.

Облюбовав место у дороги, партизаны стали устраиваться. Обтоптали снег, приготовили оружие, опустили уши шапок. Мороз не отпускал, и тепло скоро выветрилось, а потные спины стали мерзнуть. Костров не разводили, грелись табаком.

Разведчики, осторожно выйдя на дорогу, осмотрелись: ночью машины не проходили. На покрытом изморозью полотне видны вчерашние следы. Ночью немцы ездить перестали, делали это только в крайнем случае. Остерегались партизан.

Мороз усиливался. На востоке разгоралась алая заря. Лица партизан заиндевели.

– Проклятая работа, – проворчал кто-то. – Сиди и жди фашиста на морозе как дорогого гостя. Сколько живу, такого декабря не помню.

– Мороз – наш союзник, – ответил ему другой. – Говорят, в Ельцах священник в проповеди просил Господа усилить стужу. Смелый батюшка, это при немцах-то в деревне. Святой человек.

– Всякие бывают, – подал голос третий, – вон я крестил сына на дому, втихаря, так батюшка после крещения так наакался, что лег задницей к образам.

– Так ты ж коммунист, – рассмеялись партизаны.

– Жена настояла, пришлось смириться.

– Эх, сейчас бы хоть в церковь, хоть в конюшню, только бы согреться. А еще послушать бы колокольный звон на заре. Вот у нас бывало...

– Как у вас звонили, и я бы смог. Редька-хрен, редька-хрен – такую скукоту звонарь наводил, зевать хотелось. У нас другое дело, звонарь опрокинет рюмашку и пошел выделывать говядина-баранина, говядина-баранина... Бабы идут в церковь, чуть не пляшут...

Партизаны вспомнили своих близких, как-то они там в эвакуации.

– Эх, мужики, разве это заботы, – донеслось из-под елки, – вон у Лехи заботы. Когда жену отправлял, она ему на шею повисла и причитает: “Как же я, Лешенька, без тебя. Я ж больше недели без мужика не могу”.

Тут не удержались все, тихо расхохотались.

– Дураки вы, – огрызнулся парень.

– Ладно, не обижайся, – примирительно сказал комиссар. – Не у тебя одного такая беда.

За разговорами незаметно рассвело. Да и теплее, вроде, стало.

– Что-то гудит.

Прислушались. И верно, в морозном воздухе слышалось гудение. Партизаны изготавились.

– Машина или мотоцикл, – предположил Поляков. – Что будем делать, командир?

Вопрос был не случаен. Сегодня хотели поймать “большую рыбу”.

– Если мотоцикл, берем. Спрячем в лесу. Если отдельная машина, пропускаем. Будем ждать колонну.

На дороге показался мотоцикл. За рулем сидел немец, замотанный то ли в шарф, то ли в шаль. Один нос торчал. В коляске у пулемета – другой, весь съезжился от ветра. Когда мотоцикл поравнялся с партизанами, из кустов резко хлестнули две очереди. Мотоцикл круто вильнул в сторону, врезался в сугроб. Двигатель продолжал работать. Партизаны

рванулись на дорогу. Одни тащили немцев за ноги к лесу. Другие, чуть ли не на себе, волокли мотоцикл. Снег таял на горячем двигателе, паром поднимаясь вверх. Кто-то на ходу снимал ручной пулемет МГ, тащил коробки с патронами.

Не успели оттащить мотоцикл в кусты и отдышаться, как послышалось многоголосое гудение. В километре, на взгорке, показался еще мотоцикл и с десятков крытых машин.

– Если с живой силой – жарко будет, – присвистнул командир. – Второй пулемет готов?

– Только ленту заправим, – пулеметчики налаживали трофейное оружие.

– Тогда с Богом! Пехоту отсекайте от леса.

Мотоцикл и машины спустились в лощину, начали подниматься в горку. Когда несколько грузовиков приблизилось, разом ударили два пулемета, винтовки, застрекотали автоматы. Мотоцикл, круто развернувшись, застрял на одной стороне дороги, первая машина – на другой. Из машин посыпалась пехота, бросалась в снег, первые очереди просвистели над головами партизан. Остальные машины затормозили, одна загорелась. Немцы, кто ползком, а кто перебежками устремились к лесу, до которого было рукой подать. Лешенков отрезал их длинными очередями, вжимал в снег. Немецкий МГ без остановок строчил по машинам. Немцы стали накапливаться для атаки, чтобы обойти партизан. Некоторые стреляли из-под колес. Из-за машины выскочил офицер, показывая рукой на лес. С десятков солдат поднялись и устремились к кустам.

– Лешенков, отрезай их!

Офицер и несколько солдат, раскинув руки, упали в снег. Но часть солдат прорвалась. Появились первые раненые.

Неожиданно послышался новый звук – нудный, завывающий. Мины, одна за другой, плюхались то ближе, то дальше. И при каждом взрыве партизаны невольно вжимались в снег.

Через несколько минут Егоров подал команду:

– Всем отходить!

Партизаны устремились в глубь леса. Одного раненого тащили на плащ-палатке. Другой шел сам. Отход прикрывали автоматчики.

Через час остановились отдышаться.

– Ну, как, отогрелись? – спросил командир.

– Жарко стало.

– Теперь дай Бог ноги. Оторвались, кажется.

– Зимой это непросто, все на снегу видно, – усомнился командир. – Не исключено, что будут преследовать. А если есть радиостанция, могут и встретить на дороге, у речки. Надо спешить.

Еще через полтора часа быстрого хода люди устали, эйфория от боя прошла. И командир разрешил отдых.

– Завьялов, в дозор!

Боец подхватил только что снятый с мотоциклиста автомат. Отдохнув, снова двинулись вперед. Завьялова не было видно. Наткнулись на него случайно, кто-то увидел спящим под густой елью. Партизаны остановились. Комиссар подошел и взял прислоненный к дереву автомат, передал его по цепочке. Потом тронул за плечо бойца:

– Вставай!

Завьялов суматошно вскочил, начал судорожно искать оружие. Все знали, как он мечтал об автомате. Кто-то подал ему тяжелую канадскую винтовку: “Держи, вояка”. А командир, скрывая улыбку, сказал:

– Комиссар, с сегодняшнего дня в дозор только по двое.

Еще через пару часов подошли к дороге, где, как опасались, немцы могли выставить караул, устроить засаду. Случилось худшее. Через каждые 70-80 метров стояли автоматчики. Партизаны сгрудились вокруг командира.

– Придется прорываться с боем, – обвел он взглядом бойцов. – Вот только стемнеет.

Километрах в двух-трех зло залаяли собаки.

- Идут по следу, – предположили партизаны.
- Да, попали в мешок. Будем прорываться.
- А если тихонько под мостом? – предложил комиссар.
- Нынче лед крепкий.

– Это идея, – согласились сразу все.

Патрульные, сходясь, по несколько минут что-то обсуждали. Когда они закурили, партизаны, где согнувшись, где ползком по заснеженному льду, стали пробираться под мост. Здесь, скопившись, по сигналу поползли дальше. “Только бы лед не треснул”, – думали. Лед держал. Вскоре все были в кустах, недоступных для глаз патрульных. По речке продолжали путь и дальше. Вскоре злобный лай собак был уже слышен на дороге. Но стемнело, и немцы ночью не решились преследовать партизан. К полуночи партизаны были в небольшой, стоящей в стороне от дорог, деревушке. Отогревшись и перевязав раны, стали думать, куда отправиться дальше. Здесь оставаться нельзя. Завтра в деревне будут немцы. Вспомнили о лесном кордоне, километрах в двадцати. Но по заснеженной целине с двумя ранеными за ночь не добраться. Выход нашелся сам собой. Один из стариков предложил собрать оставшихся в деревне лошадей с санями и доставить партизан в нужное место.

– До утра обернемся, а следы метель заметет.

Через час была собрана колонна. Управляли лошадьми старики и подростки. Партизаны расселись по саням, и обоз тронулся. Провожать их вышла вся деревня.

Местами в темноте блукали, подсвечивали спичками, отыскивая дорогу. Находили, меняли местами лошадей, временами подталкивая сани. Когда до нужной деревни оставалось несколько километров и близок был рассвет, обоз отправили назад.

– Спасибо, народ, – сказал комиссар, – да не забудьте лошадей обсушить, они как в мыле.

– Не волнуйся, сынок, – за всех отвечал старик, предложивший партизанам лошадей, – мы крестьянское дело знаем.

– Какие люди! – говорил комиссар. – Сами рискуют, а своих спасают. Разве можно с такими не победить!

Несколько дней партизаны отдыхали в глухой деревушке. Немцы их не беспокоили. А потом были новые операции, которым предшествовала разведка.

Перед наступлением наших войск отряд перешел линию фронта. И уже назад не возвращался. Как записано в отчете, составленном Егоровым, “отряд держал оборону участка фронта у деревни Кошелево 15 дней”.

Глава восемнадцатая

По заснеженной дороге шли две девушки. Обе закутаны в старые толстые платки с кистями. Одна – в фуфайке и подшитых валенках, другая – в плюшевом жакете и холодных сапожках. За плечами обеих – полупустые мешки.

Острая боковая поземка почти сплошь перемела едва наметившуюся дорогу. Нередко девушки сбивались в этой круговерти, нащупывали дорогу ногами и медленно продолжали путь. С виду это были обычные деревенские девчата, бредущие по дорогам войны. Таких в то суровое время было много.

На самом деле это были партизанские разведчицы, осмысленно выбравшие свой путь и знавшие, куда и зачем они идут.

Считалось, что в разведке легче девушкам. На них немцы меньше обращают внимания. Так ли это на самом деле? Наверное, это правда. Почти все мужчины на фронте. Поэтому появление каждого из них вызывало подозрение. И нередко там, где мужчин задерживали, женщины проходили. Неделю назад эти же девушки, Кирсанова и Воробьева, двое суток провели на печке у деда Семена в Кукушкине и от него, местных жителей и от расквартированных в доме немцев узнали, в каких соседних деревнях стоят гарнизоны, их численность, движение вражеских войск на селижаровском тракте. Передав все это партизанам, теперь они двигались к Пустошке и Ельцам, где скопление немецких войск было более плотным. Но это и нужно партизанским разведчицам. Глухие деревни, где не было немцев, их не интересовали. Информацию можно получить в деревнях, где располагались вражеские гарнизоны. Но это всегда было связано с проблемами, возможностью провала.

Девушки были молоды, симпатичны, что привлекало к ним немцев. Они были беззащитны, с ними враги могли делать все, что хотели. Это позволяла идеология фашизма,

которая внушала чувство победителя, хозяина положения.

Их запросто могли отправить и в бордель, что организовали фашисты в Островках, под боком у Селижарова, в сосновом бору на берегах Песочни. Во многих деревнях немцы делали облавы и отправляли сюда красивых девушек от 15 до 25 лет для потехи солдатам и офицерам. Так два пьяных офицера ворвались в дом в деревне Быково Ларионовского сельсовета, изнасиловали здесь двадцатилетнюю девушку, при сопротивлении искусали ей груди и увезли в Островки. Сюда попала и родственница одного из руководителей партийного партизанского центра. И многие другие.

Деревня охранялась, как никакая другая. Сюда ежедневно приезжали солдаты и офицеры, устраивали пьяные оргии. Судьбы этих девушек были искалечены, горькая память о тех страшных днях осталась у них на всю жизнь.

Все это пугало разведчиц. Но им грозила и другая беда. Они были кандидатами в члены партии. А это верный путь к расстрелу или виселице, как случилось в Пено с Лизой Чайкиной. У селижаровцев была связь с пеновскими партизанами, они и рассказали о зверской расправе с комсомольским вожаком района. Среди партизан ходила легенда: повесив Лизу, немцы поставили рядом часового в надежде, что за телом придут партизаны. И партизаны пришли ночью, тело Лизы унесли в лес, а часового, якобы, повесили на той же перекладине.

Пробираясь в нужном направлении, девушки под вечер забрели в деревню, где до войны председательствовала член партии Матрена Беляева. Посчитали, что она примет их на ночь, обогреет и накормит. Правда, рисковали: Матрены уже могло и не быть в живых. У встретившейся старушки спросили, где живет Беляева. Спросили, почти не надеясь на положительный ответ. Каково же было их удивление, когда старушка, оглядываясь и крестясь, съязвила: “Скурвилась Матрена, муж на фронте, а она с немцем спуталась”. И плонув в сторону, показала матренину избу.

Опять опасность. Как-то встретит их Матрена? Но хотелось есть, и ночевать было негде. Да и не знали они в лицо друг друга. Решили прикинутся беженками.

Над домом Матрены весело курился, уплывая ввысь, дымок. В очищенном от снега закоулке стояли сани со свежим сеном, которое охапками на вилах, весело смеясь, носили молодая краснощекая женщина и такой же разгоряченный работой солдат.

Девушки несмело подошли к калитке, привычным, плаксивым голосом попросили милостыню. Матрена, вся румяная от мороза и работы, неспешно подошла, оглядывая незнакомок.

– Откуда вы, девки? И куда идете?

– Из Селижарова мы, там работали до войны, – помявшись, как можно правдоподобнее ответили девушки. – А теперь какая работа, да и немцы пристают, вот и идем домой.

И девушки назвали дальнюю деревню, где, якобы, живут родители. Да и время к ночи, ходить опасно.

– И где же работали? – поинтересовалась хозяйка.

– В райпо, на базе, овощи перебирали.

– И документы при вас?

– Какие документы, когда начальник драпанул перед приходом немцев. Даже не рассчитали.

– А зовут-то как вашего начальника?

– Образцов Иван Григорьевич, чтоб ему...

– Да, был такой. Так, говорите, драпанул? А мужик был видный, строгий.

– Толку-то что...

– Вилли, ты сено один уберешь? – улыбаясь немцу, спросила Матрена.

– Да, да, конечно, – махнул рукой Вилли.

– Пойдемте, девки, в дом, покормлю вас, – позвала Матрена.

Девушки стряхнули голичком снег, зашли в дом. Прошли с разрешения хозяйки в переднюю комнату. На стене

висел автомат, на комодке улыбался с фотографии Вилли в новом мундире. Рядом, исполненные величия, бравый мужчина в строгом костюме и миловидная женщина. Видимо, родители. Пахло одеколоном и сигаретами.

Матрена загремела в печи чугунами. Достала с полки две тарелки и налила в них горячий, наваристый суп. Тут же появились тушеная картошка с мясом и соленые огурцы. Чуть подумав, наклонилась к небольшой тумбочке и достала початую бутылку.

– Давайте выпьем, девки, да потолкуем про наше бабье житье. А то и словом обмолвиться не с кем, деревенские в глаза заискивают, а за глаза ненавидят. Того не разумеют, что я все колхозное стадо сохранила. Правда, кому оно теперь достанется? А, ладно, выпьем, это Вилли принес шнапс.

С морозу да без обеда девушки сразу зарумянились.

– Оставайтесь, девки, ночевать, – неожиданно предложила Матрена.

– А Вилли? – испуганно разом отозвались девушки.

– Да его не будет, каждую ночь уходит партизан ловить.

– Ну, и как? – вырвалось у девушек.

– Да никак!

Это было для разведчиц новостью. Партизаны думали, что ночью только они воюют. Бытовало мнение, что немцы ночи боятся. Об этом надо было срочно сообщить в отряд.

Вскоре пришел Вилли. Вымыл руки под умывальником, сел рядом с Матреной, обнял ее за плечи, прижал к себе. Матрена не отстранялась.

Наконец, обратил внимание на девушек:

– Куда фрау идут?

– Домой, в деревню, к родителям...

– А, домой, на хаус... Это карошо.

– За два месяца научился говорить по-нашенски, – с гордостью посмотрела на Вилли Матрена, – а я по-ихнему пока не умею.

Вилли улыбнулся:

– Не боги горшки обжигают...

Вилли не спеша поел, натянул на себя шинель, портупею, закинул за плечи автомат. Достал с полки пилотку. Матрена рванулась к вешалке, достала заячий трех:

– Замерзнешь, ночи холодные.

– Да, ночью калът, – согласился Вилли и натянул на голову теплую шапку.

– До свидания, милые девушки, ауфвидерзеен. Я есть ночной сторож, как у вас говорят.

Вилли ушел. А Матрена налила всем еще по рюмке.

– Ой, девки, не знаю, что и делать: радоваться или плакать. Пять лет замужем, каждый месяц ждала, что забеременею. И все пусто. А тут сразу понесла. Вилли говорит, зимовать будут здесь, а весной немецкая армия пойдет на Москву от Ржева и со стороны Вологды – Ярославля, с севера. Возьмут Москву в кольцо. И правда, как тут устоять, когда такая силища прет! Не знаю, что будет? А за зиму, говорит, расправятся с партизанами, чтоб весной не мешали. Побаиваются их.

Девушки слушали Матрену, раскрыв рты. От нее за вечер узнали, сколько немцев в округе, какая у них техника, как после победы собираются переустраивать жизнь в деревне.

– Вилли обещал привезти сюда родителей, тогда и пригодится колхозное стадо коров. У него огромные планы переустройства деревни. Здесь будет немецкое поместье.

– А он собирается жениться?

– Да, говорит, что любит.

– Ну а как все это произошло, – робко спросили девушки, – силой?

– Нет, девки. Такого я не знала с мужем. Где-то он теперь? Да и жив ли? А началось все просто. Поехала я за сеном, одонки за рекой еще с мужем метали. А привезти времени не было. Муж – на фронт. А на мне – целый колхоз. Приезжаю, а мне на постой трех немцев староста при-

вел. Двое сразу: “Матка, яйки, млеко”. А я им говорю, чтобы было “млеко”, надо сначала сено разгрузить, корову накормить. А Вилли – сразу за вилы. Потом узнала, что он вырос на хуторе, отец – бауэр, крестьянин по-нашенски. Так и пошло-поехало. Я – на двор, и он – за мной. Я – за вилы, и он не отстает. А потом тех двух немцев на постой в другой дом перевели. И остались мы вдвоем. Ну а нам, бабам, что надо? Сами знаете: ласка да внимание. Так мы и стали жить. Ой, как подумаю, что-то будет? И своего мужика жалко, и к этому прикипела. И ребенка до слез хочется. Столько лет без толку ждала.

От Матрены девушки узнали, что в соседних деревнях есть люди лояльные к немцам, сотрудничают с ними.

“Предатели”, – чуть не вырвалось у девушек, но они быстро опомнились.

– Но большинство немцев ненавидят, хотя и боятся их. Ждут лета, чтобы уйти в лес. Оружие-то почти у каждого припрятано, – без умолку говорила Матрена. – Так идете-то куда, девки? Что-то я запомнила вашу деревню.

Девушки назвали деревню.

Матрена, как бы невзначай, сказала:

– Так это во Ржевском районе. Ой, врите вы все, девки. Вспомнила я, видела вас до войны в райкоме, на каком-то совещании. Ну, да ладно, Бог с вами. Я вам не судья.

Нехорошее чувство шевельнулось в груди у девушек.

– Но вы, девки, меня не бойтесь. Я вас не выдам. Я уж пропащая баба. Куда ни кинь – везде конец. А вас я уважаю, молодые, а уже со стержнем. Я сразу поняла, что не с базы вы, когда увидела ваши руки.

Девушки не стали отпираться, ни соглашаться. Но спали беспокойно. Под утро явился Вилли, замерзший. По его разговору с Матреной поняли: ночь прошла зря. Вилли разделся и уснул, а Матрена захопотала у печки. Выждав немного, поднялись и девушки.

– Знаете что, девки, помогите мне по хозяйству, – обратилась к своим ночлежницам Матрена. – Да оставайтесь

еще на ночь. Я с Вилли переговорила, он не возражает, и попросила его сделать вам пропуск, аусвайс, по-ихнему. С ним вы будете как у Христа за пазухой. И не бойтесь меня. Мы, русские бабы, должны помогать друг другу.

После завтрака все четверо пошли к коменданту в соседнюю деревню, где Матрена и Вилли поручились за девушек, якобы, знакомых. Обратио возвращались с синими бумажками, документами, на которых были отпечатаны фамилии девушек.

Эти синие бумажки помогали девушкам не раз, выручали их в трудные минуты встречи с немцами. Они вспоминали Матрену и ее ухажера Вилли. Они не таили зла на Матрену, на молодую деревенскую бабу, не знавшую радости материнства, запутавшуюся и растерявшуюся. Любовь сделала ее предателем, но и принесла несколько месяцев бабьего счастья. Но трагедия ее на этом не закончилась. Когда немцев погнали из района, Матрена ушла с ними, прихватив и колхозное стадо из 43 коров.

В областном архиве есть справка Селижаровского райкома партии, отправленная в обком ВКП(б), подтверждающая этот факт. На этом следы Матрены потерялись. Как сложилась ее дальнейшая судьба? Об этом мы никогда не узнаем. Не узнаем и о том, что творилось у нее на душе, когда металась она между долгом и любовью. Война – это трагедия не только страны, но и отдельных людей.

Глава девятнадцатая

До Пустошки девушки не дошли. Нужно было срочно возвращаться в отряд: передать сведения, полученные от Матрены. Особенно партизан заинтересовала весть о том, что немцы также устраивают засады по ночам. Созданы небольшие, хорошо вооруженные, мобильные отряды. Партизанам с ними пока не довелось встречаться. Но теперь надо быть начеку и ночью. А, может быть, попытаться устроить засаду на один из таких отрядов.

Передав сведения в отряд, девушки вновь собрались идти в Пустошку и Ельцы, где стояли войска 23-го пехотного корпуса. Сведения о них интересовали не столько партизан, сколько наши воинские части. Но внезапно заболела Воробьева. Ждать не было времени. Идти в разведку пришлось одной Кирсановой. Другие девушки в это время были также в разведке. И когда вернутся, и вернутся ли вообще, было неизвестно.

Сима “принарядилась” как обычно, надев на себя поношенную одежду. Придумала и легенду. Надеялась, что синяя бумажка, немецкий аусвайс, поможет и на этот раз. Поначалу, действительно, это помогало. Солдаты общевойсковых частей пропускали разведчицу. Но в одной из деревень Симу для проверки отвели в дом, где было расположено гестапо. Молодой рыжий офицер, весь увешанный значками, в нашивках, внимательно стал читать уже порядком замусоленный аусвайс. В чем-то, видимо, усомнившись, он стал советоваться с другим офицером. Потом куда-то звонил по телефону. Но связаться не удалось. Он отвел Симу в чулан и приказал ждать. Сам между тем непрерывно крутил ручку телефона. Наконец, не выдержав, куда-то вышел, должно быть, к связистам, чтобы починили связь.

Сима начала беспокоиться. В чулан заглянула хозяйка дома:

– Роденькая ты моя, сколько уж человек так задержали, кого отправили в Ельцы или Пустошку, а были и такие,

кого расстреляли, прямо на огороде, — причитала она. — Не лучше ль тебе, пока его, нехристя, нет, убежать.

— А как? — развела руками Сима.

— Уйти-то можно через сени, двор, только куда ж ты по такому снегу, да в такую лютую стужу.

— Бабушка, покажи, как убежать...

Старушка, выглянув в коридор, махнула рукой Симе и провела мимо жующей сено козы, открыла заметенную запасную дверь на огород, за которым в двухстах метрах был лес.

Сима бежала по глубокому снегу к спасительному лесу. Местами проваливалась по пояс, падала, поднималась и снова бежала. Ее холодные сапожки были полны снега, рукавички остались в чулане, и когда падала голыми руками в сугроб, снежная масса забивалась в рукава плюшевого жакета, обжигала холодом. Но вот и лес. Привалившись к дереву, она впервые оглянулась. Погони не было. Громко стучало сердце. Она слышала каждый его удар. Снова и снова проваливаясь в снег, она уходила в глубь леса. Присев на заснеженный пенёк, она сняла сапожки и вытряхнула снег. Чулки намокли, снег набивался снова. Вытряхивать его не было смысла. Хорошо бы выбраться на дорогу. Но там можно встретить немцев, а липового документа с собой не было. Так она пробиралась по снегу часа два, может быть, три. На руки еще можно подуть, запихнуть их в рукава. С ногами беда. Наконец, она увидела просвет между деревьями. Это была оканавленная дорога, которую чистили.

Не успела она выйти на дорогу, как увидела свет фар. Мимо пронеслись два мотоцикла с колясками. Возможно, искали ее. Если выйти на дорогу, на обочине останутся следы. Возвращающиеся фашисты наверняка их заметят, и тогда конец. Но и стоять смерти подобно. Сима решила: сколько может, пойдет вдоль дороги, не обнаруживая себя. Наконец, силы ее иссякли, холод сковал не только ноги, но и все тело. Она опустилась на снег, не было сил даже наломать веток, чтобы подложить под себя. Мысли были заторможенными, вялыми, отрывочными.

Как в тумане наплыли начальная школа в родной деревне Филиппово, учительница у школьной доски и за окном поле белых одуванчиков... Вдруг на этом поле появился гроб с матерью, которая звала к себе Симу, а она никак не могла подняться с парты. Потом в белом больничном халате, как перед войной, когда работала в больнице, она оказалась в кабинете Кубышкина, который строго поглядел на Симу и сказал: "Принимаем тебя, Серафима Васильевна, в партию и утверждаем инструктором райкома, надеемся, что ты оправдаешь наше доверие..."

Сима очнулась, не понимая, где она. Оглядевшись, поняла: не там, где привиделось. Что же делать? Остаться среди темных елей – верная смерть. На дороге, может быть, кто-нибудь подберет. Но это могут быть и немцы. Идти она уже не могла, поползла, упираясь в холодный, обжигающий снег. Ноги не работали. На руках выползла на дорогу и потеряла сознание. Когда очнулась, в лицо бил яркий свет. Чужие голоса едва доносились до ее слуха. Ее захихали в коляску. Негнувшиеся ноги упирались во что-то твердое, тело съехало набок. Мотоцикл рванулся, голова Симы болталась из стороны в сторону. За плечо ее поддерживал немец, сидящий позади водителя.

Вскоре мотоцикл въехал в деревню, остановился у какого-то темного здания, где стоял часовой. Двое солдат при свете фонарика внесли Симу внутрь, бросили на пол. Она заметила жавшихся по углам людей. В помещении было холодно, но не так, как в снегу. Немцы вышли, громко хлопнув дверью, погремели замком.

К Симе подползли двое, стали расспрашивать, ощупывать ее, видимо, подумав, что она ранена.

– Ноги, – едва слышно прошептала она.

Мужчины стали снимать сапоги, растирать непослушные ноги.

– Э, девонька, да ты, кажется, их отморозила...

Принесли охапку соломы, какие-то тряпки, укутали в них ноги.

Сима помаленьку оттаивала. Ее больше не мучили расспросами. В полузабытьи она уснула.

Очнулась, когда сквозь забитые досками окна стал едва пробиваться свет. Вокруг нее расположились с десяток мужчин, обросших и оборванных, в тряпье, напоминавшем шинели солдат. Она попыталась встать, но это ей не удалось, смогла только сесть. Сбросила тряпки и посмотрела на ноги. Пальцы посинели и разбухли. Слезы сами собой потекли из глаз.

— Худо дело, — только и сказал исхудавший пожилой человек, едва дотрагиваясь до растопыренных пальцев.

Дверь загремела щеколдой, распахнулась, и на пороге показался немецкий офицер в черной форме.

Найдя Симу, приказал идти за ним.

Сима показала обмороженные ноги, пытаясь подняться. Ей помогли натянуть на босые ноги сырые сапоги, приподняли с пола. Придерживаясь за стены, она, едва переступая, поковыляла к двери. На улице ее засунули в машину, куда-то повезли. Через несколько минут машина остановилась у большого дома. Начался допрос, изнурительный, долгий. Поначалу вроде бы доброжелательные, вопросы становились все жестче, злее. Предлагали добровольно рассказать, где партизанский отряд, кто им командует... Наконец, не выдержав, офицер ударил Симу, потом еще и еще... Сима говорила, что никакого отношения к партизанам не имеет, идет домой в дальнюю деревню. Она поняла, что никаких доказательств у немцев нет.

Тогда они сменили метод допроса. Говорили о том, что ей нужна срочная медицинская помощь. И они ее окажут в обмен на признание. Иначе неизбежна гангрена и смерть. А она еще такая молодая, красивая, ей жить и жить. А за услуги немецкое командование умеет платить. Так что в ее личных интересах все рассказать и как можно быстрее.

Сима стояла на своем. Тогда ее, избитую и больную, снова бросили в холодное помещение, именуемое его обитателями тюрьмой.

На другой день допрашивающий офицер пришел с военным хирургом. Тот осмотрел еще более распухшие ноги Симы, покачал головой, что-то стал говорить гестаповцу. Сима поняла, что он настаивает на немедленной ампутации пальцев. Офицер, подумав, согласился. Два санитары уложили Симу на носилки, понесли в больничку. Здесь лечились легкораненные немецкие солдаты.

Симу сразу же занесли в операционную, уложили на стол. Началась операция. Были ампутированы все десять пальцев. Хирург объяснил: еще день, и пришлось бы ампутировать ноги, а промедли – смерть. Симу оставили в больнице. Она лежала одна в крохотной комнате. Странное это чувство – как будто ноги не твои.

В больницу пришел гестаповец. Подставив стул, сел возле Симы.

– Видишь, мы заботимся о тех, кто хочет сотрудничать с нами. Мы рассчитываем на ответную благодарность.

Сима вновь повторила, что ни о каких партизанах ничего не знает.

Гестаповец недобро посмотрел на девушку. Ушел ни с чем.

А за окном была жизнь. На рябину села стайка красногрудых снегирей. Бусинками глаз смотрели они на Симу, перепархивая с ветки на ветку. На заснеженной улице гудели автомобили, проносились мотоциклы. Солдаты паковали вещи, грузили их в автомашины, спешно куда-то уезжали. Нервная обстановка была и в больнице. Раненые без конца курили, о чем-то долго переговаривались. Временами казалось, где-то далеко раздавались артиллерийские выстрелы. Она знала о контрастном наступлении наших войск под Москвой. Неужели наши войска дошли и до Селижарова? Если так, то следует ждать эвакуации госпиталя. Что делать? Эвакуироваться с немцами? Но захотят ли они брать большую девушку? Вопросов было много.

Одежда её лежала рядом на стуле. Глухой ночью она оделась и добралась до окна, где стояли сапоги. Забинто-

ванные ноги не входили в них. Каким-то чудом оказавшимся рядом ножом разрежала сапоги — сначала голенища, а потом и остальную часть. С трудом засунула внутрь забинтованные ноги. Окно, к счастью, поддалось и открылось. Так она оказалась на улице, в сугробе. Больница была на отшибе. Преодолевая боль, добралась до первой избы, постучала в окно. Открыла дверь молодая женщина, помогла войти в дом. Она же и рассказала, что немцы собираются эвакуироваться из Пустошки. Наши уже взяли Селижарово, со дня на день будут здесь. Понятно, что Симы вот-вот должны хватиться. Как ее спасти?

Женщина достала широкие мужские валенки, надела их на ноги Симе. Потом из сарая принесла самодельные большие санки. Закутав Симу в одеяло, приказала ей держаться и повезла в соседнюю деревню к верному человеку в надежде, что завтра немцам будет не до больной.

Деревня оказалась неподалеку, семья без лишних слов приютила Симу. Ее положили на печку, приказав лежать смирно.

Утром мимо дома поползли тяжело груженные фуры, за ними шли солдаты. Иногда проходили машины с прицепленными орудиями. Немцы отступали. В дом, к счастью, никто не вошел, видимо, было не до этого. Где-то уже отчетливо раздавались выстрелы орудий, минометов, слышались даже винтовочные выстрелы.

А в это время неподалеку партизаны отряда Ветковского вместе с регулярными частями вели бой за деревни Холопово, Зеленоваха... Среди немцев был и житель деревни Холопово А. А. Быстров. Увидели его партизаны, когда ворвались в деревню. Здесь же, в родной деревне, предатель и был расстрелян партизанами. “С начала войны ждал прихода немцев, — вспоминал Ветковский. — В колхозе перестал работать, жаловался на грибку”.

Немцы в Селижаровском районе были всего три месяца. И тем не менее столько было предателей. Не в одночасье же они ими стали. Значит, думали заранее, планирова-

ли сотрудничество с ними. Неужели было столько людей, недовольных Советской властью? А если бы оккупанты продержались год, два?

А Серафиму сразу же перевезли в Селижарово. Потом, с 20 января 1942 года по 28 марта 1943 года, она лечилась в московском госпитале.

В 1944 году она поступила на работу в карточное бюро счетоводом-кассиром, трудилась в районном отделе кинофикации. Потом была на пенсии, по инвалидности. Многие жители поселка, об этом я слышал не раз, помнят эту женщину с неуверенной походкой. Ее звали “Симой-партизанкой”. Последние годы она жила в Твери, у сына от второго брака.

Первый муж В. И. Кирсанов погиб на фронте в 1944 году. Замуж за него вышла в январе 1941 года. Вместе не прожили и полгода. В 1946 году вышла замуж вторично, за И. П. Суворова. Была у них дочь, которая умерла в младенчестве. А сын, Виктор Иванович Суворов, и сегодня живет в Твери на улице Трудлюбия. Работает. Дочка у него – студентка Тверского университета. Он и передал мне снимок матери и автобиографию.

– Мать не любила вспоминать плен, гестапо, сильно переживала, – рассказывает Виктор Иванович. – До последних дней переписывалась с партизанской подругой, которая жила в Москве. Переписывалась и с Кубышкиным, что осел в Искове. Поздравляли друг друга с праздниками.

Серафимы Васильевны сегодня нет среди живых. Долго ли мы будем помнить эту юную партизанку, на долю которой выпало столько трудностей?

Глава двадцатая

Перегруппировавшись, пополнив ряды живой силы и техники, да и отдышавшись после долгого отступления, наши войска от Осташкова и Селища перешли в наступление. И хотя морозы стояли лютые, враг за время передышки построил крепкие опорные пункты, как, например, в Шуваеве. И все-таки наши войска с первых же дней добились значительных успехов. Линия фронта была прорвана, и войска устремились в образовавшуюся брешь. Немцы бежали, прикрывая свой отход усиленными заслонами, как в деревне Кнутово, неподалеку от Ранцева. Казанская дивизия, наступавшая от озера Волго, за несколько дней по зимнему бездорожью прошла от Селища до Нелидова через Центральный заповедник.

Как это происходило, я читал в воспоминаниях военачальников, трудах историков, писателей, исследователей. Но вот взгляд с немецкой стороны узнал недавно. Об этом нам поведал в своих воспоминаниях “Ржев – краеугольный камень Восточного фронта” немецкий генерал, командир 206-й дивизии Хорст Гроссман.

Он пишет: “9 января последовало ожидаемое большое наступление русских из района Осташкова в брешь между группами армий “Центр” и “Север” силами русских 3-й ударной армии и 4-й ударной армии, 8 соединениями. Нападение встретил левый фланг XXIII корпуса (253-я дивизия), снабжаемого только по воздуху”.

23-й немецкий корпус – это тот самый, что в октябре 1941 года наступал из района Нелидова – Оленина на Ельцы, Селижарово, пытался прорваться к Торжку. В состав корпуса входили 102, 253 и 206 дивизии... Последней командовал автор воспоминаний.

В ходе нашего наступления эти дивизии были практически уничтожены. Как признается сам Х. Гроссман, в его дивизии осталось 2283 пехотинца. Не лучше было положение и в других дивизиях: в 102-й насчитывалось 2414, в

253-й – 2380 солдат. Немецкие генералы взмолились перед Гитлером, просили его отвести войска на так называемую “Кенигсбергскую линию”. Гитлер отклонил это предложение. Но отходить, а точнее, наверное, бежать, немцам пришлось и без приказа, оставляя в русском снегу трупы, технику, танки на узких гусеницах, которые вязли. Русским было легче, с сожалением говорит генерал, у них были моторизованные снегоочистители, у немцев – только лопаты. Но генерал не говорит, что эти лопаты немцы заставили держать в руках местное население. Мне приходилось слышать от стариков, женщин, что их под угрозой расстрела заставляли расчищать дороги.

В результате нашего мощного удара на Нелидово 23-й пехотный корпус оказался отрезанным от остальных войск западней Ржева. Еще бы усилие, и корпус, другие войска оказались бы в котле. Он и так уже снабжался по воздуху. Хлебный паек, как пишет генерал, пришлось уменьшить почти вдвое. А наше наступление велось также с севера от Ржева. Судьба Ржева в январе 1942 года была почти решена в нашу пользу. Немцы отправляли в окопы писарей, ветеринаров, легкораненых обозников – всех, кто мог держать оружие.

И если бы не наше неумение руководить войсками, наша нерешительность, наша перестраховка, наверное, Ржев был бы взят еще в январе 1942 года.

Наши танки Т-34, в отличии от немецких, имели более широкую гусеницу и намного легче преодолевали снег. А кроме того, как констатирует немецкий генерал, наступление было поддержано “сталинскими органами”, то есть “Катюшами”, которых немцы боялись панически.

Это был бы первый большой “котел”, в какой-то мере сродни сталинградскому. Но сражение под Сталинградом мы зовем битвой, а подо Ржевом – тактическими операциями в битве за Москву, где, по словам поэта Михаила Ножкина, “в три слоя солдаты России лежат”. Как свидетельствуют некоторые наши исследователи, в начале января во Ржеве практически не было войск. Это в какой-то мере под-

тверждает и Х. Гроссман, который признает, что регулярных войск во Ржеве три дня не было, его обороняли только тыловики и обозники. Этот вынужденный пробел быстро исправили, и наш шанс взять Ржев был упущен. Ржев до марта 1943 года был кровоточащей занозой в нашей обороне. Из 9 маршалов того времени четверо – А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. В. Сталин – непосредственно руководители Ржевской битвой. И это понятно: от передовой до Москвы всего-навсего 150 километров, а сосредоточено здесь солдат и офицеров нашей армии было почти в два раза больше, чем под Сталинградом. До сих пор нет однозначного взгляда на Ржевскую битву. Конечно, сделать это непросто. Надо проанализировать действия той и другой стороны. Но я верю: такой исследователь придет, должен прийти. Это был самый кровавый плацдарм за всю войну, по новым данным потери наших войск превысили один миллион человек. Вот почему обезплодела Тверская земля, все новобранцы отправлялись в ржевскую мясорубку. Вокруг сражались и гибли партизаны.

В середине января 1942 года командующий 9-й армией подо Ржевом генерал-полковник Штраус из-за болезни был освобожден от должности. Его заменил генерал-полковник Вальтер Модель. Положение войск той и другой стороны и к весне было нестабильным. Новый немецкий командующий решил проинспектировать линию обороны. Для этого он отправился на легком самолете “Аист”. Над одним из лесных массивов самолет попал под пулеметный обстрел партизан. Генерал-полковник и пилот были ранены. С трудом дотянули до аэродрома. Генерала спасли, сделав сразу же переливание крови. В конце войны, в Рурском окружении, Модель, уже генерал-фельдмаршал, застрелился.

Так кто же обстрелял самолет командующего немецкой армией? Обстрел велся в тылу немцев, из леса, на стыке нескольких районов. Кроме партизан, сделать это было некому. Ручные пулеметы были в каждом партизанском отряде. Не исключено, что это были селижаровские парти-

заны. А может быть, оленинские или нелидовские... Об этом мы никогда не узнаем. Рассказал этот эпизод генерал Хорст Гроссман в уже упоминавшейся книге. Там же он жалуется и на другое: “Заметные неприятности причиняли партизаны, уничтожая наши телефонные линии и обстреливая отдельные машины и шедшие впереди отряды”.

Другой немецкий военнослужащий, рядовой Пауль Вебер, взятый в плен, более откровенен: “Партизаны серьезно затрудняли связь фронта с базами снабжения. На каждой дороге нас ждала засада, из-за каждого куста и бугорка – партизанские пули”. Словом, партизан опасались и рядовой, и генерал.

Активно действовали партизаны в последние недели пребывания немцев в районе, во время их отступления. Отряд Ветковского вместе с регулярными войсками освобождал деревни своего Ананкинского сельсовета. Два других отряда, Шапарева и Егорова, сначала, перед нашим наступлением, держали оборону в районе деревень Кошелево и Завирье. Потом вместе с регулярными войсками брали с боем несколько деревень, в том числе соседнего района.

Когда одна из атак захлебнулась, комбат приказал связисту соединить его с командиром полка. В ожидании связи комбат, привалясь к стволу березы, свирепо дымял трофейной сигаретой, таявшей на глазах от каждой затяжки. На небритом, сиренево-бледном лице комбата отражалась борьба каких-то противоречивых чувств.

В ватной стеганой куртке, в валенках с широкими голенищами, в которых можно уместить несколько гранат, с наганом в кирзовой кобуре, он мало чем отличался от солдат.

За полгода войны, пока его взвод, рота, а теперь и батальон отступали, не раз пробиваясь из окружения, жизнь приучила комбата рассчитывать прежде всего на собственные силы. Но вот батальон рвется вперед, освобождая калининские села, а в наступлении нужен двойной перевес сил над противником. Впрочем, немцы почти всегда воевали в меньшинстве. И перевес нужен был всегда. По дан-

ным разведки, деревню обороняла рота пехоты и несколько артиллерийских расчетов. Комбат понимал: обескровленному батальону деревню с ходу не взять. Ослабевшие роты, а точнее группы солдат, сведенные из взводов, нуждались в срочном пополнении.

Вдавлив окурок в снег, комбат, покосившись на связиста, прислушался: тихо стало и у соседей. Дело складывалось так, что пора закрепиться на занятых позициях. Но, согласно приказу, деревню надо взять сегодня, неподалеку большак, по которому немцы отступают. Надо помешать этому. Вот и решил комбат просить помощи.

Связист протянул трубку комбату.

— Ну, что там у тебя, завяз по пупок? — сквозь треск услышал комбат знакомый голос командира полка.

Чувствовалось, что командир полка находится в том взволнованно-радушном состоянии, каким еще недавно упивался и комбат, подбадривая командиров рот. Но сейчас, когда наступление приостановилось, чувство реальности в оценке противника было точнее у того, кто был ближе к передовой.

— Готовимся к новой атаке, — глухо, совсем не разделяя настроения командира полка, ответил комбат.

— Помочь тебе нечем, разве что подослать два-три танка, но на это уйдет время, придут к утру, в объезд далеко.

Находившиеся рядом с комбатом командир партизанского отряда Шапарев и другие партизаны стали свидетелями этого разговора. Один из партизан вдруг встрепенулся и сказал:

— Здесь по лежневке не более пяти километров, напрямую, до войны мы лес трелевали. Могу показать.

Комбат тут же ухватился за предложение и доложил командиру полка, что через час-полтора у них будут партизаны. Они укажут короткую дорогу, через лес.

На том и порешили. Комбат повеселел, вызвал через связного командиров рот, приказал им закрепиться на всякий случай.

Партизаны на лыжах отправились в нужную деревню. Прибыла кухня, подвезли боеприпасы. Ротные старшины стали быстро раздавать кашу. Кормились по двое: пока один солдат получал кашу, другой из соседнего котла наливал в котелок на двоих чай. Каша хватило всем, даже осталось. Помощники командиров взводов объяснили старшинам: многие в расходе, других отправили в медсанбат. Солдаты и партизаны, наевшись, привалились, кто где нашел место, задымили махоркой. Табак и сахар старшины раздали на день еще утром. Санитары грузили в сани раненых. Почти на всех белели свежие, не успевшие побуреть от крови марлевые повязки. Все делалось тихо, без команд. Лишь на каменистых берегах речушки звонко гомонили родниковые струи.

Партизаны спустились к речке и, опершись о склизкие темные камни, припали к холодным прозрачным струям, бьющим из родника под берегом.

– Простудитесь, – подошел к партизанам комбат.

– Нет, мы привычные, – ответил командир, – кто волжской воды напьется да умоется, того ничего не берет.

Через пару часов в лощине, где пряталась речка, загудели танки. Мороз крепчал. Тихие струи дыма из деревенских печей поднимались круто вверх. Немцы, должно быть, решили, что атак больше не будет.

На окраине деревни видны были снежные валы, за которыми могли быть ручные пулеметы. Из березовой рощи во время атаки стреляли пушки. Минометчики выбрали место для стрельбы, быстро изготовили минометы к бою. Притащили несколько ящиков с минами.

Комбат приказал всем приготовиться к бою, включая ездовых, писарей... Выделялся боец, крупный и сильный, с пулеметом на плече, ствол которого он сжимал мощной рукой у воронки пламягасителя. Казалось, при необходимости, взявшись за ствол, он может размахивать им как палицей, разя прикладом врага налево и направо. Партизаны приглядывались к этому великану.

Комбат подошел к партизанам.

– Сделаем так, – сказал он, – батальон и два танка будут наступать обычным порядком. Когда мы, как следует ввяжемся в бой, вы с одним танком из лощины будете наступать с другой стороны, на крайний посад домов.

– Так это ж мой дом, – не выдержал партизан, проводивший танки по лежневки, – точнее, моих родителей.

– Тогда и дело в руки.

– А можно мне в танк? Фрицы и глазом не успеют моргнуть, как мы их накроем из лощины.

После небольшой минометной подготовки батальон поднялся в атаку. Вечерний морозный воздух наполнился визгливыми звуками мин, очередями наших автоматов, размеренных и четких, в отличие от немецких... Из деревни в сторону батальона понеслись знакомые оранжево-красные трассы немецких пулеметов. Танк рванулся к деревне с противоположной стороны. Мимо довоенного маяка, мимо кривых рябин, подминая изгородь огородов. Танкисты увидели, как у крайнего дома немцы спешно выкатывали легкую пушку.

Снаряд, срикошетив, ударил по башне. Водитель понимал: попасть на таком ходу сложно, а остановиться и прицелиться равносильно самоубийству. Только полный вперед...

Фашистский наводчик тоже понимал: промахнешься – это смерть. А она уже витала над теми и другими, делая выбор.

Машину тряхнуло. Стреляли почти в упор. Подмяв пушку, подбитый танк врезался в угол дома. Бревна под танком ломались, как спички.

Экипаж и партизаны очнулись от стука приклада по броне. Донесся знакомый голос комбата:

– Эй, славяне, есть кто живой? Выходи кашу доедать.

Возбужденные солдаты и партизаны толпились вокруг.

– Ну, спасибо за помощь, – благодарил комбат партизан. – Теперь вы – домой. Остальное мы и сами доделаем.

Глава двадцать первая

С наступлением наших войск дни до освобождения района были сочтены. Но кто знал, что впереди еще несколько лет войны. В оккупации было немало западных районов области, где и развернулась партизанская война против фашистов. Там действовало несколько крупных партизанских бригад. Одно время был создан даже партизанский корпус. Но крупные партизанские формирования в нашей области не оправдали себя. С крупными соединениями немцам было воевать проще. Держать оборону, контролировать целые районы, не допуская в них оккупантов, лечить раненых, кормить партизан, снабжать их боеприпасами крупным формированиям было труднее, чем выжить небольшим мобильным отрядам. Поэтому, расформировав партизанский корпус, обком партии, Центральный штаб партизанского движения продолжали увеличивать количество партизанских отрядов. Постоянно готовились кадры. В Прямухине Кувшиновского района, в Осташкове, Вышнем Волочке и в других районах проходили подготовку юные партизаны. Многие из них потом собирались в Шейно Торопецкого района, откуда координировались действия калининских, белорусских и латышских партизан. Многие новые отряды здесь же переходили линию фронта и отправлялись в Идрицкий, Себежский, Пустошкинский и другие районы. Доходили даже до Красногородского района, самого западного в области. Иногда им приходилось уходить и в белорусские леса, когда немцы проводили крупные карательные операции. Но, как правило, потом они снова возвращались на территорию Калининской области. Словом, партизанское движение требовало постоянной подпитки. И она приходила. Перед заброской в тыл молодые партизаны проходили курсы в областном центре, в Кимрах... Этого требовал обком ВКП(б) в телеграммах, как правило, за подписью секретаря Воронцова. Ответ был мгновенным. Сегодня получали телеграмму, завтра от-

правлялся ответ и вслед исполнение. Телеграммы нередко подписывались в обкоме глубокой ночью, работали практически круглые сутки. Телеграммы были краткими. Например: “23 часа. Секретарю Кировского райкома ВКП(б) Кубышкину, под вашу ответственность. Обеспечить явкой в Калинин 14 человек, участвовавших в партизанских отрядах, проявивших себя в боях, снабдив их автоматами, всем необходимым для заброски в тыл врага”.

Так были направлены в Калинин, а потом в тыл врага заведующий райфо В. В. Стрелков, счетовод колхоза “Красная звезда” А. И. Лодкин, учащийся ФЗО Д. П. Науменков, учащийся средней школы № 1 М. М. Голубев, член колхоза “Коминтерн” Д. И. Соловьев, комбайнер МТС И. М. Куров, член колхоза “Красное Пунятино” В. М. Калинин, заведующий лабораторией шахты “Кировуголь” А. С. Бережков, помощник механика этой же шахты Г. И. Капустин, заведующая Кировской МТС М. Г. Шнурова, учащийся Селищенской школы М. Г. Капустин, медсестра А. Н. Ильина, член колхоза имени Чапаева Л. И. Лебедев, строитель Г. В. Таганов.

Чуть позже отправилась в тыл врага другая группа в составе управляющего отделением “Загоскот” П. А. Лямина, председателя артели “Смычка” А. Ф. Филиппова, члена колхоза “Красный Березуг” А. Г. Блинникова, милиционеров И. Ф. Фомичева, И. В. Шалаева.

Все получили зарплату. Есть ведомость. Суммы разные. Если в первой группе почти у всех в ведомости значится 800 рублей, то во второй от 500 до 275 рублей. Милиционеры Фомичев и Шалаев оставили доверенности своим семьям на получение причитающейся им ежемесячной зарплаты.

Судьбы их мне неизвестны. Возможно, в архивах бывших западных районов и есть что-то об их партизанских действиях. Помню лишь, как покойный Алексей Иванович Лодкин, партизанивший в тех местах, рассказывал, как во время немецкой карательной операции, когда парти-

заны непрерывно маневрировали по лесам, он встретил земляка-селижаровца. У него что-то было с ногами, то ли ранен, то ли еще что... Словом, он не мог больше идти и, чтобы не быть обузой для партизан, добровольно остался с ручным пулеметом, прикрывая их отход. Больше, как говорил А. И. Лодкин, он земляка не встречал. Возможно, это был кто-то из тех, кого обком партии направил из нашего района в тот партизанский край. Но теперь спросить не у кого.

Думаю, следует назвать если не всех, то большинство селижаровских партизан, тех, чьи фамилии известны. Все дальше уходит в прошлое война, общенародный подвиг. И захотят ли новые поколения пристально взглянуть в героическое прошлое своего народа? Список этот я собирал по крупицам, наверняка он неполный. Итак, вот этот список:

Н. С. Кубышкин – руководитель партизанского руководящего центра, первый секретарь Кировского райкома ВКП(б);

М. А. Снегирев – второй секретарь РК ВКП(б);

М. М. Кондрашов – секретарь РК ВКП(б);

С. М. Панов – член бюро РК ВКП(б), председатель райисполкома;

Ф. И. Пушкин – директор конторы “Райуполнаркомзаг”;

А. А. Пликин – начальник районного отдела НКВД, младший лейтенант госбезопасности;

А. Е. Сорокин – старший лейтенант.

Эти люди входили в руководящий партизанский центр, но в тылу врага не были.

А вот те, кого называли “действующими партизанами”:

П. А. Лямин – директор конторы “Заготживсырье”;

В. Д. Поляков – преподаватель Кировской средней школы;

И. И. Дугунов – милиционер РО НКВД;

И. Ф. Фомин – милиционер РО НКВД;

В. Я. Мосягин – милиционер РО НКВД;
В. И. Иванов – милиционер РО НКВД;
И. Ф. Фомичев – милиционер РО НКВД;
П. А. Егоров – командир отдела РО НКВД, командир партизанского отряда;
П. С. Щербаков – кладовщик конторы “Заготзерно”;
И. А. Александров – председатель колхоза “Борец”;
П. А. Пылев – инспектор райфо;
И. А. Коровашкин – милиционер;
Д. П. Голубев – учащийся Кировской средней школы;
П. А. Акимов – агент комитета заготовок;
И. В. Шалаев – милиционер;
Н. Т. Цветков – заведующий конторой “Заготсено”;
С. А. Лешенков – заместитель директора конторы “Заготживсырье”;
М. А. Смирнов – участковый инспектор РО НКВД;
Н. И. Виноградов – председатель Ольховского сельсовета;
П. П. Шустров – председатель Будаевского сельсовета;
В. В. Ковалев – председатель Талицкого сельсовета;
Рассказов – председатель колхоза Талицкого сельсовета;
С. И. Лебедев – секретарь Талицкого сельсовета;
Шнуров – председатель колхоза Талицкого сельсовета;
Жарков – председатель Соколовского сельсовета;
Беляев – налоговый агент;
Васильев – председатель колхоза “Восход” Соколовского сельсовета;
И. И. Лебедев – агент комитета заготовок;
Корнев – секретарь Соколовского сельсовета;
П. М. Смирнов – заведующий базой райпотребсоюза;
А. И. Дроздов – председатель Рытовского сельсовета;
П. С. Олисов – председатель Пестовского сельсовета;
Ф. А. Русаков – налоговый агент Пестовского сельсовета;
Сабуров – колхозник (Пестовский сельсовет);
И. П. Валяев – председатель Шуваевского сельсовета;

Г. И. Капустин – помощник механик шахты “Киров-уголь”;

И. И. Бурмистров – председатель Хотошинского сельпо;

И. М. Кураев – инструктор;

А. О. Зимин – преподаватель Дубровской школы;

Д. И. Дубов – председатель Борисовского сельпо;

И. Н. Ковалев – заведующий конторой “Заготзерно”;

А. Т. Соколова – учитель Селищенской школы;

Д. И. Куров – тракторист Селижаровской МТС;

Буенков – директор райпромкомбината;

П. Бондарев – командир отряда, милиционер;

А. И. Волков – рабочий, командир отряда;

В. Е. Кутилин – агент комитета заготовок;

М. С. Кудряшов – служащий райпо;

Л. И. Лебедев – член колхоза имени Чапаева;

Н. И. Алферов – председатель Пустошкинского сельсовета;

М. М. Тихомиров – председатель колхоза Елецкого сельсовета;

М. Д. Озеров – инспектор нархозучета;

И. П. Преображенский – рабочий;

И. И. Иванов – колхозник (Ананкинский сельсовет);

А. М. Матвеев – председатель сельсовета;

И. Г. Плясунов – председатель Ларионовского сельсовета;

А. И. Смирнов – судья, комиссар отряда;

М. Ф. Островский – учитель Кировской средней школы;

П. А. Шапарев – заместитель председателя райисполкома, командир отряда;

Г. П. Цветков – председатель поселкового Совета, комиссар отряда;

Н. И. Юров – комиссар отряда;

И. Н. Ветковский – председатель Ананкинского сельсовета, командир отряда;

Ф. А. Белов – служащий нархозучета, комиссар отряда;

С. И. Шаврина – служащая райкома ВКП(б);

- С. В. Кирсанова – инструктор райкома ВКП(б);
Н. П. Воробьева – инструктор райкома ВКП(б);
К. Удалова – служащая райзо;
М. Г. Капустин – учащийся Селищенской средней школы;
- И. М. Куров – комбайнер Селижаровской МТС;
В. М. Калинин – член колхоза “Красное Пунятино”;
А. С. Бережков – заведующий лабораторией;
А. Н. Ильина – медсестра;
М. Г. Шнурова – заведующая лабораторией Кировской МТС;
- Л. И. Тихомиров – член колхоза имени Чапаева;
Г. В. Таганов – строитель;
А. Ф. Филиппов – председатель колхоза “Смычка”;
А. Г. Блинников – председатель Березугского сельсовета;
- И. Ф. Цветков – командир партизанско-диверсионной группы;
- А. Широкова – служащая;
К. Ларионова – служащая;
П. В. Беляев – председатель Выжлятниковского сельсовета;
- М. М. Соловьев – колхозник;
А. С. Шнурова – заведующая Селижаровской избой-читальней;
- М. Г. Капустина – заведующая лабораторией Селищенской МТС;
- Г. И. Ильин – помощник механика шахты “Киров-уголь”;
- Л. М. Таганов – член колхоза имени Чапаева;
И. М. Ромашов – председатель Большекошинского сельпо, командир отряда...

Есть и такие, которые не значатся в списках, но в партизанах были. Например, Е. А. Цветков, который стал партизаном во время оккупации района. В семнадцать с небольшим лет он из партизан ушел в армию. Награжден

тремя орденами, стал участником парада Победы.

не бои!

Значатся еще около трех десятков человек. Но кроме фамилий, больше ничего нет. Ни имен, ни довоенной должности, ни места проживания. Оставить их так, на мой взгляд, нельзя. Когда что-то прояснится, надо назвать и их. Все они патриоты, и в трудный час, когда решалась судьба Родины, не побоялись – бросили вызов врагу, стали партизанами. У них было немало помощников, которым было ничуть не легче. Многие из них погибли, как комсомолец Васильев в Шуваеве, председатель колхоза “Светлый путь” Беляев, директор сырзавода Иванов, председатель колхоза “Победа”, депутат райсовета Абрамов...

К сожалению, не удалось пока установить потери партизан. В докладных командиров отрядов значатся только общие слова: “один человек ранен”, “потери составили в ходе операции два партизана”. Не указаны даже фамилии девяти погибших в партизанско-диверсионной группе И. Ф. Цветкова. Совершенно неизвестны потери в отряде А. И. Волкова, действовавшего в Шуваевском и Выжлятниковском сельсоветах. Возможно, со временем удастся и это установить.

Глава двадцать вторая

...Район свободен. Не было у людей большей радости, чем свободно ходить и дышать, не вздрагивать от стука в дверь, не опускать глаза при встречах с фашистами. Хотя радость эта была на пепелищах. Но каждый верил: все возродится, заживем еще лучше. Женщины, старики, дети – все жили этой верой.

До войны, летом 1936 года, огонь от оставленного утюга спалил в Гороватке восемь домов с пристройками. Тогда казалось – нет большей беды. Оказалось – есть. 306 домов, 110 сараев, 47 бань и амбаров, сотни скотных дворов, конюшен, свинарников, гумен было сожжено оккупантами в Ананкинском сельсовете. Эти цифры Ветковский подсчитал сам, снова приступив к обязанностям председателя сельсовета, передал их в райсовет.

Но уже через несколько дней после изгнания немцев, оплакав погибших и оглядевшись, оставшиеся в живых, как муравьи, принялись за восстановление порушенного хозяйства. Застучали топоры, из полуобгоревших бревен лепили временки. Работали семьями, деревнями, надеясь, что с возвращением фронтовиков все образуется, дома будут построены еще лучше – просторнее, светлее. Одновременно восстанавливали здания правлений колхозов, сельсовета, как символы Советской власти.

А еще у председателя сельсовета болела голова о сменах, за которыми приходилось ходить пешком на станцию, о сельхозинвентаре, что откапывали в потаенных местах, о восстановлении колхозного стада. На учет была взята вся сохранный скотина, вплоть до курицы.

Не успели как следует втянуться в сев, как из райкома в начале мая 1942 года пришла телефонограмма: “И. Н. Ветковскому 10 мая прибыть на заседание бюро”. Причина выяснилась скоро, в “предбаннике” первого секретаря, где толпились недавние партизаны. И хотя враг был отброшен, по указанию обкома ВКП(б) в районе предлагалось оста-

вить партизанский отряд на случай возврата оккупантов. Набралось 104 человека. Командиром сводного отряда стал второй секретарь райкома партии Снегирев Михаил Артемьевич, член ВКП(б) с 1932 года. Комиссаром утвердили Пушкина Федора Ивановича, члена бюро райкома, председателя райуполнаркомзага.

Были также утверждены командиры четырех взводов. Одним из них вновь стал И. Н. Ветковский. Комиссар во взводе – Н. Ф. Журавлев, мастер райдоротдела. Как и прежде, взводными утвердили заместителя председателя райисполкома П. А. Шапарева, И. М. Ромашова, работавшего после оккупации председателем райпотребсоюза. А вот четвертым взводом стал командовать бывший командир отделения в партизанском отряде С. А. Лешенков, только что принятый кандидатом в члены ВКП(б), директор конторы заготовивсырье. Из комиссаров остался только Ф. А. Белов, заведующий райзо. Еще двое – партизаны В. З. Шишков, секретарь райисполкома и В. Д. Поляков, заместитель начальника политотдела МТС.

С двояким чувством слушал выступление секретаря райкома Ветковский. С одной стороны, радовало, что урок пошел впрок, как говорят, обжегшись на молоке, дуют на воду. На всякий случай готовились загодя, доктрина бить врага на чужой территории не оправдалась. На многочисленных синяках и шишках, наконец, научились трезво оценивать обстановку.

А с другой стороны, беспокоило: раз вновь воссоздадут партизанские отряды, значит, дела наши не шибко хороши. Враг силен, и просчитывался вариант его возврата. Как за всякое дело, которое ему поручали, Ветковский с крестьянской мудростью и основательностью взялся и за это, хотя партизанские дела пришлось совмещать с восстановлением порушенного хозяйства.

Но Иван Николаевич и не представлял, что скоро ему предложат новое дело – возглавить крупный партизанский отряд в составе 10-й Калининской партизанской бригады,

которая должна действовать в самом дальнем районе области – Красногородском, на границе с Латвией.

Начало бригаде, которая попервоначально называлась “На Запад”, положили в тылу врага несколько смелых и энергичных людей во главе со старшим лейтенантом Михаилом Арсентьевичем Лебедевым. Они активно действовали в Идрицком, Невельском и Себежском районах. Бригада росла, получила поддержку среди местного населения. Но была серьезная проблема – не хватало оружия: на три с лишним сотни бойцов всего два автомата, двадцать винтовок и один ручной пулемет. И тогда Лебедев и его товарищи решаются на отчаянный шаг – идти в советский тыл для вооружения бригады. И им это удалось, они вышли под Великими Луками.

Бригада формировалась до осени 1942 года – вооружилась, отсеялись больные и раненые, на их место пришли молодые. Пополнение готовилось в нескольких местах, в том числе в Прямухине Кувшиновского района. Потом была деревня Шейно Торопецкого района, где разместились штаб партизанского движения Калининского фронта, а также оперативные штабы ЦК Компартий Белоруссии, Латвии... В отряде И. Н. Ветковского были, кроме основной, еще три группы – разведка, медперсонал, хоззвезд. Такая структура, как показало время, позволяла отряду долгое время действовать самостоятельно. Отряд назвали “25 лет Октября”.

В бригаде, которой присвоили номер 10, было четыре отряда. Возглавляли их два офицера, один участвовал в советско-финской войне, другой – И. Н. Ветковский – тоже понюхал пороху в Селижаровском районе. Все командиры отрядов были молодые, до тридцати лет. Ветковскому только что исполнилось сорок. Были и другие особенности. Если в Селижарове в отряде были только местные, что, несомненно, помогало в связи с жителями, в ориентировке, в знании людей, то здесь все было незнакомо, что создавало на первых порах трудности. Мало было комму-

нистов и комсомольцев, всего два десятка человек, тогда как в Селижарове они составляли 90 процентов.

В ночь с 15 на 16 декабря 1942 года бригада в составе 358 человек (каждый нес 300 патронов, несколько гранат, белье, сухари и другие продукты питания, винтовку или автомат) перешла линию фронта по озеру Сеннице между опорными вражескими пунктами. Шли по щиколотку в воде. Через несколько суток был преодолен трехсоткилометровый путь – пешком, по бездорожью, с боями, в зимнюю стужу. Сегодня нам, живущим в мирное время, это представить трудно. Про свой район местные жители, шутя, говорили: “Город наш Красный (ныне Псковской области) стоит на реке Синея, мы люди тихие – раков боимся”. Но со временем стало ясно: они показали немцам, где раки зимуют.

Почти сразу же, 7 января, бригада приняла боевое крещение. Стало известно, что волостное управление в рождественский праздник собирает в деревне пирушку, на которую приглашены все старосты волости – 33 человека. Отряду Ветковского было поручено перекрыть дорогу, по которой немцы могли подбросить подмогу. Но ее не последовало, немцы оставили отщепенцев без помощи. Восемь старост были тут же расстреляны, остальные, получив задание партизан, были отпущены по домам.

Бригада, как и следовало ожидать, не осталась не замеченной немцами. Уже 9 января подразделение охранных войск, сплошь автоматчики, навязало бой отряду Ветковского, но, встретив упорное сопротивление, вскоре отошло. А на другой день уже более крупное подразделение открыло по партизанам сильный артиллерийский и минометный огонь. Почти весь он пришелся по отряду Ветковского. После артобстрела в атаку пошли не менее 250 гитлеровцев. Разведка тут же донесла: с другой стороны к отрядам приближается еще одна крупная вражеская часть. Ее встретил с фланга резервный партизанский отряд. Немцы по всем линиям отошли. Но в этом бою был ранен коман-

дир бригады М. А. Лебедев. Его заменил заместитель Н. М. Вараксов, который и руководил бригадой до лета 1944 года, до встречи с нашими войсками.

В соседних районах активно действовали другие калининские бригады и отряды. Партизаны стали освобождать от оккупантов многие населенные пункты, образовался так называемый “Братский партизанский край”, в который вошли шесть районов. Рядом с калининцами успешно действовали белорусские и латышские партизаны. Немцы забеспокоились, они организовали две карательные экспедиции “Заяц-беляк” и “Зимнее волшебство”. Против партизан было двинуто 20 тысяч карателей. Командовал ими генерал полиции Еккельн. Значение “Братского партизанского края”, 80 на 100 километров, было велико. Край находился на стыке трех республик, насыщен железнодорожными и шоссейными магистралями, представлял хороший плацдарм для наступления. Рядом с 10-й бригадой сражались другие калининские бригады – Марго, Бойдина, Гаврилова. Постоянные бои длились с середины января до середины марта. Одновременно с отражением атак партизаны постоянно взрывали железнодорожные пути, пустили под откос десятки воинских составов.

Сохранился журнал боевых действий бригады. Вот выписка за один день 18 февраля 1943 года. На деревню Пащерино, где дислоцировался отряд Ветковского, наступала группа немцев до 100 человек. В результате боя убито 12 карателей. Не выдержав боя, немцы отступили.

В тот же день группа партизан из этого отряда уничтожила телеграфно-телефонную связь на расстоянии одного километра на шоссе Идрица – Мозули.

Операции “Заяц-беляк” и “Зимнее волшебство”, несмотря на огромные силы и поддержку танками и авиацией, провалились.

Самой крупной операцией объединенных партизанских сил было уничтожение Савкинского моста на основной железнодорожной магистрали Резекне – Сокольники

через реку Неведрянка. Путь двухколейный, мост длиной около 100 метров. Вокруг укрепления: минные поля, дзоты, в четыре ряда колючая проволока, кругом пулеметные гнезда, минометы. 23 отряда партизан общей численностью три тысячи человек обрушились 31 марта 1943 года на Савкинский мост и близлежащие гарнизоны. Операцией руководили майоры А. И. Штрахов и И. И. Веселов – уполномоченные штаба партизанского движения. Два часа длился бой у моста. Отряд Ветковского в составе бригады отражал со стороны районного центра Идрица атаки немцев, пыгавшихся придти на помощь гарнизону. Два мощных взрыва потрясли мост – одна ферма рухнула в воду, вторая повисла над рекой. Движение поездов было остановлено на полмесяца. Пятьдесят километров прошли бойцы отряда Ветковского по распутице, чтобы участвовать в этой операции. И выполнили свой долг.

А через две недели партизаны Ветковского совместно с двумя отрядами бригады нанесли основной удар по опорному пункту Сутоки. Гарнизон его состоял из 300 гитлеровцев. 23 дзота были оборудованы вокруг, колючая проволока в три ряда, минометы и пулеметы, даже пушки. Сутоки были форпостом на железной дороге, связывающей районные центры Себеж и Пустошка. Но и такой крепкий орешек пришелся по зубам партизанам. Штурм Савкинского моста и Суток получил высокую оценку начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. “Такие операции, как... взрыв Савкинского моста и разгром сутокского гарнизона, совершенные калининскими партизанами, – писал Пономаренко в журнале “Большевик” в 1943 году, – войдут блестящими страницами в историю Отечественной войны”.

1 мая отряд Ветковского принял участие в партизанском параде, что прошел на поляне возле деревни Мыленки. Лихо шли партизаны почти удвоившегося отряда, слушали радиoinформацию из Москвы о торжественном заседании, параде и первомайском приказе Верховного

Главнокомандующего. А потом были салют из минометов, праздничный обед. И все это под боком у немцев. Партизаны чувствовали себя хозяевами своей земли. В соревновании отрядов бригады первое место было отдано отряду “25 лет Октября”, которым командовал наш земляк И. Н. Ветковский.

Уже после войны командир бригады вспоминал: “Ветковский помнил всегда, что до войны он был председателем сельсовета, и прежде всего ценил продуманность решений, смелость, подкрепленную расчетом. От него часто в бою можно было услышать: “На рожон не лезь! Выжди команду и тогда пошел”. Чувствовался в нем русский крестьянин. Война для него была работой”.

Летом 1943 отряд готовился к “рельсовой войне”. Перед партизанами была поставлена задача взрывать железнодорожные пути. Более десяти тонн взрывчатки доставили летчики. Добывали тол и сами, выплавляя из найденных снарядов. В бригаде была традиция: после успешной операции отмечать отряды. Вспоминает командир бригады Вараксов:

– Что бы ты хотел в первую очередь получить для отряда? – спрашиваю как-то Ветковского.

Тот, не раздумывая, ответил:

– Соль, конечно.

Но тут же спохватился:

– Лучше табаку.

Но, уходя, уже в дверях, обернулся:

– Нет, тол и только тол.

В отряде были организованы курсы по отработке приемов минирования. Каждый второй боец стал подрывником. И в августе началось. На “рельсовую войну” вышли все отряды. Близилась Курско-Орловская битва, о которой, конечно же, не знали, но все сделали, чтобы сорвать перевозки техники и живой силы врага. Группы подрывников уходили на задание каждый день. Только 4 августа подрывники отряда Ветковского на дороге Зилупе – Себеж

взорвали более 50 рельсов, разрушили связь на протяжении 900 метров.

Также рвали рельсы и соседние отряды, бригады. Както встретили за этой работой бойцов легендарного комбрига Литвиненко, бригада которого формировалась в 1941 году в Осташкове и под Селижаровом. Эта бригада первой в истории партизанского движения совершила глубокий рейд по тылам противника от Осташкова до Латвии. Была встреча и с отрядом Александра Германа, бывшего заместителя Литвиненко, который осенью 1941 года учил селижаровских партизан разведке.

Во многих переделках побывали партизаны Ветковского. Однажды, выдержав бой с двумя батальонами противника, пустили под откос десятки железнодорожных составов, автомашин. И почти все это время непрерывных боев рядом с отрядом были мирные жители, уцелевшие от облав карателей. Защитить и накормить их было непростым делом. Но были и радости. Возвращавшихся с задания партизан встречал песнями двенадцатилетний сын отряда Юра Кораблев. Это был талантливый мальчик. Ветковский отправил его самолетом в Москву с заданием поступить в музыкальную школу. Однажды самолетом же ему пришло письмо от Юры, где он писал: “Командир, задание выполнено, я учусь в музыкальной школе”.

В середине 1944 года фашисты готовились к отступлению в Прибалтику. Перед этим они сжигали деревни, угоняли скот, расстреливали мирное население. Особенно у партизан болела душа за детишек. Вывести их в тыл не представлялось возможным, фронт был закрыт наглухо. И тогда партизаны обратились в обком, а бюро Калининского обкома – в ЦК ВКП(б) с просьбой выделить для спасения детей авиационный полк, что и было сделано. 13-й полк ГВФ и 600-й полк ВВС без промедления приступили к переброске детей в тыл.

Подготовить партизанский аэродром было поручено отряду И. Н. Ветковского. Командир ночами не смыкал

глаз. Рядом дежурили бойцы охраны, сигнальщики, ракетчики. Задание было выполнено. Авиаторы вывезли 1571 ребенка, 93 кормящих матери, 105 раненых.

В июле 1944 года партизаны отряда встретились с воинами Красной Армии. Большая часть их стала солдатами и командирами Красной Армии, дошла до Праги, Берлина.

Глава двадцать третья

Одолов одну беду, вместе с частями Красной Армии вышвырнув врага из района, партизаны, теперь уж бывшие, принялись за восстановление порушенного хозяйства, за дело, о котором они мечтали все эти месяцы. Конечно, работа была в радость, но размеры ее были таковы, что и у отчаянных энтузиастов со временем могли опуститься руки.

Прежде всего, предстояло буквально в считанные дни восстановить систему управления районом. Для этого нужно было сделать сплошную “ревизию” каждой деревни, каждого предприятия, каждого коллектива, взять на учет весь скот, инвентарь, семена... А начинать нужно было с кадров.

С приходом Красной Армии почти все молодые партизаны ушли на фронт или партизанить в западные районы области. Например, председатель Ананкинского сельсовета И. Н. Ветковский. М. И. Ромашов, председатель Большекошинского сельпо, возглавил райпотребсоюз. Должность в это время непростая. К 29 января вместо 11 было создано 5 укрупненных сельпо. К концу января открыта столовая сельпо в Селижарове, налажена выпечка хлеба, подобраны проверенные кадры. Каждая кандидатура согласовывалась с отделом кадров райкома партии.

Все милиционеры, кроме двух, которых направили в партизанские отряды западных районов области, были снова зачислены в штат РО НКВД. Работы у них было много. Предстояло в самые короткие сроки очистить район от предательской скверны. Арестовано свыше 100 человек. За короткое время немцы побывали во всех деревнях, назначили старост, а в сельсоветах – старшин. Без оперативной помощи предателей им вряд ли бы удалось сделать это так быстро. А ведь они еще каждодневно грабили колхозы – угоняли скот, особенно коров и лошадей. Угоняли стадами. Одно из таких коровьих стад партизаны отбили у

немцев и передали 22-й армии. Я не знаю ни одной деревни, которую не тронули бы немецкие захватчики. Без предателей, активно сотрудничавших с оккупантами, им это сделать было бы сложно. Многие сотрудничали с немцами под угрозой расстрела. Но были и “энтузиасты”, готовые выгрести все из потайных мест сельчан, забрать последнюю коровенку, даже курицу. На что надеялись? Сегодня трудно сказать. Неужели и здесь проявилось русское “авось”? Но отвечать пришлось, чаще всего жизнью, оставив нескольким поколениям родственников клеймо иуды. Сегодня в районе живут внуки тех предателей. Конечно, они здесь ни при чем. Но, думаю, и они иногда недобрым словом вспоминают своих дедов, которые почти сплошь остались где-то на чужой стороне.

О чем думал староста деревни Колобово Степан Быков, активно помогая немцам? Здесь проходила линия фронта, и все держалось на волоске. На расстоянии винтовочного выстрела были наши, которые могли прийти в любой день. И все-таки Степан Быков из кожи вон лез, чтобы помочь немцам. Так же усердствовал и староста Г. Можаяев из деревни Хорево под Шуваевом. Можаяев сбежал с немцами, а Быкова, как и десятки других, арестовали в первый день прихода наших. Редкий случай: в Пестовском сельсовете в старостах ходила женщина – М. И. Бутова. По доносам старост расстреляны пять человек в Шуваевском, четверо в Ананкинском, столько же в Тверском сельсовете, причем на глазах у предателя и по его настоянию, двое в Дмитровском сельсовете... Это длинный и скорбный список. Впрочем, расстреливали и тех, кто оказывал даже малейшее сопротивление при отборе имущества. Инвалид Егор Батасов из деревни Малое Выжлятниково нес в мешке из гумна зерновые отходы. И на беду в деревню приехали немцы на лошадях, отобрали мешок с отходами. А когда Егор стал сопротивляться, поставили к стенке. За него вступилась вся деревня. И отстояла. А Егор до конца жизни не мог работать, его трясло днем и ночью. Этот случай

рассказал мне его сын Сергей Батасов, живущий в Селище, на глазах которого и произошло все это.

В 1941 году был приказ Сталина, в котором он требовал от воинских частей и местных органов уничтожения всего, что могло пригодиться немцам – скота, зерна, техники, деревень. Конечно, приказ не был выполнен, за что поплатились многие, особенно местные органы.

Но приказ был услышан. Немцами. При отступлении они сожгли только в Селижаровском районе сотни деревень. После изгнания оккупантов из района во всех сельсоветах была проведена эта горькая ревизия.

Сегодня нам трудно представить это массовое уничтожение жилья, всего того, что горело, без чего невозможно представить жизнь крестьянина. В Козловском сельсовете сожжены 281 жилой дом, 115 амбаров, 152 бани, 228 сараев, в Шуваевском – 302 дома, 171 баня, 128 сараев, в Ананкинском – 306 домов, 42 бани, 110 сараев. Примерно такие же цифры и по другим сельсоветам. Но больше всех пострадали Елецкий сельсовет – 517 домов и Молотовский – 784 дома, 471 амбар, 98 бань, 715 сараев. В одночасье был уничтожен труд тысяч людей. Меньше всех пострадал Волжанский сельсовет. Здесь было сожжено 17 домов. Сравнительно немного было сожжено домов и в Выжлятниковском сельсовете – 45. Немцам здесь было не до этого, настолько быстро наступали наши войска.

В целом же по району сожжено за несколько дней 5453 дома, 1407 амбаров, 1121 баня, 2928 сараев. Подобного не было никогда.

Не меньше пострадало и общественное хозяйство. Сожжены 201 скотный двор, 62 конюшни, 52 свинарника, 1367 зерновых амбаров, 4649 сенных и 66 мякинных сараев, 940 гумен... Какой нечеловеческий потребовался труд, чтобы восстановить все это. А ведь было восстановлено! И сделали это наши земляки, большинство которых ушло из этой жизни преждевременно, надрываясь и недоедая. А тем, кто еще остался, сегодня за 80. И осталось их мало,

очень мало. Помним ли мы их каторжный труд? И оценили ли по достоинству?

Оккупанты зарезали и увели с собой 2371 лошадь, 2267 голов крупного рогатого скота, в том числе 1989 коров, 636 свиней, 2398 овец, 4780 голов птицы... Если лошадь тогда была главной тягловой силой, хоть на пашне, хоть в лесу на вывозке леса, то корова – основой хозяйства. Чтобы вырастить лошадь или корову, надо минимум три года. Пришлось и пахать, и древесину трелевать вручную. Бык в хозяйстве был сродни трактору.

Почти подчистую немцы выгребли зерно, картофель. После изгона оккупантов собрали на весь район для посева в общественном хозяйстве 560 тонн ржи, 104 тонны пшеницы, 454 тонны овса, 140 тонн ячменя, 1652 тонны картофеля, 127 тонн семян льна. Помогли колхозники, сумевшие в укромных местах спрятать от врага посевной материал. Люди несли в колхоз последнее, передали ржи – 452 тонны, пшеницы – 49 тонн, ячменя – 81 тонну, льносемян – 7 тонн, картофеля – 356 тонн. Велик был соблазн эти бесценные продукты оставить себе на пропитание. Но кто тогда думал о себе, разве что крохоборы. Но таких были единицы. Не они делали погоду. Помогло и государство. Из восточных районов нашей области, из Сибири стали поступать вагоны с зерном. На себе семена по бездорожью доставляли из Селижарова подростки, женщины. В Выжлятникове мне дали старую военную фотографию. Передала ее Павлина Алексеевна Батасова (в девичестве Бойкова). Она во втором ряду крайняя слева. Справа в том же ряду – мой дядя А. И. Батасов, недавно скончавшийся. Ему, как и Павлине Алексеевне, тогда было неполных 13 лет. Они с другими подростками и женщинами за одну ходку в Селижарово делали почти 50 километров. Домой – с грузом бесценного зерна. И Боже упаси, чтобы по дороге из мешка пропала хоть горсть зерна.

Но им было хоть куда нести зерно. А во многих сельсоветах некоторые деревни были сожжены начисто. В Пес-

товском сельсовете сожжено 8 деревень, где до войны было 298 домов, в Красковском сельсовете – 7 деревень (129 домов), осталось 6. В Будаевском сельсовете уничтожено 7 деревень, в Пустошкинском сельсовете сожжено почти нацело 17 деревень, в Молотовском сельсовете – 26 деревень из 30. И так почти в каждом сельсовете.

Пусто было и в мастерских МТС. Например, в Кировской МТС из 24 тракторов ХТЗ¹ не осталось ни одного, как и из шести комбайнов. Из пяти льнотеребилков – ни одной, из семи сеялок уцелела одна, из 27 плугов – 18. А тракторы так нужны были на лесозаготовках! За месяц с небольшим, к 30 марта 1942 года, было заготовлено 7735 кубометров древесины. В лесу постоянно работали 205 подростков и женщин, 54 лошади.

Лес был нужен не только для собственных нужд, но и для промышленности, для Красной Армии. Задания имели все колхозы. Не выполнить его было огромным позором. Зимой лес в основном подвозили к рекам и речкам, по ним весной и сплавливали древесину до Селижарова. Старики и сегодня помнят эти запаны с лесом, балансом.

В день 10-летия Победы в Селижарове собралось полтора десятка партизан. Кто погиб, кто остался после службы в армии в других местах. Кто умер после такого напряжения, как П. А. Пылёв, инспектор райфо. Он заболел скоротечной чахоткой и скончался в феврале 1942 года. После праздничного митинга кто-то сказал: “Сколько же нас останется к 50-летию Победы?” Насколько я знаю, к этому времени остался в живых только один селижаровский партизан. К 60-летию Победы – ни одного. Но память о них жива. Не напрасно они мерзли в снегах, каждодневно рисковали жизнью за свободу Родины. Советский народ победил врага. Об этом помнят во всем мире. На празднование 60-летия Победы в Москву приехали около 60 руководителей государств, чтобы отдать дань мужеству, самопожерт-

¹ ХТЗ – Харьковский тракторный завод

вованию того поколения, подвигу русского народа. Большинство воинов нет сегодня с нами. Но остались их дети, внуки, правнуки, которые и через многие годы будут говорить с гордостью: мой отец, дед, прадед воевал с немцами и победил. Россия есть и будет всегда. И с будущими поколениями всегда останется Победа. И вклад в нее внесли не только воины большой войны, но и малой – партизаны.

Во Ржеве, Андреаполе, Нелидове, Осташковё и других районах изданы книги о партизанском подвиге своих земляков. Одна из последних книг – “В огненном кольце” издана в Оленинском районе. В предисловии глава Оленинского района Олег Дубов пишет: “Очень важно, чтобы память о войне сохранилась для будущих поколений, особенно для нашей молодежи... Сохранению памяти служит и эта брошюра...”

Такой благодарности заслуживают и наши земляки. Партизаны этого достойны.

Список сокращений

РК – районный комитет

РО – районный отдел

райзо – районный земельный отдел

райфо – районный финансовый отдел

райпо – районное потребительское общество

райплан – районный плановый отдел

райуполнаркомзаг – районный уполномоченный народного комиссариата по заготовкам

поссовет – поселковый совет

сельпо – сельское потребительское общество

ФЗО – фабрично-заводское обучение

Заготживсырье – заготовительная контора

МТС – машино-тракторная станция

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	25
ГЛАВА ПЯТАЯ	33
ГЛАВА ШЕСТАЯ	39
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	46
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	53
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	60
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	70
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ	76
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	82
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	89
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	97
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	104
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	111
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	119
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	126
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	133
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	140
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	147
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	154
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	169

Батасов Юрий Александрович

Партизанские засады
Документальная повесть

На обложке – современное Селижарово.

Фотография В. М. Смирнова

Редактура и корректура

М. С. Бодалёвой и Е. А. Кочетковой

Отв. редактор А. Ю. Сорочан

Тираж 300 экз.

Издательство “Марина”

(4822) 450-459, +7 920 684 6879.

Е-mail: batasic@tvcom.ru

Отпечатано в ООО “Альфа-Пресс”
170000, г. Тверь, Свободный пер., 28

(4822) 321-868.

В издательстве “Марина”
вышли в свет
следующие книги,
посвященные истории Тверского края:
Лажечников и Тверской край. – Тверь, 2005.

Лажечников и Тверской край. Вып. 2:
Литератор в провинции. – Тверь, 2006.

В серии “Святые источники Тверской земли”:

Оковецкий ключ. – Тверь, 2007

Готовятся к печати:

Лажечников и Тверской край. Вып. 3

В серии “Святые источники Тверской земли”:

Колодец св. Савватия и родник.

Источники с “живой” и “мертвой” водой.

Источник в селе Рождество.

АШИНОВ

Жданово

Пена

Селижарово

Андреаполь

Молодой Туд

Оденино

Нелидово

65

26

27

43

44

62

63

64

